

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
X ЕЖЕГОДНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА», ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА И.П. БЛИЩЕНКО

Москва, 13–14 апреля 2012 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2012

УДК 341.229(063)
ББК 67.91
М 43

Утверждено
*РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов*

Издание материалов круглого стола осуществлено
при финансовой поддержке гранта РГНФ
«X ежегодная Всероссийская научно-практическая конференция
«Актуальные проблемы современного международного права»,
посвященная памяти профессора И.П. Блищенко»
(проект № 12-03-14121)

М 43 **Международно-правовые вопросы освоения космоса** [Текст] : материалы круглого стола X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современного международного права», посвященной памяти профессора И. П. Блищенко. Москва, 13–14 апреля 2012 г. / отв. ред. О. Абашидзе, Г. П. Жуков, А. М. Солнцев. — М. : РУДН, 2012. — 181 с.

Издание представляет собой сборник докладов и выступлений участников круглого стола «Международно-правовые вопросы освоения космоса», проведенного в рамках X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко, состоявшегося в РУДН 13–14 апреля 2012 г.

Материалы научного форума отражают актуальные международно-правовые аспекты, затрагиваемые в исследованиях известных, а также молодых ученых-правоведов, и будут полезны как для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов и студентов юридических факультетов вузов, практических работников, так и всех интересующихся актуальными проблемами современного международного права и международных отношений.

ISBN 978-5-209-04688-2

УДК 341.229(063)
ББК 67.91

© Коллектив авторов, отв. ред. А.Х. Абашидзе, Г.П. Жуков,
А.М. Солнцев, 2012

© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Жуков Г.П. 45 лет Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.....	8
Волынская О.А. Проблемы нормативно-правового обеспечения страхования космических рисков в России и за рубежом.....	30
Лукиянова А.В. Международная организация подвижной спутниковой связи.....	37
Юзбашян М.Р. К вопросу о международном космическом частном праве.....	46
Османова А.Х. Исторический аспект развития европейской космической политики.....	61
Аренова Е.Д. Особый правовой статус комплекса «Байконур» в свете сотрудничества Казахстана и России в сфере космической деятельности.....	67
Куликпаева М.Ж. Международное космическое право и Закон Республики Казахстан «О космической деятельности» от 6 января 2012 г.	77
Воронина А.С. Формы сотрудничества государств по исследованию и использованию космического пространства на двустороннем уровне.....	84
Травников А.И. Актуальные проблемы правового регулирования полетов космических аппаратов.....	93
Ганенков Е.О. Перспективы международно-правового регулирования воздушно-космической навигации.....	98
Мещерякова О.М. Развитие европейской космической политики в контексте Лиссабонского договора.....	106

Сергеева Е.С. Международно-правовые проблемы ответственности в международном космическом праве	114
Aleksandra Koneva The issue of the environmental damage caused by the space activities	123
Клюня А.Ю. Международное право о борьбе с космическим мусором.....	127
Солнцев А.М. Постоянная палата третейского суда как средство урегулирования международных споров, связанных с космической деятельностью.....	134
Гугунский Д.А. Регулирование космической деятельности в Украине.....	140
Верещетин В.С., Жуков Г.П. Выдающийся ученый, педагог и дипломат Евгений Александрович Коровин (12.10.1892 — 03.11.1964).....	148
Sergio Marchisio The Legal Dimension of the Sustainability of Outer Space Activities	156
Гладуш Т.А. Актуальные вопросы предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве.....	178

ПРЕДИСЛОВИЕ

Космическое право является самым молодым и вместе с тем перспективным по прогрессивному развитию среди отраслей современного международного права.

С момента выведения Советским Союзом первым на космическую орбиту искусственного спутника 4 октября 1957 г. и полета первого человека в космос Юрия Гагарина 12 апреля 1961 г. прошло меньше десяти лет как был принят основополагающий международный договор по космосу, определивший основные принципы деятельности государств по мирному исследованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Это — редкий случай в международном нормотворчестве, когда договорные нормы послужили основой для возникновения международных правовых обычаев в этой сфере. Более того, договорные нормы были созданы в условиях отсутствия национального законодательства и широкой практики в указанной сфере.

7 апреля 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, на основе которой день 12 апреля был провозглашен Международным днем полета человека в космос. В резолюции упоминается о том, что «12 апреля 1961 г. состоялся первый полет человека в космос, который совершил Юрий Гагарин — советский гражданин, родившийся в России, признавая, что это историческое событие открыло путь для исследования космического пространства на благо всего человечества». Генеральная Ассамблея выразила убежденность в общей заинтересованности человечества в содействии исследованию и использованию космического пространства, являющегося достоянием всего человечества, в мирных целях, в расширении масштабов этой деятельности и в продолжении усилий по обеспечению всем государствам возможности пользоваться связанными с этим выгодами.

Космос все больше становится привлекательным для государств пространством, что предполагает увеличение числа осваивающих космос государств. Космические державы уже рассматривают космос как арену демонстрации их превосходства в научно-технической и других сферах, однако это не исключает применения ими средств двойного назначения, что не может не противоречить режиму мирного использования космоса, Луны и других небесных тел. В этом аспекте можно ожидать возникновения проблем в сфере демилитаризации космического пространства.

Несмотря на ограниченное число государств, активно занимающихся космической деятельностью, космическое пространство уже страдает от ее негативных последствий, выражающихся, в частности, в образовании космического мусора из космических объектов, реально создающих угрозу нормальной космической деятельности.

Учитывая эти и подобные им обстоятельства следует подчеркнуть необходимость дальнейшего укрепления сложившегося международно-правового режима по мирному исследованию и освоению космического пространства, включая Луну и другие небесные тела. Требуется также уточнение и дальнейшая разработка отдельных важных аспектов, связанных с космической деятельностью в коммерческих целях, что предполагает расширение списка хозяйствующих субъектов из числа негосударственных структур. В связи с этим в рамках общих проблем определения ответственности в космическом праве возникают вопросы о солидарной ответственности, вопросы страхования и определения степени рисков и т.д. Требуется решение некоторых проблем общего характера с должным учетом озабоченности каждого государства по поводу национальной безопасности.

Дальнейшее прогрессивное развитие космического права зависит как от решения проблем теоретико-концептуального характера, так и от наличия материальных и технических ресурсов государств и интеграционных объединений. Нынешняя ситуация подтверждает, что несмотря на очередной возможный финансовый кризис государства и интеграционные объединения (особенно ЕС) не собираются сокращать расходы на программы, связанные с

дальнейшим освоением космоса, что указывает на приоритетность этого направления в деятельности государств на перспективу.

В этих условиях постоянный интерес кафедры международного права к космической проблематике вызван осознанием того факта, что это направление является одним из тех немногих которое даст возможность России быть конкурентоспособной на мировой рынке технологий. Эта задача страны предполагает наличие продвинутой науки космического права, чем славится кафедра международного права юридического факультета РУДН.

А.Х. Абашидзе,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного права РУДН,
вице-председатель Комитета ООН по экономическим,
социальным и культурным правам,
председатель Комиссии международного права
Российской ассоциации содействия ООН

31 октября 2012 г.

45 ЛЕТ ДОГОВОРУ О ПРИНЦИПАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА, ВКЛЮЧАЯ ЛУНУ И ДРУГИЕ НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА

Г.П. Жуков.

доктор юридических наук, профессор,
член Международной академии астронавтики

I. ООН-центр формирования международного космического права

Юридическая общественность в 2012 г. отметила 45-летие Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая, Луну и другие небесные тела 1967 г., (далее — Договор по космосу), который положил начало формированию и прогрессивному развитию международного космического права.

С начала космической эры Организация Объединенных Наций уделяет большое внимание налаживанию, углублению и расширению международного сотрудничества в исследовании и использовании космического пространства, усилиям по становлению и развитию международного космического права.

Вскоре после запуска в 1957 г. Советским Союзом первого в мире искусственного спутника Земли Генеральная Ассамблея ООН в 1958 г. учредила Специальный комитет по использованию космического пространства в мирных целях в качестве своего вспомогательного органа для оказания содействия в обсуждении космической проблематики. Одно из положений резолюции 1348 (XIII), учреждавшей этот орган, предусматривало, что Коми-

тет должен был, в частности, изучить характер правовых проблем, которые могут возникнуть при освоении космоса. Однако в условиях холодной войны из-за разногласий по поводу состава Комитета он оказался нежизнеспособным, поскольку СССР и ряд других государств отказались от участия в его работе.

12 декабря 1959 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 1472 (XIU) «Международное сотрудничество в области мирного использования космического пространства», которая предусматривала создание Постоянного комитета по использованию космического пространства в мирных целях в составе 24 государств. Эта резолюция также поручала Комитету изучать характер правовых проблем, которые могут возникнуть при исследовании космического пространства. Однако из-за продолжавшихся разногласий по его составу Комитет фактически бездействовал два года со времени формального учреждения. В ходе дальнейших переговоров между делегациями СССР и США удалось договориться о расширении состава Комитета и выработать совместный проект резолюции, к которому впоследствии присоединились все остальные страны. 20 декабря 1961 г. Ассамблея единогласно приняла резолюцию 1721 (XIV) «Международное сотрудничество в области мирного использования космического пространства», которая расширила состав Комитета до 28 государств-членов. В дальнейшем состав Комитета неоднократно увеличивался и в настоящее время достиг 67 государств-членов. В качестве наблюдателей в его работе участвуют ряд международных межправительственных и неправительственных организаций.

В 1962 г. Комитет ООН по космосу постановил, что он и его вспомогательные органы будут стремиться в своей деятельности к тому, чтобы не прибегать к голосованию при принятии решений, т.е. продолжать переговорный процесс до тех пор, пока предлагаемое решение того или иного вопроса не станет приемлемым для всех государств — членов Комитета. Решение проблем, возникающих при формулировании международных космических соглашений и деклараций, принимаемое консенсусом, способствовало превращению ООН в общепризнанный центр разработки международного космического права.

Для успешного выполнения возложенных на него задач Комитет в 1962 г. создал два подкомитета полного состава: Научно-технический и Юридический. По мере необходимости в рамках Комитета и его подкомитетов учреждались рабочие группы для рассмотрения той или иной проблемы.

II. У истоков формирования международного космического права

Первым документом ООН, содержащим адресованные государствам рекомендации, касающиеся деятельности в космосе, явилась резолюция 1721 (XIV), единогласно принятая Генеральной Ассамблеей 20 декабря 1961 г. Признав общую заинтересованность человечества в дальнейшем мирном освоении космоса, в налаживании международного сотрудничества в этой области и в направлении его на благо всего человечества, Генеральная Ассамблея приняла рекомендацию о том, чтобы в своей деятельности по исследованию и использованию космоса государства руководствовались следующими принципами:

- международное право, включая Устав ООН, распространяется на космическое пространство и небесные тела;
- космическое пространство и небесные тела открыты для освоения всеми государствами в соответствии с международным правом и не подлежат национальному присвоению.

Важное значение этих положений заключалось, прежде всего, в том, что они подтвердили основополагающий принцип, согласно которому государства обязаны руководствоваться международным правом во всех своих действиях и во всех средах, включая космическое пространство.

Всего через два года после начала работы Комитета ООН по космосу Генеральная Ассамблея ООН получила его первую международно-правовую «продукцию». В результате напряженных переговоров в Комитете и его Юридическом подкомитете был подготовлен и представлен на одобрение Генеральной Ассамблеи ООН проект Декларации правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства. Декларация, единогласно принятая Ас-

самблеей 13 декабря 1963 г., сыграла важнейшую роль в становлении международного космического права.

Следует иметь в виду, что принятию Декларации правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства 13 декабря 1963 г. Генеральной Ассамблеей ООН предшествовала ожесточенная дипломатическая борьба.

Прежде всего, встал вопрос с чего начинать формирование этой новой отрасли международного права. Относительно первых шагов по формированию этого права ожесточенная дискуссия велась в 1962–1963 гг. на сессиях Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу. Англо-саксонские страны отстаивали путь от частного к общему, предлагая заключить в начале соглашение о спасании космонавтов, а затем шаг за шагом по мере накопления практики решать другие правовые проблемы.

Дипломатия нашей страны, опираясь на поддержку стран романской системы права и развивающихся стран, добилась принятия Генеральной Ассамблеей ООН иного решения. Речь шла о необходимости разработки основных принципов, которыми должны руководствоваться государства в своей космической деятельности. Примечательно, что именно в этот ответственный момент по инициативе Г.И. Тункина¹ сложилось прекрасное содружество ученых и дипломатов при обсуждении и разработке подходов к формированию норм зарождающегося международного космического права и прежде всего Декларации правовых принципов исследования и использования космического пространства 1963 г., которая легла в основу разработанного в дальнейшем и вступившего в силу 10 октября 1967 г. Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая, Луну и другие небесные тела по космосу.

Отмечая значение научных исследований правовых проблем освоения космоса в стране в первой половине 60-х гг., следует отметить особую роль члена-корреспондента Академии наук СССР Е.А. Коровина

---

¹ С 1952 по 1965 г. Г.И. Тункин возглавлял Договорно-правовой отдел МИД СССР.

Принятию этой Декларации предшествовали особенно ожесточенные споры, которые велись на первых двух сессиях Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу, особенно по форме документа, по п. 7 предложения СССР, в котором говорилось, что «все виды деятельности по исследованию и использованию космического пространства осуществляются только государствами» и п. 9, в котором утверждалось, что «использование искусственных спутников Земли для сбора сведений разведывательного характера на территории иностранных государств несовместимо с целями, которые стоят перед человечеством в освоении космического пространства»¹.

Позиция советской делегации на 1-й сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу 1962 г. в дипломатическом плане оказалась крайне выигрышной. В ответ на уступки по некоторым формулировкам на следующей 2-й сессии Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу в 1963 г. в ходе переговоров с делегацией США удалось добиться согласия по целому ряду кардинальных проблем в итоге которых на сессии Генеральной Ассамблеи ООН была одобрена 13 декабря 1963 г. Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства. Эта Декларация торжественно провозгласила, что при освоении космоса государства должны руководствоваться следующими принципами:

- исследование и использование космоса осуществляются на благо и в интересах всего человечества;
- космос и небесные тела открыты для освоения всеми государствами на основе равенства;
- космос и небесные тела не подлежат национальному присвоению никакими средствами;
- космическая деятельность должна осуществляться в соответствии с международным правом;

---

¹ Член делегации Г.П. Жуков был приглашен осветить позицию СССР в выступлении на заседании Американского общества международного права.

– государства несут международную ответственность за всю национальную деятельность государств в космосе, в том числе за деятельность неправительственных органов;

– при исследовании и использовании космоса государства руководствуются принципом сотрудничества и взаимной помощи и должным образом учитывают соответствующие интересы других государств;

– государства сохраняют юрисдикцию и контроль над своими космическими объектами и их экипажами во время их нахождения в космосе; объекты, приземлившиеся на иностранной территории, возвращаются запустившему их государству;

– запускающие государства несут международную ответственность за ущерб, причиненный их космическими объектами;

– космонавты рассматриваются в качестве посланцев человечества в космос, им оказывается всемерная помощь в случае аварии, и они незамедлительно возвращаются запустившему государству.

Одновременно с вышеупомянутой Декларацией Генеральная Ассамблея ООН, благодаря усилиям Советского Союза, приняла резолюцию 1884 (ХУШ) от 17 октября 1963 г., в которой она приветствовала выраженное СССР и США намерение не размещать в космическом пространстве объекты с ядерным или другими видами оружия массового уничтожения. Ассамблея также торжественно призвала другие государства воздерживаться от таких действий, не устанавливать оружие массового уничтожения на небесных телах и не размещать его в космосе каким-либо другим образом. Следует иметь в виду, что Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г. и резолюция 1884 (XVIII) взаимно дополняли друг друга. Московский договор запретил проведение испытаний ядерного оружия в космосе, однако не исключал возможности размещения в пределах этого пространства такого оружия. Резолюция Генеральной Ассамблеи пошла дальше и запретила размещать в космосе любые объекты с ядерным оружием на борту.

В связи с одобрением Декларации правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использо-

ванию космического пространства 1963 г. вполне естественно встал вопрос о закреплении этих принципов в международном соглашении.

В итоге, на основе текста Декларации 1963 г был подготовлен проект договора, который после окончательного согласования между СССР и США был представлен Генеральной Ассамблее ООН и 19 декабря 1966 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила текст договора, который 27 января 1967 г. был открыт для подписания государствами, а 10 октября 1967 г. вступил в силу.

Договор по космосу спустя 45 лет после вступления в силу является самым успешным продуктом правотворчества в рамках Организации Объединенных Наций за истекшее время. Сто государств стали сторонами Договора по космосу и 27 других государств подписали его, и это — огромный вотум доверия международного сообщества.

Договор стал отправной точкой для национальной деятельности и международного сотрудничества в исследовании и использовании космического пространства. На сегодняшний день 17 государств приняли законы, регулирующие национальную космическую деятельность — это Австралия, Южная Африка, Англия, Аргентина, Бельгия, Бразилия, Германия, Испания, Канада, Китай, Норвегия, США, Российская Федерация, Украина, Швеция, Франция, Чили. Япония.

Творцы Договора были в состоянии сосредоточиться как на непосредственных проблемах, таких как ответственность за ущерб, причиненный космической деятельностью, так и на более отдаленных перспективах, как эксплуатация ресурсов Луны и других небесных тел. Однако, основная идея, заложенная в Договоре по космосу, состояла в поддержании международного мира и безопасности и поощрении международного сотрудничества в использовании космоса в мирных целях. Договор по космосу обеспечил безопасность и порядок в международной космической сфере за истекшие 45 лет, что свидетельствует о том, что этот Договор хорошо послужил мировому сообществу.

Когда Генеральная Ассамблея ООН принимала Договор по космосу и открыла его 27 января 1967 г. для подписания, речь шла

не о том, чтобы иметь дело с каждым конкретным непредвиденным обстоятельством, которое могло бы возникнуть в исследовании и использовании космического пространства, Луны и других небесных тел. Договор по космосу установил комплекс основных принципов, призванных регулировать космическую деятельность государств.

Последующие международные документы, регулирующие космическую деятельность, принятые Генеральной Ассамблеей ООН, служили задаче распространения и расширения принципов Договора по космосу, и регламентации более определенных и конкретных сфер космической деятельности. Договор по космосу таким образом положил лишь начало формированию и прогрессивному развитию международного космического права в рамках Организации Объединенных Наций,

В совокупности все эти документы составляют ядро того, что является отдельной отраслью общего международного права, а Договор по космосу составляет ее доминирующий корень.

Успех правотворческого процесса ООН по принятию Договора по космосу, также как и последующие соглашения, которые конкретизировали его принципы, обусловлен был готовностью государств договариваться, принимать, подписывать и ратифицировать эти важные документы в самый разгар холодной войны. Договор по космосу и те соглашения, которые следовали за ним, свидетельствуют о вкладе, сделанном представителями ведущих космических и других государств, которые внесли свой активный вклад в успешное завершение переговоров и их заключение. Хотелось бы отметить огромный творческий вклад Ю.М. Колосова в разработку всех следующих за Договором по космосу соглашений и деклараций, а также участие в деятельности Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу¹.

---

¹ См.: Жуков Г.П. Международное космическое право: Текст лекций. — Тема: История советской доктрины. — М.: Изд-во Университета Дружбы Народов, 1990.

III. Международно-правовой режим космического пространства

Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, вслед за договором 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах отвергает дискриминационную для целого ряда государств линию в отношении круга участников, используя изобретенную так называемую «московскую формулу ратификации международных договоров».

Еще в ходе обсуждения Советский Союз решительно выступил против предложения открыть договор для подписания только государствами — членами ООН, специализированных учреждений или любыми другими государствами, которых пригласила бы Генеральная Ассамблея ООН. В случае принятия этого предложения от участия в договоре заведомо были бы устранены страны, не являющиеся членами упомянутых организаций, в частности бывшая ГДР. Тем самым универсальный характер Договора по космосу полностью соответствует его целям.

Основные положения Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, содержащиеся в преамбуле и 17 статьях, направлены на обеспечение мирного сотрудничества государств в освоении космоса.

Договор устанавливает, что исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества.

Запуском 4 октября 1957 г. первого советского искусственного спутника Земли было положено начало международной практике космических полетов. Договор закрепляет эту практику, провозглашая космос открытым «для исследования и использования всеми государствами без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства и в соответствии с международным правом, при свободном доступе во все районы небесных тел». Тем самым принцип свободы исследования и использования космоса получил

прочную правовую основу, и в этой связи положительная роль ООН несомненна.

Принцип свободы исследования и использования космического пространства утвердился сначала как обычная норма международного права, получившая закрепление в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН с вступлением в силу Договора по космосу 1967 г. Этот принцип стал общепризнанной императивной договорной нормой международного права. Свобода космоса для всех государств неразрывно связана с определенными ограничениями этой свободы. В ст. I Договора говорится, что исследование и использование космического пространства осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества. Статья IX предусматривает, что государства должны осуществлять всю свою деятельность в космическом пространстве с должным учетом соответствующих интересов всех других государств.

В Договоре по космосу говорится, что деятельность по исследованию и использованию космического пространства должна осуществляться в соответствии с международным правом. Речь идет о таких принципах, как запрещение угрозы силой или ее применения во взаимоотношениях между государствами, мирное разрешение международных споров, невмешательство во внутренние дела государств, суверенное равенство государств, добросовестное выполнение обязательств, принятых государствами в соответствии с Уставом ООН. Эти принципы закреплены в таком важнейшем документе современного международного права, как Устав ООН. Свобода космоса для всех государств неразрывно связана с определенными ограничениями этой свободы.

С провозглашением свободы исследования и использования космоса непосредственно связан принцип неприисвоения космического пространства. Статья II Договора по космосу гласит: «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами».

Статья II запрещает любые формы и способы присвоения не только государствами, но и международными и национальными организациями, а также частными лицами. Эта статья Договора по космосу устанавливает запрет лишь на те виды и способы использования космического пространства и его частей, которые представляют собой присвоение, постоянное завладение, обращение в собственность. Временное занятие отдельных участков космического пространства и небесных тел (например, мест нахождения спутников на геостационарной орбите или участков размещения станций на Луне) не запрещено международным космическим правом. Принцип неприсвоения не затрагивает также осуществления суверенных прав государства в отношении своих граждан и космических аппаратов, находящихся в космическом пространстве.

В ст. IX Договора по космосу установлено два тесно взаимосвязанных обязательства по предотвращению потенциально вредных последствий космической деятельности и охране окружающей среды: 1) осуществлять деятельность в космическом пространстве «с должным учетом соответствующих интересов всех других государств»; 2) проводить изучение и исследование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, «таким образом, чтобы избегать их вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды вследствие доставки внеземного вещества», и с этой целью в случае необходимости принимать «соответствующие меры».

Из первого обязательства, носящего более широкий характер, вытекает, что деятельность, причиняющая помехи или препятствующая исследованию и использованию космоса другим государством, международным космическим правом не допускается.

Второе обязательство непосредственно направлено на охрану земной и космической среды от вредных последствий космической деятельности. Термин «загрязнение» в ст. IX Договора по космосу должен толковаться в широком смысле этого слова и включать как умышленные, так и непреднамеренные действия, влекущие за собой химическое, биологическое, радиоактивное и прочие виды за-

грязнения среды в количествах, представляющих опасность для поддержания ее естественного равновесия¹.

Интенсификация космических исследований и связанное с этим резкое увеличение числа запусков космических объектов приводят к постоянному росту количества «космического мусора» отработавших космических аппаратов, ракет и их составных частей.

Столкновение даже с мелкими фрагментами космических объектов может создать угрозу разгерметизации пилотируемых космических кораблем и станций и нарушить их нормальное функционирование.

В Договоре по космосу предусматривается процедура проведения международных консультаций относительно помех или экспериментов, которые могут создать потенциально вредные помехи деятельности других государств по мирному исследованию и использованию космического пространства.

В соответствии со ст. IX Договора государство, имеющее основания полагать, что запланированная им или его гражданами деятельность может создать потенциально вредные помехи мирной космической деятельности других государств, должно провести соответствующие международные консультации, прежде чем приступить к такой деятельности или эксперименту. Другие государства со своей стороны могут запросить проведение консультаций относительно такой деятельности или эксперимента.

Порядок проведения международных консультаций, предусмотренных ст. IX, а также их юридические последствия требуют дальнейшего уточнения и развития, так как они сформулированы лишь в самом общем виде. Для решения всех вопросов, связанных с предотвращением потенциально вредных последствий космической деятельности, большое значение имеет соблюдение требования ст. IX Договора о том, что «при исследовании и использовании космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, государства — участники Договора должны руководствоваться принципом сотрудничества и взаимной помощи».

---

¹ Курс международного права. Т. 5 / Отв. ред. В.С. Верешетин. — М., 1992. — С. 177.

Особое значение имеет обязательство участников Договора 1967 г. «не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с ядерным оружием или другими видами оружия массового уничтожения и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом» (п. 1 ст. IV Договора).

В соответствии с общепризнанным толкованием термина «оружие массового уничтожения» он охватывает такие виды оружия, как ядерное, химическое, биологическое и другие сравнимые с ними как по разрушительному, так и поражающему действию виды оружия, в том числе и те, которые могут быть созданы в будущем. Запрет размещения в космосе указанных видов оружия распространяется также на объекты, совершающие частично орбитальный полет.

Таким образом Договор по космосу 1967 г. в части запрета на размещение в нем ядерного и других видов оружия массового уничтожения, явился весьма эффективным препятствием для гонки вооружений в космическом пространстве

До сих пор речь шла о частичных мерах по девэпонизации космоса. В Договоре 1967 г. по космосу применительно к Луне и другим небесным телам установлены далеко идущие запреты размещения на них оружия.

В соответствии с Договором 1967 г. по космосу Луна и другие небесные тела должны использоваться «исключительно в мирных целях». Примерный перечень видов деятельности, запрещенных на Луне и других небесных телах, включает установку ядерного оружия или любых других видов оружия массового уничтожения, создание военных баз, сооружений, укреплений, испытание любых типов оружия и проведение военных маневров. Допускается использование военного персонала для научных исследований или каких-либо иных мирных целей, а также использование любого оборудования или средств, необходимых для мирного исследования Луны и других небесных тел (п. 2 ст. IV Договора по космосу).

Успех правотворческого процесса ООН по принятию Договора по космосу, также как и последующие соглашения, которые конкретизировали его принципы, обусловлен был готовностью государств договариваться, принимать, подписывать и ратифици-

ровать эти важные документы в самый разгар холодной войны. Договор по космосу и те соглашения, которые следовали за ним, свидетельствуют о вкладе, сделанном представителями ведущих космических и других государств, которые внесли свой активный вклад в успешное завершение переговоров и их заключение.

IV. Преподавание международного космического права в России

Международное космическое право в России, точнее в Москве, преподается на двух кафедрах международного права — Российского университета дружбы народов (РУДН) и Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (МГИМО).

1. Учебник международного космического права

Преподавание ведется по учебнику международного космического права, опубликованного профессорами Г.П. Жуковым и Ю.М. Колосовым в 1999 г. Учебник рекомендован Министерством образования РФ для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности юриспруденция (международное право), международные отношения и международные экономические отношения. Естественно, что некоторые места в учебнике устарели. На лекциях приходится указывать студентам на такие места и сообщать свежую информацию. Постепенно надо искать спонсоров для подготовки нового обновленного варианта учебника. Большим достоинством учебника является приложение всех действующих документов.

2. Курс лекций международного космического права в РУДН

Курс лекций в РУДН был введен профессором Г.П. Жуковым в 1965 г., то есть 47 лет тому назад. Курс международного космического права в настоящее время продолжает читаться профессором Г.П. Жуковым студентам магистратуры. Курс лекций завершается приемом экзаменов.

Основная масса студентов представлена гражданами РФ. Кроме этого есть студенты из СНГ, а также Китая, Ливана, Марокко, Гвинеи-Бисау. Лекции посвящены не только теоретическим вопросам, но и прикладным проблемам международного космиче-

ского права, связанным с практической космической деятельностью.

Учебно-методическое значение курса содействует лучшему пониманию общего международного права. Обращается внимание на проблемы международного космического права, которые опережают научно-технический прогресс. В качестве примера приводится ст. V Договора по космосу 1967 г., в которой говорится о том что «космонавты одного государства участника Договора оказывают возможную помощь космонавтам других государств участников Договора», а также положения этого Договора, относящиеся к правовому статусу Луны.

В лекциях обращается внимание на новеллу международного права относительно международной ответственности государств за ущерб, причиненный космическими объектами. Как известно Комиссия ООН по кодификации и прогрессивному развитию международного права лишь сравнительно недавно приступила к разработке проблемы ответственности за правомерную деятельность государств.

Семинары проводятся на основе казусов moot court, разработанных в рамках Международного института космического права в целях активного вовлечения всех участвующих студентов. На семинарах студенты обучаются детальному аналитическому изучению документов по международному космическому праву. Обращается внимание на тенденцию ряда государств обойти положения действующих договоров по космосу. В частности обращается внимание на выступления отдельных юристов против ст. VI Договора по космосу 1967 г., на несостоятельность попытки Казахстана в двустороннем договоре с РФ об аренде Байконура не считать себя «запускающим» государством, вместо того, чтобы сделать оговорку о том, что РФ берет на себя расходы по компенсации возможного ущерба в ходе запуска космического объекта с Байконура. Обращается внимание студентов на отказ Великобритании и Голландии считать себя запускающим государством при запуске объектов в космос их частной компанией, что является нарушением действующих норм международного космического права.

Особое внимание обращается на нежелание многих стран Восточной Европы, Прибалтийских стран и большинства стран СНГ

стать участниками договоров по космосу и тем самым выполнять призывы сессий Генеральной Ассамблеи ООН. Проблема обсуждается студентами как проявление странного правового недомыслия, предлагаются варианты решения этой проблемы.

Студенты, которые пропустили занятия, выполняют письменные работы по соответствующим темам.

3. Трудности при чтении лекций по космическому праву

Какие трудности встречаются при чтении лекций по космическому праву?

Прежде всего, это необходимость разяснять научно-технические азы космической деятельности.

Обычно лекция курса начинается с вопроса студентам о том, в какую сторону крутится Земля. Как ни странно большинство говорит, что Земля крутится по часовой стрелке. После этого преподаватель разясняет студентам значение этого вопроса для запуска ракет-носителей. Одновременно раскрывается понятие и важное значение геостационарной орбиты для различных космических служб.

Часто иностранные студенты жалуются на то, что на сайте Космического центра ООН в Вене невозможно обнаружить тексты космических документов на их родном языке.

К сожалению в России выпускники РУДН редко устраиваются на работу специалиста по космическому праву. Иностранцы студенты чаще находят себе применение по этой специальности.

В заключение следует отметить, что студенты с большим интересом принимают участие в занятиях по международному космическому праву, поскольку узнают много нового.

4. Спецкурс в Московском государственном институте международных отношений (Университете)

Спецкурс «Международное космическое право» (общее количество часов — 16) читается в Московском государственном институте международных отношений (Университете) на 4-м курсе факультета международного права профессором Ю.М. Колосовым и доцентом И.Ю. Штодиной.

В прошлом году курс прослушали 30 студентов, в том числе из России, Украины, Болгарии, Армении.

Цель курса состоит в том, чтобы дать студентам наиболее полное представление о истории становления международного космического права как отрасли общего международного права, об основных принципах космического права, его источниках, о новейших тенденциях в области космического права, о проблемах в ограничении военного использования космоса.

В этом году планируется уделить внимание не только публичным аспектам международного космического права, но и частно-правовым аспектам космической деятельности.

Освоение курса предполагает получение знаний как в области общих вопросов теории международного космического права, так и в области правового регулирования прикладных видов космической деятельности.

V. Специфические особенности международного космического права как отрасли общего международного права

Прежде всего, это проблема почти мгновенного формирования целой отрасли международного права под влиянием научно-технического прогресса. Причем в ряде случаев нормы этого права значительно опережали достижения научно-технического прогресса.

Поистине космические темпы формирования обычных норм космического права меняют представление о сроках возникновения таких норм в общем международном праве. Обычай играет важную роль в международном космическом праве. Ряд обычных норм предшествовал созданию соответствующих договорных норм международного космического права. Имеется ввиду процесс формирования принципов свободы исследования и использования космического пространства, а также запрета национального присвоения этого пространства, провозглашенный резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 1721/XVI в 1961 г.

Большое значение имеет процесс становления обычной нормы, определяющей границы между воздушным и космическим пространством на уровне низших перигеев полета спутников в надземном пространстве, а также обычная норма относительно свободы дистанционного зондирования со спутников территории

иностранным государствам. В формировании обычая большое значение имеют, принимаемые Генеральной Ассамблеей ООН резолюции по сотрудничеству в использовании космического пространства. Обычай имеет огромное значение для универсального применения договоров по космосу в отношении тех государств, которые не являются их участниками.

Договор по космосу установил ответственность государства за всю его национальную деятельность в космосе, включая ответственность за деятельность частных компаний. Это важная новелла в общем международном праве, которому известна ответственность государства только за деятельность своих органов, оставляя ответственность за действия юридических лиц за пределами своих границ международному частному праву.

Другим новшеством явилась международная ответственность государства за ущерб причиненный в результате правомерной деятельности, связанной с повышенным риском, каковой является запуск космических объектов. В морском и атомном праве известна ответственность операторов за ущерб причиненный правомерной деятельностью в рамках международного частного права, но нигде не говорится об ответственности государств. Под влиянием этого положения в международном космическом праве Комиссия ООН по кодификации и прогрессивному развитию международного права разработала документ «о международной ответственности за вредные последствия действий, не запрещенных международным правом».

Специфической особенностью формирования международного космического права является то, что оно началось с формирования норм международного права и лишь последующего принятия соответствующего национального космического законодательства в отдельных странах. Как известно международное морское и воздушное право в историческом плане начинало свое формирование с принятия отдельными странами соответствующих законодательных актов.

В космическом праве регулируется вопрос о юрисдикции государств над объектами и их экипажами во время их нахождения в космическом пространстве и о процедуре привлечения к уголов-

ной ответственности персонала на МКС за неправомерные действия.. Об этом говорится в межправительственном соглашении по международной космической станции 1998 г. В этом же соглашении сформулирован принцип взаимного отказа от требований об ответственности за ущерб, причиненный в ходе осуществления деятельности, непосредственно связанной с функционированием космической станции. Таким образом, члены экипажа МКС и их организации защищены от неожиданностей, которые могут возникнуть в ходе совместной деятельности на космической станции, связанной с повышенным риском. Эти два положения представляют интерес при регулировании международно-правового сотрудничества государств в других сферах деятельности.

В международном космическом праве с самого начала ставился решался вопрос о международной правосубъектности международных межправительственных организаций. Первый шаг в этом направлении возни и решался при заключении Договора по космосу в ст. XIII В Конвенции 1972 г. о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, устанавливается солидарная ответственность международной межправительственной организации и участвующих в ней государств за причиненный ущерб, причем организация несет первоочередную ответственность (ст. XXII). Это обстоятельство также представляет интерес с точки зрения общего международного права поскольку Комиссия ООН по кодификации и прогрессивному развитию не разработала еще документа об ответственности международных организаций¹.

С 70-х гг. стали создаваться невиданные доселе международные космические организации спутниковой связи производственного характера со взвешенным видом голосования — это ИНТЕЛСАТ, ИНМАРСАТ, ЕВТЕЛСАТ, ИНТЕРСПУТНИК, АРАБСАТ, АФРОСАТ. В связи с ожесточенной конкуренцией на

---

¹ См.: *Якушев Ю.В.* Анализ деятельности Комиссии международного права ООН по выработке акта об ответственности международных организаций // Актуальные проблемы международного права: Материалы ежегодной межвузовской научно-практической конференции кафедры международного права. 17 апреля 2006 г. — М.: РУДН, 2006. — С. 72–82.

рынке космической связи большинство из этих организаций с конца 90-х гг. были приватизированы. Субъектами международного права остались только две организации — ИНТЕРСПУТНИК и АРАБСАТ.

Почему в современных условиях нельзя говорить о том, что космос используется исключительно в мирных целях. Дело в том, что современные виды наземного оружия не могут функционировать без обслуживания их различными системами спутников военного назначения. Спутники военного назначения сыграли и продолжают играть большую роль в качестве национальных средств контроля за разоружением. Естественно спутники не способны контролировать запрет производства химического и бактериологического оружия. Особую категорию составляют спутники двойного назначения, к которым относятся навигационные спутники и спутники дистанционного зондирования. Эта категория спутников используется как в мирных, так и в военных целях.

В международном космическом праве гибко решается вопрос о его соотношении с внутрисоюзным правом. В качестве примера можно сослаться на Конвенцию об ответственности, в которой предусматривается возможность разрешать претензии о компенсации за ущерб государству, физическим или юридическим лицам как на уровне государств так и в судах, административных трибуналах или других органах запускаящего государства. Однако запрещается одновременное предъявление иска на двух уровнях (п. 2 ст. 10).

Нормы Договора по космосу 1967 г. о свободе деятельности в космическом пространстве имеют императивную силу. Соответственно государства при заключении двусторонних соглашений о космическом сотрудничестве или при разработке своего внутреннего космического законодательства должны учитывать это обстоятельство.

В этой связи следует обратить внимание на несостоятельность попытки Казахстана в двустороннем договоре с РФ об аренде Бойканура не считать себя «запускающим государством», вместо того, чтобы сделать оговорку о том, что РФ берет на себя расходы

по компенсации возможного ущерба в ходе запуска космического объекта с Байканура. Это обстоятельство заслуживает особого внимания с точки зрения международного договорного права. Если относительно Российской Федерации как запускающего государства не возникает особо сложных вопросов, то с Республикой Казахстан ситуация в правовом отношении более специфичная. Казахстан и Российская Федерация являются участниками Конвенции 1972 г. о международной ответственности за ущерб, причиненной космическими объектами. Согласно ст. 1 этой Конвенции «государство, с территории или установок которого осуществляется запуск космического объекта», означает «запускающее государство», а согласно ст. V.3 той же конвенции такое государство рассматривается «в качестве участника совместного запуска».

В Договоре аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 декабря 1994 г.¹ в ст. 8.4 говорится о том, что «в случае нанесения ущерба, связанного с деятельностью космодрома «Байконур» при выполнении российских космических программ, Россия несет ответственность как запускающее государство в соответствии с Конвенцией о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г.». При этом Республика Казахстан не рассматривается в качестве участника совместного запуска либо запускающего государства поскольку не подписала основные договоры по космосу.

В данном конкретном случае достаточно было бы ограничиться положением о том, что при выполнении российских космических программ с территории Казахстана на Россию ложится бремя финансовой ответственности за возможный ущерб, не затрагивая статус Казахстана по Конвенции 1972 г. Ведь со стороны других государств — участников Конвенции 1972 г., кроме России, Казахстан будет все же рассматриваться в качестве «запускающего государства».

Национальное космическое законодательство должно соответствовать и в необходимых случаях дополнять действующие

---

¹ Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 35. — Ст. 4369; см. также: Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 10. — С. 9–16.

международные соглашения. Так, например, в соответствии со ст. VI, VII, VIII Договора по космосу 1967 г. и Конвенции о регистрации 1975 г. государствам вменяется обязанность принятия законов о регистрации запусков спутников. В то же время государства по разному решают вопрос об органе ответственном за национальную регистрацию, о времени и плате за это.

В последнее время большое внимание уделяется правовым аспектам полета туристов на кораблях Союз для кратковременного пребывания на международной космической станции, а также вертикальным баллистическим полетам людей в космос для 15-ти минутного пребывания в состоянии невесомости. В последнем случае нет основания называть людей, совершивших такой полет космическими туристами, так как спутник не достиг первой космической скорости, необходимой для выхода на околоземную орбиту.

В связи с перспективой создания поселений на Луне обсуждаются вопросы, связанные с правовым статусом собственности на Луне.

Юристами обсуждаются также правовые аспекты добычи и использовании естественных ресурсов Луны, а также о пересмотр Соглашения 1979 г. о Луне с учетом опыта Конвенции 1982 г. о морском праве и последующего Протокола к ней, принятого в Нью-Йорке в 1994 г.

Также обсуждаются пути правового режима эксплуатации природных ресурсов Луны. При этом обращается внимание на то, что Договор по космосу в целом стал составной частью общего международного обычного права обязательного для всех государств независимо от их участия в этом договоре.

Договор по космосу 1967 г., запретив размещение в космосе ядерного оружия за год до заключения Договора о нераспространении ядерного оружия в 1968 г., объявил космос безъядерной зоной.

Так международное космическое право оказывает влияние на прогрессивное развитие общего международного права, продолжая оставаться составной частью этого права.

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТРАХОВАНИЯ КОСМИЧЕСКИХ РИСКОВ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Ольга Александровна Волынская

юриисконсульт по международному праву
Федеральное космическое агентство «Роскосмос»

aoerjia88@mail.ru

Диверсификация космической деятельности позволяет ускорить процесс модернизации экономики государства, обеспечить эффективное развитие науки, техники и социальной сферы, укрепить оборонную мощь. Несмотря на значительные риски при осуществлении космической деятельности, тенденция ее коммерциализации позволила выйти на первый план проблеме страхования космических рисков. В условиях бюджетных ограничений и экономической рецессии государства не способны обеспечить полное финансовое покрытие в случае аварии и вынуждены обращаться к механизмам страхования. Коммерческий космический сектор, который в настоящее время играет первостепенную роль и определяет конъюнктуру мирового космического рынка, в еще большей мере настроен минимизировать факторы риска в рамках коммерческих космических проектов, в связи с чем требуются стабильные, развитые и прозрачные правовые условия страхования.

Страхование и нормы международного космического права

Действующие нормы МКП выделяют ответственность государств за выплату компенсации только в случае причинения вреда третьим лицам (государству, международной организации, юридическим или физическим лицам, а также их имуществу). Согласно

ст. II Конвенции об ответственности 1972 г.¹, запускающее государство несет абсолютную ответственность (вне зависимости от наличия и степени вины) за выплату компенсации за ущерб, причиненный его космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете. Если же ущерб космическим объектом запускающего государства причинен космическому объекту другого запускающего государства либо лицам или имуществу на борту такого космического объекта в любом месте, помимо поверхности Земли, применяется критерий вины для определения ответственности (ст. III). Конвенция устанавливает общее требование к возмещению причиненного ущерба (ст. XII): «Компенсация, которую запускающее государство обязано выплатить на основании настоящей Конвенции за причиненный ущерб, определяется в соответствии с международным правом и принципами справедливости, с тем, чтобы обеспечить возмещение ущерба, восстанавливающее физическому или юридическому лицу, государству или международной организации, от имени которых предъявляется претензия, положение, которое существовало бы, если бы ущерб не был причинен».

Тем самым, страхование ответственности государств за возможный вред, который может быть причинен в рамках национальной космической деятельности, является приоритетным. В дополнение к данному виду страхования на практике выделяется также страхование жизни и здоровья космонавтов и работников объектов космической инфраструктуры, а также страхование имущества (ракета-носитель, разгонный блок, космический аппарат, стартовый комплекс, элементы наземной инфраструктуры). Конкретные правовые механизмы, обеспечивающие страхование указанных категорий, должны быть предусмотрены в национальном законодательстве заинтересованных стран мира. Главной задачей законодателя видят обеспечение страхования (как обязательного, так и добровольного) на всем этапе цикла космической деятельности начиная от производства ракетно-космической техники и заканчивая вводом запущенного космического аппарата в эксплуатацию на заданной орбите.

---

¹ UN GA Res. 2777 (XXVI) // United Nations Treaties and Principles on Outer Space. — NY: United Nations Publ., 2008. — P. 13–22.

Национальные нормативно-правовые режимы страхования космических рисков за рубежом

Действующим космическим законодательством Австралии¹, Великобритании², Франции³ и ЮАР⁴ предусматривается следующий механизм защиты государственных интересов при осуществлении космической деятельности компаниями данных государств: общим условием выдачи лицензии на осуществление космической деятельности является получение страхового полиса, покрывающего в целом или в части компенсацию, которую государство будет обязано выплатить в случае возможного ущерба. Наиболее интересные положения содержатся в национальном космическом праве США и касаются, в первую очередь, страхования космических запусков как наиболее рискованного вида страхования.

В соответствии с пп. а–б раздела 2458b «Страхование и возмещение» гл. 26 «Национальная космическая программа» Титула 42 Свода законов США⁵, НАСА уполномочено обеспечить в целом или в части (по решению Администрации) страхование ответственности перед третьими лицами любого пользователя⁶ пускового

---

¹ Space Activities Act 1998 . n° 123 of 1998 as amended. URL: <http://www.comlaw.gov.au/Details/C2010C00193>.

² Outer Space Act (Commencement) Order 1989, 1989 SI n° 1097. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukxi/1989/1097/contents/made>.

³ Loi n° 2008-518 du 3 juin 2008 relative aux operations spatiales. URL: <http://legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000018931380>.

⁴ South Africa Space Affairs Act, n°. 84 of 1993. URL: <http://www.info.gov.za/view/DownloadFileAction?id=90147>.

⁵ Pub. L. 85-568, title III, Sec. 308, as added Pub. L. 96-48, Sec. 6(b)(2), Aug. 8, 1979, 93 Stat. 348. URL: http://www.nasa.gov/offices/ogc/commercial/42usc2458b_prt.htm.

⁶ Согласно п. f раздела 2458b, пользователем является «любое лицо, заключившее соглашение с НАСА об использовании космического средства в целом или части его объема, которое владеет или предоставляет имущество для перевозки на космическом средстве либо нанимает лицо для осуществления космического полета». Там же приводится определение третьего лица: это «любое лицо, которое может обратиться в суд с иском против пользователя за вред, причиненный жизни или здоровью, частичную утрату или гибель имущества».

средства. Страхование осуществляется за счет бюджета НАСА с последующим возмещением средств пользователем пускового аппарата в максимально возможном объеме. Кроме того, НАСА может по соглашению с пользователем взять на себя обязательство компенсировать ущерб третьим лицам, если страховой полис пользователя не покрывает полную сумму причиненного ущерба, и пострадавшая сторона обратилась в суд с требованием покрытия полной суммы ущерба. Подобное обеспечение не распространяется на случаи причинения вреда в результате неосторожности (*negligence*) или преднамеренных неправомерных действий (*willful misconduct*) пользователя пускового средства. Объем возмещения устанавливается Администратором (главой НАСА) по критерию «справедливости и разумности» (п. d).

Поправки к Закону США о коммерческих космических запусках 1984 г.¹ (раздел 70112 Титула 49 Свода законов США) установили, что держатели лицензии на осуществление космических запусков (пусковые операторы) обязаны страховать свою деятельность или иным способом предусмотреть финансовую ответственность за ущерб, причиненным третьим лицам в рамках лицензируемой деятельности. Это дает правительству возможность возместить посредством регрессного иска к оператору свои расходы в случае ответственности перед третьим лицом, возникшей вследствие действий лицензиата. Предельный размер страхового обеспечения установлен в 500 млн долл. или равен максимальному значению страхового покрытия на мировом рынке, если оно составляет менее 500 млн долл. В отдельных случаях указанные суммы могут быть дополнительно уменьшены решением Министра транспорта США по согласованию с НАСА и ВВС в целях обеспечения непрерывности национальной коммерческой космической деятельности. Непокрытый ущерб компенсируется за счет средств федерального бюджета².

---

¹ Commercial Space Launch Act, 1984 (Pub. L. 98-575, Oct. 30, 1984). С поправками 1988 г. и 2004 г. URL: http://www.faa.gov/about/office_org/headquarters_offices/ast/media/PL108-492.pdf.

² См.: *Lyall F., Larsen P.B. Space Law: a Treatise.* — UK, Ashgate, 2009. — P. 115.

В международной практике не существует типовых условий страхования космических рисков. Можно говорить только о базовых условиях страхования (*policy wording*), которые страховщик адаптирует при разработке индивидуальной программы страховой защиты для каждого вновь страхуемого космического проекта¹.

Космическое страхование в России

В Российской Федерации предпосылки формирования системы страхования космических рисков появились с началом рыночных реформ. К настоящему времени завершён начальный организационный этап создания отечественной системы страхования космической деятельности, требуется дальнейшее ее совершенствование, усиление взаимосвязи теории и практики, формирование и развитие методологических основ страхования космических рисков в соответствии с требованиями современных экономических отношений.

На сегодняшний день в России отработаны и применяются единые принципы и процедуры размещения космических рисков на страховом рынке и сопутствующего документооборота. Что касается законодательного закрепления, страхованию космических рисков посвящена ст. 25 Закона «О космической деятельности» № 5663-1 от 20.08.1993², которая устанавливает обязательное страхование жизни и здоровья космонавтов, работников объектов космической инфраструктуры, а также ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу других лиц. Порядок и условия обязательного страхования должны быть определены отдельным законом. Так как в настоящее время отсутствует специализированный нормативно-правовой акт по данной проблеме, страхование космических рисков, в том числе риска ответственности перед третьими лицами, производится на основании положений Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации» №4015-1 от 27.11.1992³ и гл. 48 ч. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации.

---

¹ См.: *Van Traa-Engelman H.L. Commercial Utilization of Outer Space.* — Dordrecht/Boston/London: Martinus Nijhoff Publishers, 1993. — P. 324.

² Российская газета. — 1993. — № 186. — 6 окт.

³ Российская газета. — 1993. № 6. — 12 янв.

Учитывая специфику космических рисков, проект федерального закона «О страховании рисков при осуществлении космической деятельности», работа над которым ведется с 2002 г., призван обеспечить понятный правовой режим страхования всех видов (личного и имущественного) в рамках всего жизненного цикла объектов космической инфраструктуры, прежде всего находящихся в государственной собственности (ракет-носителей, разгонных блоков, космических аппаратов и их частей, стартовых комплексов и др.). Целью принятия закона является экономическая защита государственных интересов в случае наступления международной ответственности за ущерб в результате национальной космической деятельности, а также обеспечение беспрепятственного выполнения Федеральной космической программы России и иных федеральных целевых программ, в рамках которых осуществляется создание и использование ракетно-космической техники.

Отдельные главы законопроекта посвящены страхованию жизни и здоровья космонавтов и работников космической инфраструктуры, ответственности перед третьими лицами, объектов космической инфраструктуры, ракеты космического назначения (которая включает в себя ракету-носитель, разгонный блок и космический аппарат) при подготовке и проведении запуска, а также космических аппаратов на этапах проведения летных испытаний, ввода в эксплуатацию и летной эксплуатации. Каждая глава содержит типовые нормы об объектах и субъектах страхования, страховых случаях, механизмах финансирования страхования. В части содержания, порядка заключения и исполнения договоров страхования проект закона раскрывает соответствующие положения гл. 48 ГК РФ и Закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации» применительно к космической деятельности. Закон также содержит отсылку к нормам Конвенции об ответственности при квалификации страхового риска при страховании гражданской ответственности перед третьими лицами.

В настоящее время фрагментарность регламентирующих документов по организации страхования космических рисков не позволяет в полной мере использовать финансовые ресурсы российского страхового рынка для обеспечения стабильности и непре-

рывности космической деятельности, компенсации потенциально-го ущерба при ее осуществлении, снижения нагрузки на государственный бюджет в силу отсутствия четких механизмов и условий привлечения собственных средств предприятий ракетно-космической отрасли и иных внебюджетных источников.

Принятие федерального закона позволит, прежде всего, свести к минимуму проблему значительных внеплановых выплат в случае возникновения аварий и иных ситуаций в короткий срок, гарантировать возмещение ущерба, причиненного жизни, здоровью и имуществу третьих лиц в связи с космической деятельностью, упростить процедуру определения условий договора страхования, при наступлении страхового случая не отвлекать денежные средства от различных государственных и международных программ на выплату компенсаций пострадавшей стороне, а направить их на реализацию вышеуказанных программ, а также сконцентрировать финансовые средства на российском страховом рынке, уменьшая их отток за рубеж.

В отличие от общепринятой мировой практики, рассмотренной выше, российский законодатель не рассматривает страхование как обязательное условие выдачи лицензии на осуществление космической деятельности. Данную особенность можно объяснить тем, что космос является сферой стратегических интересов России, ракетно-космическая техника создается за счет средств федерального бюджета и находится в собственности государства. Монополия государства в рассматриваемой области очевидна, и пока не представляется возможным говорить о коммерциализации космической деятельности в чистом виде и росте частного космического сектора (в отличие от зарубежного опыта), основным инструментом координации деятельности которого со стороны государства является лицензирование. Тем не менее, вопрос государственной поддержки зарождающегося национального коммерческого сектора в области космоса является чрезвычайно актуальным и требует пристального внимания с точки зрения создания правовых условий указанных процессов в ближайшем будущем.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОДВИЖНОЙ СПУТНИКОВОЙ СВЯЗИ

Анна Владимировна Лукьянова

кандидат юридических наук,
начальник юридического отдела
ФГП «Морсвязьспутник»

Отдельные проблемы, к числу которых принадлежит комплексное и рациональное использование Мирового океана и космоса, рассматриваются в рамках различных международных организаций. В области использования Мирового океана и космоса такой организацией является Международная организация подвижной спутниковой связи (ИМСО). Эта организация осуществляет деятельность по развитию международного сотрудничества для обеспечения и надзора за действующей системой морской подвижной спутниковой связи для глобальной морской системы связи при бедствии и для обеспечения безопасности мореплавания (ГМССБ), учрежденную Международной морской организацией (ИМО) — специализированным учреждением ООН.

В последние десятилетия конца ХХI в. остро стоял вопрос о создании специальной организации, которая обладала бы координационно-рекомендательными функциями по тем основным направлениям, которые связаны с сотрудничеством в космическом пространстве. В 1976 г. по инициативе ряда государств, в первую очередь СССР, была образована Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ), осуществлявшая свою деятельность в Мировом океане и космическом пространстве. Организация образовалась в результате принятия Конвенции и Эксплуатационного соглашения об ИНМАРСАТ. Эти документы приняты на международной конференции, проведенной ИМО. Оба

документа разрабатывались в рамках ИМО в течение многих лет при активном участии советских специалистов и были приняты 16 июля 1979 г.¹

ИНМАРСАТ в соответствии с ее изначальной целью установила глобальную систему подвижной спутниковой связи для морской связи, включая возможности связи при бедствии и для обеспечения безопасности, указанные в Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г., а также Регламенте радиосвязи, являющимся приложением к Уставу и Конвенции Международного союза электросвязи, как отвечающие определенным требованиям к радиосвязи для Глобальной морской системы связи при бедствии и для обеспечения безопасности (ГМССБ).

Раньше традиционная радиосвязь не могла удовлетворять огромные требования судов в круглосуточной связи. Перерывы в

---

¹ См. также: *Колодкин А.Л., Волосов М.Е., Смирнов Н.Д.* ИМКО и некоторые правовые вопросы создания международной службы морской спутниковой связи // *Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию.* — М.: Транспорт, 1974. — Вып. 6. — С. 23–31; *Колодкин А.Л., Колосов Ю.М.* СССР и Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) / Советское государство и право. — 1977. — № 8. — С. 99–107; *Колодкин А.Л., Волосов М.Е.* Правовые основы международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // *Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию.* — М.: Транспорт, 1977. — Вып. 13. — С. 37–43; *Колодкин А.Л., Волосов М.Е.* Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ): особенности правового статуса и деятельности // *Проблемы развития морского судоходства.* — М.: Наука, 1983. — С. 151–160; *Колодкин А.Л.* О работе Подготовительного комитета по созданию ИНМАРСАТ // *Материалы по морскому и международному торговому мореплаванию.* — М.: Транспорт, 1978. — Вып. 16. — С. 42–46; *Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В.* Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. — М.: Статут, 2007; *Kolodkin A.L., Volosov M.E.* Some International Law Questions on the Establishment of an International Maritime Sattelite Communication: Proceeding of XVII Colloquium on the Law of Outer Space. — California, 1975. — P. 223; *Matte N.M.* Aerospace Law: Telecommunications Satellites. — 1982; *Menon P.K.* International Maritime Satellite System // *Journal of Maritime Law.* — 1976. — Vol. 8. — P. 95–106.

связи с судами иногда достигали 6–8 часов, а это осложняло управление флотом, снижало эффективность работы морского транспорта и повышало риск аварийности флота. В то же время, соединение судна с берегом с использованием спутника производится в течение одной минуты. При этом спутники, могут предоставить каналы для передачи информации судам надежно и быстро независимо от их удаления от берега. Кроме функций обратной связи, спутники обеспечивают оповещение о бедствиях, обмен информацией при ведении поисково-спасательных операций.

ИНМАРСАТ предоставляла услуги в виде телексной, телефонной и факсимильной связи через спутники, а также осуществляла передачу данных скоростными и сверхскоростными способами. ИНМАРСАТ производила оповещения о бедствиях и авариях судов, передавала на суда навигационную информацию и осуществляла другие услуги, стремясь охватывать все районы, где имелась потребность в морской связи. Необходимо отметить, что создавая ИНМАРСАТ, государства стремились приобрести эффективно функционирующий институционный механизм, содействующий развитию международного сотрудничества в освоении космоса, используя огромные возможности спутниковой связи для создания глобальной системы безопасности мореплавания.

Деятельность ИНМАРСАТ была одобрена международным сообществом и вскоре были приняты поправки к Конвенции и Эксплуатационному соглашению с целью использования космического сегмента службами сухопутной и воздушной подвижных служб, включая воздушную спутниковую связь в целях организации воздушного движения и управления эксплуатацией воздушных судов (службы безопасности аэронавигации), а также служб радиоопределения.

В 1988 г. Ассамблея ИНМАРСАТ приняла поправки к Конвенции об ИНМАРСАТ и Эксплуатационному соглашению с целью преобразования организации в приватизированную корпоративную структуру при сохранении межправительственного надзора за исполнением некоторых обязательств по общественным службам связям. Это было обусловлено тесным участием в развитии Глобальной морской системы связи при бедствии и для обес-

печения безопасности (ГМССБ). В ходе реструктуризации ИНМАРСАТ фонды, эксплуатация и интересы ИМСО были переданы новой компании «Инмарсат Ltd.», при этом непрерывность обеспечения ГМССБ и приверженность такой компании к другим общественным интересам гарантируется учреждением межправительственного надзора. В этом же г. было изменено название Организации, которое официально вступило в силу, как Международная организация подвижной спутниковой связи (ИМСО).

Ассамблея и Совет ИНМАРСАТ последовательно решили ввести поправки в действие с 15 апреля 1999 г. до их формального вступления в силу. При этом признавалось, что преждевременное создание новой структуры было необходимо для поддержания жизнеспособности системы в быстро меняющихся условиях спутниковой связи.

В соответствии с условиями Конвенции, Соглашения об общественных службах связи и Уставом акционерного общества компании «Инмарсат Ltd.» на ИМСО возложена ответственность надзора. В некоторых случаях она может принуждать компанию «Инмарсат Ltd.» исполнять обязательства по общественным службам связи и, в частности по службам связи ГМССБ. В такой роли организация ИМСО действует в качестве естественного союзника ИМО и органа надзора за соблюдением надлежащих условий выполнения компанией «Инмарсат Ltd.» требований ИМО в отношении ГМССБ. Для упрощения выполнения этих функций между ИМСО и ИМО было заключено Соглашение о сотрудничестве. В соответствии с аналогичным Соглашением с ИКАО ИМСО обеспечивает применение стандартов и рекомендуемой практики ИКАО.

В последние годы горизонты подвижной спутниковой связи расширились. Имеется несколько различных вариантов для разработки новых служб и их возможностей. В рамках этих событий принятие Ассамблеей ИМО резолюции А.888 (21) «Критерии для обеспечения подвижных систем спутниковой связи в Глобальной морской системе связи при бедствии и для обеспечения безопасности (ГМССБ)» подтвердило четкое намерение ИМО рассмотреть в будущем доступ к обеспечению служб ГМССБ любому оператору

спутниковой связи, система которого удовлетворяет данным критериям.

В данных обстоятельствах существует реальная вероятность того, что в обозримом будущем появится несколько поставщиков услуг подвижной спутниковой связи для ГМССБ, которые смогут обеспечить критерии резолюции Ассамблеи ИМО А.888 (21), и таким образом смогут получить одобрения ИМО на обеспечение этих услуг на равной основе с компанией «Инмарсат Ltd.». В связи с этим в 2006 г. на 20 сессии Ассамблеи сторон были приняты поправки к Конвенции ИМСО, которые вступили в силу.

Организация ИМСО представляет собой особый вид международного сотрудничества в использовании космоса. ИМСО является международной межправительственной организацией, хотя и не входит в систему специализированных учреждений ООН.

Членами ИМСО являются суверенные государства, в Организацию входят 97 государств. Важно отметить, что при создании международной организации и формировании ее органов главное — учитывать, что членами международной организации являются суверенные государства. Данное обстоятельство, подчеркивает Г.И. Тункин, отмечая, что «эта закономерность дает себя чувствовать во всех международных организациях. Ее основным проявлением является принцип суверенного равенства государств-членов, представляющий собой руководящий принцип построения и деятельности современных общих международных организаций»¹.

В современной отечественной и зарубежной доктрине международного права наличие организационной структуры рассматривается как важный отличительный признак, определяющий понятие международной организации.

Такой структурой обладает ИМСО (ст. 8 Конвенции ИМСО). Постоянно действующими органами ИМСО являются Ассамблея и Директорат, возглавляемый Генеральным Директором, последний является в соответствии со п. 3 ст. 12 Конвенции ИМСО юридическим представителем Организации и главным исполнительным должностным лицом. Штаб-квартира Организации расположена в

---

¹ Тункин Г.И. Теория международного права. — М., 1970. — С. 360.

Лондоне. Правовое положение персонала ИМСО регулируется на основе Соглашения о штаб-квартире, заключенного 15 апреля 1999 г. между ИМСО и правительством Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Кроме того, для обеспечения деятельности ИМСО был разработан и принят Протокол о привилегиях и иммунитетах с поправками от 15 апреля 1999 г., вступившими в силу 22 августа 1999 г.

Кроме главных органов, в составе ИМСО предусмотрена деятельность особого подразделения, именуемого Консультативный комитет, который был создан в целях оказания помощи директору в период между сессиями Ассамблеи. Консультативный комитет состоит из представителей 15 сторон.

Следует сделать вывод о том, что принципы формирования высших и исполнительных органов ИМСО отвечают всем требованиям современного международного правопорядка, всем основным принципам международного права. В составе Ассамблеи представлены все государства-члены этой международной организации. Никакого ограничения членства в организации Конвенцией не предусматривается. Состав ИМСО практически универсален, что создает благоприятные условия для решения в ее рамках важнейших проблем современности, проблем и задач, которые поставили перед этой организацией государства-учредители.

Очередные сессии Ассамблеи созываются один раз в два года. Внеочередные сессии могут созываться по просьбе одной трети сторон или по просьбе Генерального директора. В Ассамблее каждая из сторон имеет один голос. Кворум для проведения любого заседания Ассамблеи составляет простое большинство сторон.

В функции Ассамблеи входит: рассмотрение и пересмотр целей, общей политики и долгосрочных задач Организации и деятельности поставщиков, которые касаются гарантий обеспечения глобальных служб морской подвижной спутниковой связи для ГМССБ в соответствии с правовыми рамками, установленными ИМО; принятия решений по вопросам, касающимся официальных отношений Организации с государствами независимо от того, являются они сторонами или нет, и международными организациями; осуществления роли Организации в качестве координатора

системы опознавания судов и слежения за ними на дальнем расстоянии (ОСДР) и принятия соответствующих для этого мер, иные функции согласно любой статье Конвенции ИМСО.

Необходимо отметить, что ИМСО в своей деятельности обеспечивает соблюдение поставщиками, в части ГМССБ, общих принципов и норм международного права.

Так, согласно пп. «а» п. 2 ст. 3 Конвенции, «компания осуществляет свою деятельность исключительно в мирных целях». Это означает, что ИМСО должна четко следить за недопущением использования средств, имеющихся в распоряжении поставщиков в военных целях. Представляется, что закрепление данного принципа в деятельности организации имеет очень важное значение, так как поставщики осуществляют свою деятельность в такой сфере, как космос.

В ст. 5 Конвенции ИМСО говорится, что Организация, с одобрения Ассамблеи, заключает соглашение об общественных службах связи с поставщиками и заключает такие другие договоренности, которые могут оказаться необходимыми для того, чтобы позволить Организации осуществлять надзор и обеспечивать соблюдение поставщиками основных принципов, сформулированных в ст. 3, и осуществлять другие положения Конвенции ИМСО.

В Конвенции устанавливается, что хотя стороны не несут ответственности по обязательствам Организации или поставщиков, однако Организация должна обеспечить, чтобы поставщики при выполнении обязательств по этому соглашению не действовали в нарушение самой Конвенции, а также соответствующих международных соглашений, в которых участвуют стороны Конвенции. Здесь имеется в виду не только обязательства по Конвенции ИМСО, но и обязательства, взятые сторонами прежде всего по Уставу ООН, Договору о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г., Конвенции о международной ответственности государств за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29 марта 1972 г., Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., по другим международным договорам, касающимся морской деятельности и др.

Другим новым направлением деятельности ИМСО явилось принятие функций и обязанностей координатора ОСДР.

В настоящее время ИМО ищет способы повышения безопасности и эффективности морского транспорта, уменьшения актов морского терроризма, пиратства и вооруженного разбоя против судов.

В связи с этим в 2006 г. на восемьдесят первой сессии ИМО, в лице Комитета по безопасности на море (КБМ), были приняты поправки к гл. V Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 г., относящиеся к созданию новой системы ОСДР, приняла эксплуатационные и функциональные требования к ОСДР и приняла меры по своевременному введению системы ОСДР в действие.

Система ОСДР позволяет включать в себя различные центры ОСДР: национальные, региональные, международные, которые будут обеспечивать сбор информации с судов и ведение не связанных между собой баз данных о судах и их местоположении.

Центры ОСДР будут обеспечивать информацией пользователей системы — договаривающиеся правительства (в качестве государства флага, государства порта или прибрежного государства) и поисково-спасательные службы (ПСС).

Информация от судов (судового оборудования ОСДР) должна поступать в центры ОСДР через поставщиков связи и поставщиков ОСДР в автоматическом режиме без участия судового персонала.

Администрации имеют возможность выбрать один из центров ОСДР, который будет собирать информацию о местоположении судов этой администрации. Судно должно будет направлять информацию ОСДР в центр, выбранный администрацией флага судна.

Договаривающееся правительство будет иметь возможность получать информацию о судах других флагов, которую оно имеет право получать, только через один из центров ОСДР, выбранный этим договаривающимся правительством (ассоциированный центр ОСДР).

Поисково-спасательная служба будет иметь возможность получать информацию о судах, которую она имеет право получать,

только через ассоциированный центр ОСДР договаривающегося правительства, под юрисдикцией которого находится ПСС.

Координацию и контроль за функционированием международной системы ОСДР будет осуществлять координатор системы ОСДР, назначенный КБМ. На восемьдесят второй сессии КБМ ИМСО была назначена координатором системы ОСДР, соответствующие изменения были внесены в Конвенцию ИМСО. Функции координатора ОСДР включают в себя: содействие центрам данных ОСДР и центрам обмена данными; проверка и аудит центров данных ОСДР, центров обмена данными; предоставление ежегодных отчетов и рекомендаций о системе ОСДР Комитету по безопасности на море.

Существующая Конвенция ИМСО не содержит положений, определяющих и регулирующих роль ИМСО как координатора системы ОСДР. В связи с этим представляется необходимым внести изменения в Конвенцию ИМСО. Необходимо уточнить ряд вопросов, касающихся роли координатора ОСДР, внедрения системы ОСДР и обеспечения ее функционирования, в том числе обязанности администраций, обязанности договаривающихся правительств, обязанности служб поиска и спасания.

Создание ИМСО явилось важным вкладом в осуществление сотрудничества государств в освоении и использовании космического пространства. Учреждение этой организации — одно из свидетельств того, что развитие космонавтики и применение ее достижений в прикладных целях способствует углублению сотрудничества, расширению использования международных организаций в качестве механизма многостороннего сотрудничества в области использования всех видов подвижных служб связи.

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ КОСМИЧЕСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Мариам Романовна Юзбашян

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры международного права
МГИМО(У) МИД России

1. Актуальность

К концу XX в. резко увеличились масштабы международного сотрудничества в области освоения космоса, началась стремительная коммерциализация космической деятельности. Возрастающий вклад частного сектора был отмечен Третьей конференцией ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях (ЮНИСПЕЙС — III), Вена. В Докладе Конференции о космической деятельности, в частности, отмечается повышение уровня коммерциализации некоторых прикладных разработок и возникновение процесса приватизации¹.

Следует отметить, что договоры Организации Объединенных Наций по космосу и другие источники международного космического права были приняты в то время, когда единственными субъектами космической деятельности были государства и когда такая деятельность проводилась преимущественно в стратегических и научных целях. Однако из сферы применения договоров ООН по космосу не исключались и неправительственные юридические лица. В соответствии со ст. VI Договора по космосу 1967 г., деятельность неправительственных юридических лиц в космическом про-

---

¹ Доклад Конференции о космической деятельности // Космос на рубеже тысячелетий. ЮНИСПЕЙС-III: документы и материалы / Отв. ред. А.В. Яковенко. — М., 2000. — С. 46–48.

странстве, включая Луну и другие небесные тела, должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства — участника Договора. В этой же статье устанавливается, что государства несут международную ответственность за всю национальную деятельность в космосе.

Ни договоры ООН по космосу, ни соответствующее национальное законодательство не содержат и по своей сути не должны содержать всех необходимых норм для регулирования частноправовых аспектов коммерческой космической деятельности.

Множество вопросов таких, например, как имущественные права, права интеллектуальной собственности, ответственность неправительственных юридических лиц, страхование в области космической деятельности, правовой статус космических туристов, и многие другие остаются либо открытыми, либо недостаточно урегулированными.

В будущем с развитием космических технологий и с появлением новых направлений соответствующей деятельности, количество таких вопросов только возрастет. Каждый из таких вопросов требует отдельного исследования, но не менее важным и актуальным представляется поиск комплексного решения правовых проблем, возникающих в связи с участием в космической деятельности неправительственных юридических лиц и физических лиц.

2. Международное космическое частное право

Юристы-международники уже в течение ряда лет говорят о формировании международного космического частного права (МКЧП)¹. Такое мнение поддерживают и официальные делегации

---

¹ См.: Международное космическое право / Отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. — М., 1999. — С. 133; *Кунц О.* Международное космическое право и международное частное право // Новое в космическом праве (на пути к международному частному космическому праву) / Отв. ред. В.С. Верещетин. — М., 1990. — С. 13; *Монсеррат Фильо Ж.* Правовые аспекты коммерческой деятельности в космос // Статус, применение и прогрессивное развитие международного и национального космического права: Материалы Симпозиума (Практикума) ООН — Украина по космическому праву. 6–9 ноября 2006 г. — Киев, Актика-Н, 2007. — С. 201.

ряда стран в Комитете ООН по космосу и его Юридическом подкомитете. Но, тем не менее, комплексные научные исследования по данной тематике отсутствуют.

2.1. Определение МКЧП

МКЧП можно определить как совокупность материальных и коллизионных норм, регулирующих связанные с космической деятельностью имущественные и личные неимущественные отношения, осложненные «иностранным элементом».

В МКЧП пока нет определения коммерческой космической деятельности, но, исходя из ее сути, можно было бы определить ее как деятельность по продаже, покупке и обмену космическими товарами и услугами.

МКЧП характеризуется своим особым предметом, который составляют связанные с космической деятельностью и осложненные «иностранным элементом» имущественные и личные неимущественные отношения субъектов международного частного права (государств и международных организаций, физических и юридических лиц). К данному предмету применимы материально-правовой (непосредственное, прямое регулирование отношений), коллизионно-правовой (отсылка к национальному праву), а также международно-правовой и национально-правовой методы правового регулирования. Наличие таких объективных предпосылок (особого предмета, требующего специфического метода правового регулирования) позволяет говорить о том, что зарождается новая отрасль права — международное космическое частное право.

2.2. Источники МКЧП

2.2.1. Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования и Протокол по вопросам, касающимся космического имущества.

Разновидностью коммерческой космической деятельности является передача прав на подвижное оборудование. По этому вопросу в рамках Международного института по унификации частного права (МИУЧП) была разработана Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования.

Конвенция была подписана 16 ноября 2001 г. на дипломатической конференции в Кейптауне, организованной Правительством Южно-Африканской Республики под эгидой МИУЧП и Междуна-

родной организации гражданской авиации (ИКАО), и вступила в силу 1 марта 2006 г.

Цель Конвенции — установление международного правового режима и образование нового вещного права международного характера для облегчения финансирования приобретения и использования имущества, которое, в силу своей специфики, регулярно перемещается через государственные границы или за их пределы — воздушные суда, железнодорожные подвижные составы и космические объекты (имущество).

В процессе работы над проектом Конвенции было решено, что она станет «общей частью», а отдельные протоколы (авиационный, железнодорожный и космический) — «особенная часть» — будут устанавливать правовой режим применительно к каждому отдельно взятому виду имущества; оба документа должны использоваться и толковаться как единое целое, причем их действительность невозможна при ратификации Конвенции отдельно от Протокола и наоборот. В соответствии с п. 2 ст. 6 Конвенции, в случае какого-либо несоответствия между положениями Конвенции и Протокола преимущественную силу имеет Протокол.

Протокол по вопросам, касающимся авиационного оборудования (Авиационный протокол) был подписан и вступил в силу вместе с Кейптаунской конвенцией; Протокол по вопросам, касающимся железнодорожного подвижного состава (Люксембургский протокол) был открыт для подписания 23 февраля 2007 г.

Протокол по вопросам, касающимся космического имущества, после напряженной многолетней подготовки, обсуждений и согласования был, наконец, открыт для подписания 9 марта 2012 г. на Дипломатической конференции, организованной Правительством Федеративной Республики Германия, под эгидой МИУЧП. В конференции приняли участие представители 40 государств, 10 международных организаций, а также эксперты частного сектора. На церемонии закрытия Дипломатической конференции 3 государства, а именно Буркина Фасо, Саудовская Аравия и Зимбабве, подписали Протокол. В соответствии со ст. XLVIII (1) Протокола депозитарием назначен МИУЧП¹.

---

¹ URL: <http://www.unidroit.org/english/workprogramme/study072/spaceprotocol/conference/main.htm>.

В процессе работы над проектом Протокола МИУЧП тесно сотрудничал с Юридическим подкомитетом Комитета ООН по космосу. Протокол по космическому имуществу предусматривает создание Международного регистра для регистрации обеспечительных интересов в космическом имуществе, что могло бы способствовать улучшению условий коммерциализации космической деятельности путем защиты частных инвестиций в данный сектор. Однако мнения относительно практического будущего Протокола по космическому имуществу неоднозначны.

В контексте вопроса о формировании МКЧП Протокол (в случае его вступления в силу совместно с Конвенцией в качестве единого документа¹) рассматривается, в первую очередь, как первый специальный международно-правовой источник МКЧП. Более того, система международной регистрации, предусмотренная данным документом, может стать третьей системой регистрации в правовом регулировании космической деятельности (с учетом двух существующих систем: 1) системы регистрации частот в рамках Международного союза электросвязи и 2) согласно Конвенции о регистрации 1975 г).

2.2.2. Национальное законодательство, регулирующее космическую деятельность.

Соответствующее национальное законодательство рассматривается в качестве наиболее распространенного и обширного на современном этапе источника МКЧП. На практике для регулирования национальной космической деятельности государства принимают законодательные акты, регулирующие в основном вопросы лицензирования, страхования, экспортного контроля и ответственности в данной области.

Отдельного внимания заслуживают вопросы унификации национального законодательства, соответствия национального космического права принципам и нормам МКП.

---

¹ Конвенция совместно с Протоколом по космическому имуществу, в соответствии с п. 2 ст. II Протокола, получают общее название «Конвенция о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования применительно к космическому имуществу».

Анализ подобных источников выявляет тенденцию «параллельной» (развитию коммерческой космической деятельности), а в некоторых случаях «опаздывающей» разработки национального законодательства, необходимого для регулирования такой деятельности. В частности, возникают ситуации, когда у юридического лица, ставшего собственником космического объекта, может возникнуть проблема из-за того, что в государстве, в котором оно учреждено (зарегистрировано), нет необходимых норм для сертификации космического объекта. Своевременное создание адекватной национально-законодательной базы, соответствующей международному праву, представляется в таком контексте необходимым для стабильного развития экономической деятельности в космосе.

2.2.3. Соглашение по Международной космической станции (МКС). Система правовых взаимных обязательств, регулирующих деятельность по созданию и обслуживанию Международной космической станции как в космосе, так и на Земле, образована следующими тремя уровнями¹:

– 29 января 1998 г. в Вашингтоне было подписано Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств-членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации, Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения. В Соглашении регулируются, в частности, взаимный отказ от требований об ответственности, таможенные вопросы, уголовная юрисдикция на станции и др. вопросы;

– Двусторонние меморандумы о взаимопонимании между космическими агентствами государств-партнеров — ЕКА (Европейское космическое агентство), РКА (Российское космическое агентство), НАСА (Национально управление США по аэронавтике и исследованию космического пространства) и НАСДА (Национальное агентство Японии по освоению космического пространства). В меморандумах регулируются в основном технические вопросы;

---

¹ Международное космическое право / Под ред. Ю.М. Колосова, Г.П. Жукова. — М., 1999. — С. 180–181.

– «Кодекс поведения экипажа международной космической станции», регламентирующий права и обязанности экипажа МКС.

Документы всех трех уровней правовых обязательств в отношении МКС имеют двойственный характер и являются примером комплексного решения соответствующих правовых проблем: с одной стороны, они содержат прямую отсылку к нормам договоров ООН по космосу, с другой — в них урегулированы разнообразные частноправовые отношения с иностранным элементом.

Документы данной системы являются примером того, как на современном этапе в рамках международных проектов регулируются, в частности, связанные с космической деятельностью имущественные и личные неимущественные отношения, осложненные иностранным элементом. В случае разработки в будущем необходимых международно-правовых норм, можно было бы учесть соответствующие отдельные (проверенные в действии) правовые положения.

2.2.4. Судебная и арбитражная практика.

С расширением соответствующей судебной и арбитражной практики она станет еще одним источником МКЧП. В настоящее время можно обратить внимание на некоторые из уже принятых судебных решений, в частности, рассмотренное в Верховном суде штата Миссисипи (США) в 1970 г. дело Пиго против компании Боинг¹, в котором речь идет о гражданско-правовой ответственности вследствие причинения ущерба имуществу истцов в ходе проведения ответчиком космической деятельности. В контексте исследуемого вопроса особый интерес представляет вопрос о государственном иммунитете от гражданско-правовой ответственности. Принятием Федерального закона о деликтных исках 1946 г. (Federal Tort Claims Act) Конгресс США отменил действие государственного иммунитета в отношении некоторых гражданско-правовых исков. Согласно Закону, США ответственны за ущерб, причиненный вследствие противоправного или совершенного по небрежности действия или бездействия любого государственного служащего, действующего в рамках своих полномочий, в соответ-

---

¹ Pigott v. Boeing Company (Supreme Court of Mississippi, 1970 Miss. 240 So.2d 63).

ствии с законодательством штата, где было совершено данное действие/бездействие. Исключениями из этого правила, согласно которым Соединенные Штаты не несут ответственность, являются: 1) доктрина Ферес (Feres doctrine), запрещающая военнослужащим подавать иски на возмещение вреда, понесенного в ходе службы; 2) «дискреционное функциональное исключение», устанавливающее иммунитет США в отношении действий/бездействий его служащих, связанных с реализацией политических решений. Кроме того, Закон о возмещении федеральным служащим (Federal Employees' Compensation Act) запрещает федеральным гражданским служащим подавать иски на основании Закона 1946 г. в отношении производственных травм.

Представляется, что, несмотря на отмену Законом 1946 г. государственного иммунитета в некоторых, на практике очень редких случаях (поскольку под исключения будут подпадать практически все случаи ущерба), США будут защищены от большинства гражданских исков.

В настоящее время при рассмотрении дел судом или арбитражем учитывается практика по аналогичным по сути вопросам. В то же время представляется, что со временем могут быть выработаны и специальные принципы, а также доктрины, применимые для принятия решений по вопросам, связанным с космической деятельностью.

2.3. Субъекты международного космического частного права

Субъектами МКЧП являются физические и юридические лица, государства и международные организации. Отношения субъектов МКЧП определяются положениями ст. VI и VII Договора по космосу 1967 г. Обязанностью субъектов является соблюдение международных и национальных норм права, регулирующих космическую деятельность.

Следует также отметить, что тенденции коммерциализации и приватизации повлияли и на правовой статус международных организаций спутниковой связи.

Другой актуальной проблемой является правовой статус космических туристов. Над проблемами не непосредственно туристических, а пилотируемых полетов в целом, юристы задумывались

еще в начале 90-х гг. XX столетия. Так, к осени 1990 г. ученые из Института государства и права АН СССР, Института воздушного и космического права Кельнского университета (ФРГ) и Центра исследований и изучения космического права и политики Университета Миссисипи (США) подготовили проект Конвенции о пилотируемых космических полетах¹. Интересно положение п. 6 ст. VI проекта Конвенции, согласно которому «государства рассматривают любое лицо в космическом пространстве как космонавта в смысле ст. V Договора по космосу и как часть персонала космического корабля по смыслу ст. VIII Договора по космосу и Соглашения о спасании». Согласно данному положению, в котором упомянуты «любые лица в космическом пространстве», космических туристов также можно было бы отнести к космонавтам, и таким образом распространить на них все соответствующие права и обязанности, предусмотренные в применимых международно-правовых актах. Однако Конвенция не была принята, а положения договоров ООН по космосу были разработаны с учетом профессионального характера деятельности космонавтов. Тем не менее, даже если космические туристы не подпадают под правовой статус космонавтов, это не лишает их прав на оказание помощи, спасание и возвращение их соответствующему государству, основывающихся помимо договоров ООН по космосу на международном обычае и различных кодифицированных актах общего международного права.

Начало космического туризма ознаменовал полет Денниса Тито на борту российского корабля «Союз» на Международную космическую станцию в 2001 г. Организацией полетов туристов в России занимаются Роскосмос и компания «Спейс Эдвенчерс» (Space Adventures), сотрудничающие с 2001 г. Что касается юридического оформления такого вида экономической космической деятельности, то обычно заключается контракт между космическим туристом и посредником, а также контракты с Роскосмосом.

---

¹ См.: *Верещетин В.С., Жукова Э.Г., Каменецкая Е.П.* Правовое регулирование полетов человека в космос (опыт международного сотрудничества ученых) // Советский журнал международного права. — 1991. — № 1. — С. 76–81.

Если потенциальный турист дисквалифицируется в процессе подготовки к полету, он, тем не менее, обязан оплатить полную стоимость полета; соответствующие риски с самого начала нередко страхуются. Страховые полисы оформляются в Лондоне, условия таких полисов тщательно разрабатываются и согласовываются. До начала полета космический турист должен дать письменное согласие на соблюдение Кодекса поведения, принятого на МКС, а также выполнение приказов командира экипажа. Оборудование космического туриста, как полагают специалисты, составляет собственность Роскосмоса с момента взлета до момента посадки (это может иметь значение в контексте контроля экспорта в стране происхождения космического туриста)¹. Существуют коммерческие проекты, разрабатывающие собственные ракеты-носители, космические корабли и «орбитальные гостиницы» для длительного пребывания туристов на орбите. Первый частный пилотируемый суборбитальный полет² состоялся в 2004 г. на космическом аппарате многоразового использования³. Развитие космического туризма востребовало ряд правовых уточнений: статуса космических туристов; применимости положений международных договоров по космосу к космическим туристам; ответственности; страхования; сертификации; гражданской и уголовной юрисдикции; экспорта информации, полученной в ходе экспериментов; реэкспорта оборудования и др.

Проблемы могут возникнуть в случае причинения ущерба в ходе осуществления космического туризма. Уже отмечалось, что запускающее государство несет международную ответственность за всю свою национальную космическую деятельность. В том чис-

---

¹ См. об этом, например: Российская газета. — 2006. — № 199 (4165). — 8 сент. — С. 10.

² Следует в этом контексте отметить, что при определении применимого права (воздушного или космического) к суборбитальным полетам возникают сложности.

³ После еще двух полетов данного аппарата с тремя пассажирами на борту 6 ноября 2004 г. американская компания-разработчик («Scaled Composites LLC») получила приз в размере 10 млн долл. в рамках конкурса «Ansari-X-Prize».

ле и за деятельность в космосе иностранного гражданина — космического туриста. В этой связи задачей соответствующего государства является национальное правовое решение вопросов сертификации, лицензирования, страхования космического туризма, как и любой другой коммерческой космической деятельности. В Соединенных Штатах Америки для решения данных вопросов в 2004 г. были приняты поправки к Закону о коммерческих космических запусках 1984 г. (Commercial Space Launch Amendments Act), также были утверждены в 2007 г. Правила Федерального управления гражданской авиации США о требованиях, которым должны соответствовать экипаж и участники пилотируемых космических полетов (FAA Human Space Flight Requirements for Crew and Space Flight Participants). В поправках к Закону 1984 г. делается различие между «экипажем» и «участниками космического полета». Так, в состав экипажа входят лица, нанятые лицензиатом, его правопреемником или их подрядчиками и субподрядчиками, которые осуществляют деятельность в рамках «найма, имеющую прямое отношение к запуску, возвращению или иной эксплуатации ракеты-носителя или возвращаемого аппарата с людьми на борту»¹. «Участник космического полета» определен как лицо на борту ракеты-носителя или возвращаемого аппарата, не входящее в состав экипажа². Понятие «участник космического полета» охватывает и космических туристов. Согласно Правилам Федерального управления гражданской авиации, компании-операторы ракет-носителей обязаны соблюдать условия лицензии на осуществление коммерческих космических полетов, предоставлять экипажу и участникам информацию о мерах обеспечения их безопасности. Участники космического полета (пассажиры) должны быть дополнительно проинформированы о степени риска космического полета в целом, в частности, полета в ракете-носителе компании-оператора. Правила также устанавливают определенные медицинские требования и стандарты подготовки экипажа и участников полета, а также определяют систему контроля за состоянием окружающей среды и обеспечением жизнедеятельности. Следует подчеркнуть, что США пока единствен-

---

¹ См. Sec. 2 (b), Commercial Space Launch Act, sub (2).

² См. Sec. 2 (b), Commercial Space Launch Act, sub (17).

ное государство, принявшее национальное законодательство, специально применимое к регулированию космического туризма.

2.4. Соотношение международного космического и международного космического частного права

Как МКП, так и МКЧП направлены на регулирование отношений, возникающих в связи с космической деятельностью. Однако субъекты МКП (межвластного права) и МКЧП (не межвластного права) не идентичны. Если МКП регулирует отношения государств и международных межправительственных организаций, то МКЧП — физических и юридических лиц, государств и международных организаций. Причем отношения, регулируемые МКЧП, имеют частноправовой характер, а МКП — публично-правовой. В области регулирования отношений, связанных с космической деятельностью, часто возникают ситуации, когда изменение отношений, подлежащих регулированию МКЧП, может вызвать международно-правовые последствия для государств (например, при передаче прав собственности на космические объекты, находящиеся на орбите).

В ст. XXXV Протокола по вопросам, касающимся космического имущества, подчеркивается преимущественный характер договоров ООН по космосу и документов МСЭ. Таким образом, в потенциально первом специальном международном источнике МКЧП содержится положение о преимущественном характере соответствующих источников МКП.

Анализируя актуальные проблемы развития МКП, профессор Владимир Копал подчеркивает необходимость преодоления барьеров между традиционными сферами и средствами международного публичного и частного права и рассмотрения соответствующих вопросов на основании более комплексного подхода¹.

В целом следует подчеркнуть как сложное взаимодействие норм двух отраслей права — МКП и МКЧП, так и различие в их предмете и методах правового регулирования. Необходимо обес-

---

¹ См.: *Копал В.* Истоки, современное состояние и перспективы развития международного космического права // Статус, применение и прогрессивное развитие международного и национального космического права: Материалы Симпозиума (Практикума) ООН — Украина по космическому праву. 6–9 ноября 2006 г. — Киев, Актика-Н, 2007. — С. 32.

печатить «соответствие частноправовых отношений» в сфере космической деятельности, подлежащих регулированию МКЧП, «общепризнанным принципам международного публичного права»¹, а также принципам и нормам МКП.

Такой комплексный подход в регулировании отношений, возникающих в связи с космической деятельностью различных субъектов, способствовал бы учету специфики регулируемых отношений и мог бы повысить в целом эффективность правового регулирования.

3. Выводы

В данном параграфе представлены некоторые из отдельных выводов, относящихся к формированию МКЧП.

3.1. Особое соотношение публично-правовых и частноправовых аспектов в регулировании коммерческой космической деятельности

На основе обзора и анализа систем экспортного контроля на международном и национальном уровнях сделан вывод о том, что коммерческая космическая деятельность в силу специфики регулируемых отношений требует особой правовой регламентации. Несмотря на то, что такая деятельность является коммерческой по своей сути, избежать более строгих правовых мер в ее отношении невозможно, поскольку космическая деятельность затрагивает интересы не только задействованных частных лиц, но и всего мирового сообщества. В регулировании коммерческой космической деятельности всегда будет иметь место особое соотношение публично-правовых и частноправовых аспектов, обусловленное, в частности, положениями ст. VI и VII² Договора по космосу 1967 г.

---

¹ См.: Международное право / Под ред. Ю.М. Колосова, Э.С. Кривчиковой. — М., 2003. — С. 13.

² Согласно ст. VII Договора по космосу: «Каждое государство — участник Договора ... несет международную ответственность за ущерб, причиненный ... другому государству — участнику Договора, его физическим и юридическим лицам», если такой ущерб причинен космическим объектом, в отношении которого первое государство является запускающим.

3.2. Взаимосвязь между изменением отношений, подлежащих регулированию МКЧП, и международно-правовыми последствиями для соответствующих государств

Анализ проблем, возникающих при передаче прав собственности на космические объекты, находящиеся на орбите, позволяет проследить определенную взаимосвязь между изменением отношений, подлежащих регулированию МКЧП, и международно-правовыми последствиями для соответствующих государств. Безусловно, это отражает особенности регулируемых отношений и, соответственно, специфику правового регулирования.

3.3. Специальные коллизионные привязки применимые в рамках МКЧП

МКП регламентирует право собственности на космические объекты. Статья VIII Договора по космосу предусматривает, что «права собственности на космические объекты, запущенные в космическое пространство, включая объекты, доставленные или сооруженные на небесном теле, и на их составные части остаются незатронутыми во время их нахождения в космическом пространстве или на небесном теле, или по возвращении на Землю». Данное положение является международно-правовым основанием для реализации соответствующих прав различными собственниками космических объектов.

Формулировка «права собственности на космические объекты...остаются незатронутыми...» могла бы способствовать решению коллизионных вопросов при определении таких прав и их конкретного содержания по закону места возникновения (например, в случае международной продажи космической техники, находящейся на орбите, когда традиционная привязка к месту совершения сделки не может действовать, а привязка к закону продавца также всего не решает). Таким образом, можно прийти к выводу о том, что толкование соответствующих норм МКП могло бы привести к формулированию специальных коллизионных привязок, применимых в МКЧП.

3.4. МКЧП как потенциально универсальное международно-правовое решение правовых вызовов коммерческой космической деятельности в эпоху глобализации

МКЧП, определенное как совокупность материальных и коллизийных норм, регулирующих связанные с космической деятельностью имущественные и личные неимущественные отношения, осложненные «иностранным элементом», могло бы обеспечить адекватное правовое регулирование коммерческой космической деятельности, поскольку оно наиболее эффективным образом способно учесть как частноправовую природу регулируемых отношений, так и особенности МКП и международного права в целом.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Анастасия Хайдаровна Османова

аспирант кафедры права Европейского Союза
Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина

Изначально европейская космическая политика формировалась в рамках национальных космических программ стран Западной Европы. К передовикам в космической деятельности среди стран Западной Европы можно отнести: Францию, Германию, Италию, Великобританию. В ходе постепенного развития руководство стран Западной Европы пришло к выводу, что для эффективной конкуренции космических программ с лидерами (США и СССР) им необходимо объединить свои силы для интенсивного развития в области исследования и использования космического пространства.

В истории развития европейского космического права можно выделить четыре основных исторических этапа:

– 1950-е — 1964 г.: Формирование национальных космических программ стран Западной Европы;

– 1964–2003 гг.: Создание единых органов Европы в космической деятельности;

– 2003–2007 гг.: Формирование отношений между Европейским космическим агентством и Европейским Союзом (ЕС);

– с 2007 г. по настоящее время: Формирование «новой европейской космической политики» в рамках Лиссабонского договора.

1950-е — 1964 г.: Формирование национальных космических программ стран Западной Европы

Франция. В 1959 г. был создан Комитет по космическим исследованиям, которым руководил премьер-министр страны. Впо-

следствии Комитет был преобразован в Совет по космосу, а затем был создан Национальный центр по космическим исследованиям, который по своей сущности являлся специализированным ведомством.

В период 1950–1960 гг. Францией было самостоятельно произведено 22 запуска с целью исследования ионосферы, солнечного излучения, полярных сияний, астрономических наблюдений, а также был введен в повседневную эксплуатацию спутник дистанционного зондирования «СПОТ», который мог конкурировать с американскими и советскими космическими системами того времени. Одним из главных достижений того периода является запуск французского искусственного спутника Земли в 1965 г.

Главным географическим преимуществом Франции по сравнению с другими странами Западной Европы является наличие собственного космодрома Куру (в настоящее время является космодромом ЕКА) во Французской Гвиане. К крупным достижениям Франции в области космоса можно отнести разработку ракет-носителей «Ариан-4» и «Ариан-5».

Германия. Развитие космической деятельности осуществлялось исключительно в рамках Западной Германии. Так, в 1954 г. был создан Исследовательский институт физики реактивного движения, который занимался, в том числе и проблемами в области космонавтики: расширение экспериментально-испытательной базы для ракетно-космических проектов, строительство новых испытательных центров, создание высококалорийного топлива для авиационных и космических двигателей. В 1969 г. был запущен первый западногерманский спутник «Ацур», выведение которого на орбиту осуществила американская ракета-носитель.

Италия. По сравнению с вышеперечисленными странами Италия менее активно реализовывала свою космическую деятельность. Однако в 1964–1980 гг. с помощью американских и французских ракет-носителей были выведены на орбиту и итальянские спутники.

Великобритания. Космическая деятельность Великобритании осуществлялась через Межведомственный комитет по космической политике. Гражданские космические проекты координировал

Британский национальный космический центр, а военно-прикладные космические проекты курировало министерство обороны Великобритании.

К основным задачам можно отнести разработку и усовершенствование английских спутников с целью исследования первичных космических излучений, измерения плотности электронов в космосе и исследование солнечного излучения. Однако развитие космической деятельности на данной стадии нельзя назвать благоприятным, так как все испытания проводились под руководством американских специалистов.

1964–2003 гг. Создание единых органов Европы в космической деятельности

После продолжительного периода развития космической политики страны Европы пришли к выводу, что смогут конкурировать с лидерами — США и СССР, только объединив свои усилия в данной отрасли. Первые попытки создания европейских организаций в области космической деятельности были сделаны в начале 1960-х гг. Так, были созданы две межправительственные организации: 29 февраля 1964 г. — Европейская организация по разработке ракет-носителей¹ и 20 марта 1964 г. — Европейская организация по космическим исследованиям². Однако развитие европейской космической политики в рамках вышеуказанных организаций успеха не имела.

В 1972 г. появилась идея создания новой европейской организации по исследованию и использованию космического пространства. Для реализации идеи в жизнь понадобилось целых три года. Конвенция об учреждении Европейского космического агентства (ЕКА) была открыта для подписания 30 мая 1975 г.³ Главной целью ЕКА стало установление и развитие исключительно мирного сотрудничества европейских стран в области космических иссле-

---

¹ 16 апреля 1962 г. была подписана Конвенция о создании Европейской организации по разработке ракет-носителей.

² 14 июня 1962 г. была подписана Конвенция о создании Европейская организация космических исследований.

³ Конвенция об учреждении ЕКА вступила в силу в 1980 г.

дований, создания технологий и практического применения в научных целях и в оперативных прикладных космических системах.

2003–2007 гг. Формирование отношений между Европейским космическим агентством и Европейским Союзом

2003 год стал переломным в развитии европейской космической политики. 25 ноября 2003 г. было заключено Рамочное соглашение между Европейским Сообществом и Европейским космическим агентством¹ (Рамочное соглашение). Рамочное соглашение преследовало следующие цели (ст. 1):

1) совместное постепенное создание европейской космической политики, которая должна будет удовлетворять потребности ЕС в услугах с использованием космических систем;

2) установление общей основы и взаимоприемлемых практических мер для эффективного взаимовыгодного сотрудничества между ЕКА и ЕС.

Стоит отметить, что впервые в ст. 1 Рамочного соглашения был введен термин «европейская космическая политика».

Статья 8 Рамочного соглашения закрепляет, что координация и содействие совместной деятельности обеспечивается проведением регулярных совместных заседаний Совета ЕС и Совета ЕКА на уровне министров, так называемые Советы по космосу. Так, 25 ноября 2004 г. состоялось заседание 2-го Совета по космосу. В Докладе 2-го Совета по космосу² была принята исчерпывающая программа европейской космической политики, которая позволяла закрепить свои позиции на мировой космической арене и улучшить координацию между ЕС, ЕКА и государствами-членами, а также были заявлены программы в области безопасности и обороны и интеграции космической политики в широкий спектр внешних сношений ЕС (ст. 3 Приложения).

В 2005 г. были приняты наиболее важные совместные проекты Европейского космического агентства и Европейского Союза:

– европейская глобальная навигационная спутниковая система Galileo;

---

¹ См.: OJ L 261, 6.8.2004. — P. 64–68.

² Report Council of the European Union 9440/05 DG C II, 27.05.2005.

– система глобального мониторинга окружающей среды и безопасности (GMES).

С 2007 г. по настоящее время. Формирование «новой европейской космической политики» в рамках Лиссабонского договора

В 2007 г. отношения Европейского Союза и Европейского космического агентства вышли на совершенно иной уровень. 21 мая 2007 г. была принята Резолюция Совета ЕС по вопросам развития новой европейской космической политики¹.

Резолюция Совета Европейского Союза по вопросам европейской космической политики отметила, что космический сектор является стратегическим активом для обеспечения независимости, безопасности и процветания Европы и повышения ее роли в мире. В рамках развития космического сектора концепция европейской космической политики уделяет пристальное внимание развитию следующих направлений:

- безопасности и обороны;
- правомерного доступа к космическому пространству;
- развития науки, техники и образования;
- развития промышленного сектора;
- развития международных отношений.

Ключевую роль для продвижения новой европейской космической политики сыграло и вступление в силу Лиссабонского договора. Впервые европейская космическая политика была выделена в отдельную область.

Отношения между ЕКА и ЕС не стоят на месте, а продолжают развиваться. 25 ноября 2010 г. состоялось заседание 7-го Совета по космосу², на котором была принята Резолюция Совета ЕС³. В Резолюции отмечается, что в настоящее время европейская космическая политика опирается на три столпа: государства-члены, Европейское космическое агентство и Европейский Союз, и нацелена:

---

¹ См.: OJ C 136, 20.6.2007. — Р. 1–5.

² Стоит отметить, что это первое заседание Совета после вступления в силу Лиссабонского договора.

³ Outcome of proceedings Council of the European Union // Doc. 16864/10 DG C II, 26.11.2010.

- на развитие научно-технического прогресса и инновационных технологий в космическом секторе;
- на развитие глобальной навигационно-спутниковой системы Galileo и глобального мониторинга окружающей среды и безопасности GMES;
- развитие политики безопасности в рамках космического сектора;
- развитие европейской концепции космических исследований;
- развитие международных отношений и дальнейшее укрепление связей между Европейским Союзом и Европейским космическим агентством.

В заключение хотелось отметить, что в настоящее время европейская космическая политика выходит на лидирующие позиции в мире. Однако характерной чертой европейской космической политики, стоит отметить, является ее направленность на гражданские аспекты исследования и использования космического пространства, и только в последнее время европейская космическая политика стала уделять больше внимания обеспечению международной и региональной безопасности.

ОСОБЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС КОМПЛЕКСА «БАЙКОНУР» В СВЕТЕ СОТРУДНИЧЕСТВА КАЗАХСТАНА И РОССИИ В СФЕРЕ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Евгения Джанатовна Аренова

магистр юридических наук,
докторант PhD факультета международного права
Казахский гуманитарно-юридический университет

На современном этапе истории между Республикой Казахстан и Российской Федерацией существуют тесные политические, экономические и культурные связи. Этому способствует множество факторов: географическая близость, общая семидесятилетняя история в составе бывшего Союза Советских Социалистических Республик (СССР), единство политических и экономических целей, ментальность и многое другое. Однако помимо всего вышеперечисленного есть еще один фактор, прочно связавший судьбы Казахстана и России — это космодром «Байконур».

Его история началась 12 февраля 1955 г., когда было принято совместное Постановление Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза и Совета Министров СССР о создании на территории Казахстана Научно-исследовательского испытательного полигона № 5 (НИИП № 5) Министерства Обороны СССР¹. Место было выбрано с учетом множества факторов: малонаселенность в районе космодрома и по трассе запускаемых ракет, равнинная полупустынная местность, близость к реке Сыр-Дарья, проходящие вблизи железнодорожная магистраль и авто-

---

¹ Официальный сайт Администрации города Байконур. URL: http://www.baikonuradm.ru/index.php?mod=city_1.

мобильная трасса, более трехсот солнечных дней в году и, главное, близость к экватору, дающая возможность использовать для запусков дополнительную скорость вращения Земли¹, что позволяет существенно экономить топливо.

Официальной датой рождения полигона считается 2 июня 1955 г., когда директивой Генерального штаба Советской Армии была утверждена организационно-штатная структура НИИП № 5².

Подтверждением абсолютной победы и прорыва человечества в сфере освоения космоса стала дата 4 октября 1957 г., когда со стартовой площадки № 1 НИИП № 5 был запущен первый искусственный спутник Земли — Спутник-1. Эта дата стала началом космической эры человечества.

Второй знаковой датой для космодрома стало 12 апреля 1961 г. В этот день был подготовлен и выведен на орбиту Земли космический корабль «Восток», пилотируемый первым в мире космонавтом Ю.А. Гагариным. Впервые в документах о запуске 12 апреля 1961 г. НИИП № 5 назван космодромом «Байконур»³.

Космодром «Байконур» является первым и крупнейшим космодромом планеты. С территории космодрома возможно запуски всех типов ракет-носителей, в том числе аппаратов с космонавтами на борту. Вышесказанное свидетельствует об уникальности и значимости комплекса, как для Республики Казахстан, так и для Российской Федерации.

С распадом СССР в 1991 г. будущее «Байконура» виделось весьма туманно. Находясь на территории Казахстана, комплекс неминуемо перешел под его юрисдикцию, однако новая независимая республика в тот период в научном и экономическом плане не обладала достаточным потенциалом для эксплуатации и развития комплекса. Фактическую эксплуатацию осуществляла Россия.

Необходимо отметить, что главы двух наиболее заинтересованных в судьбе «Байконура» государств — России и Казахстана — пытались найти выход из сложившейся ситуации. 25 мая 1992 г.

---

¹ См.: *Назарбаев Н.А.* Казахстанский путь. — Караганда, 2006. — С. 309.

² Официальный сайт Администрации города Байконур. URL: http://www.baikonuradm.ru/index.php?mod=city_1.

³ Там же.

было подписано Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о порядке использования космодрома «Байконур». Данное соглашение, однако, не определило правовых основ эксплуатации Россией комплекса. Правовой статус персонала комплекса, воинских формирований Российской Федерации, находящихся на территории «Байконура», и жителей г. Ленинска (ныне — Байконур) также в свою очередь оставался неясным.

Отсутствие ясности в определении правового статуса и юрисдикции в отношении «Байконура» привело в 1992–1994 гг. к кризисному периоду в истории как космодрома, так и города¹, в результате которого количество космических запусков резко сократилось, город пришел в запустение.

Осознавая необходимость сохранения уникального комплекса, Казахстан и Россия приняли решение, и 28 марта 1994 г. было подписано Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур». Указанное Соглашение определило статус «Байконура» как объекта, находящегося в собственности Казахстана и передаваемого в аренду России сроком на 20 лет². При этом предусматривалось, что в трехмесячный срок после вступления в силу Соглашения должен быть заключен Договор аренды³.

Важным шагом к определению статуса комплекса «Байконур» стало подписание 10 декабря 1994 г. Договора аренды комплекса «Байконур» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации, согласно которому Казахстан сдает, а Россия принимает в аренду комплекс «Байконур». С этой даты начинается новый этап истории «Байконура».

---

¹См.: *Назарбаев Н.А.* Казахстанский путь. — Караганда, 2006. — С. 316.

² Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией об основных принципах и условиях использования комплекса «Байконур» от 28 марта 1994 г. // Сборник международных договоров и нормативных правовых актов Республики Казахстан в области аэрокосмической деятельности. — Вып. 1. — Алматы, 2001. — С. 80.

³ Там же. — С. 81.

Согласно ст. 1.1 Договора аренды, испытательные, технологические, научные, производственно-технические, социальные и обеспечивающие объекты космодрома «Байконур» и г. Ленинск (ныне Байконур) с его движимым и недвижимым имуществом составляют единый научно-технический и социальный комплекс «Байконур»¹. Таким образом, в аренду сдается не только космодром, но и город со всей его инфраструктурой. Это одна из главных особенностей аренды «Байконура».

Договором аренды комплекса «Байконур» устанавливается особый режим функционирования космодрома. Командир космодрома «Байконур» назначается на должность и освобождается от должности Президентом России по согласованию с Президентом Казахстана². Российская Федерация как арендатор не позднее 30 декабря каждого года предоставляет Республике Казахстан годовые планы запусков космических аппаратов и планы испытаний ракетно-космической техники на следующий год. В обязанности арендатора также входит уведомление арендодателя о каждом предстоящем запуске за 5 суток с последующим представлением информации по фактам их проведения³. Договором аренды предусмотрен также особый порядок определения ответственности за ущерб, причиненный в результате запусков космических аппаратов⁴.

Многие положения Договора аренды получили свое дальнейшее развитие в специальных соглашениях. Примером таких договоров может служить Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о порядке посещения комплекса «Байконур» от 21 мая 2009 г., подтверждающее особый правовой статус комплекса как режимного объ-

---

¹ Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации от 10 декабря 1994 г. // Сборник международных договоров и нормативных правовых актов Республики Казахстан в области аэрокосмической деятельности. — Вып. 1. — Алматы, 2001. — С. 86.

² Там же. — С. 92.

³ Там же. — С. 96.

⁴ Там же. — С. 95.

екта, допуск на объекты которого осуществляется на основании решений уполномоченных органов сторон¹.

Следует отметить, что договорно-правовой базой устанавливается особый правовой статус города Байконур, о котором нельзя не упомянуть, учитывая факт единства космодрома и города. Байконур является административно-территориальной единицей Республики Казахстан, однако на период аренды комплекса в отношениях с Россией он наделяется статусом, соответствующим городу федерального значения Российской Федерации с особым режимом безопасного функционирования объектов, предприятий и организаций, а также проживания граждан². Глава городской администрации назначается совместно Президентом России и Президентом Казахстана по представлению российской стороны³. На паритетных началах действуют органы государственной власти Республики Казахстан и Российской Федерации, призванные обеспечивать контроль за соблюдением конституционных прав казахстанских и российских граждан, проживающих на территории комплекса.

Очевидно, что особый режим функционирования «Байконура», его двойной правовой статус, факт проживания на его территории как казахстанских, так и российских граждан, сроки аренды комплекса — все это обусловило прочную связь между Казахстаном и Россией. Комплекс «Байконур» стал объединяющим фактором, предопределившим развитие тесного сотрудничества Казахстаном и Россией в сфере космической деятельности. Россия как полноправная космическая держава, имеющая огромный опыт

---

¹ Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о порядке посещения комплекса «Байконур» от 21 мая 2009 г. URL: <http://www.roscosmos.ru/main.php?id=280&did=1118>.

² Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти от 23 декабря 1995 г. // Сборник международных договоров и нормативных правовых актов Республики Казахстан в области аэрокосмической деятельности. — Вып. 2. — Алматы, 2003. — С. 19.

³ Там же. — С. 22.

космической деятельности, является важнейшим стратегическим партнером Казахстана в сфере освоения космоса.

Основа сотрудничества Казахстана и России в космической сфере была заложена еще в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, подписанном в Москве 25 мая 1992 г., согласно положениям которого стороны условились расширять сотрудничество в области фундаментальных научных исследований космического пространства и использовании их результатов в интересах обоих государств и международного сообщества, совместно содействовать мирному освоению космоса и контролю за соблюдением соглашений о предотвращении распространения на него гонки вооружений¹.

Договоры и соглашения по комплексу «Байконур» также не раз подтверждали стремление государств к развитию и углублению двустороннего сотрудничества в сфере освоения космоса. Так, в соответствии с Соглашением об основных принципах использования «Байконура» комплекс используется Российской Федерацией, в том числе, и для совместных проектов Казахстана и России². Кроме того, данный документ закрепляет положение, согласно которому Российская Федерация оказывает содействие Республике Казахстан в осуществлении космических проектов, в первую очередь, в области спутниковой связи и исследования природных ресурсов Земли, в создании совместных структур и в подготовке специалистов по космической технике³. Эти положения были также включены в Договор аренды.

---

¹ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией от 25 января 1992 г. URL: <http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=00540&ogl=all>.

² Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией об основных принципах и условиях использования комплекса «Байконур» от 28 марта 1994 г. // Сборник международных договоров и нормативных правовых актов Республики Казахстан в области аэрокосмической деятельности. — Вып. 1. — Алматы, 2001. — С. 77.

³ Там же. — С. 79.

Новый виток сотрудничества между Казахстаном и Россией в сфере космической деятельности приходится на начало 2000-х гг.

9 января 2004 г. было подписано Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур».

Главной целью данного соглашения является прогрессивная кооперация и взаимовыгодное сотрудничество сторон в рамках совместной деятельности по обеспечению дальнейшего эффективного использования космодрома «Байконур» в интересах Российской Федерации и Республики Казахстан, реализации программ международного сотрудничества¹. Соглашение о развитии сотрудничества предусматривает вовлечение Казахстана в реализацию космических программ и проектов, осуществляемых на космодроме «Байконур», путем долевого участия в финансирование и реализацию проектов по созданию и использованию новых, экологически безопасных ракетно-космических комплексов, других космических программ и проектов по модернизации инфраструктуры космодрома. В первую очередь, имеется в виду создание космического ракетного комплекса (КРК) «Байтерек» для пусков ракет-носителей тяжелого класса, работающих на нетоксичном ракетном топливе.

22 декабря 2004 г. в Москве стороны подписали Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о создании на космодроме «Байконур» космического ракетного комплекса «Байтерек». Это соглашение определило основные принципы и условия сотрудничества при создании и совместном использовании будущего КРК «Байтерек»². Этот комплекс предназначен для запусков космических аппаратов россий-

---

¹ Закон Республики Казахстан «О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о развитии сотрудничества по эффективному использованию комплекса «Байконур» № 273-IV от 29 апреля 2010 г. // Казахстанская правда. — 2010. — № 117 (26178). — 8 мая.

² Закон Республики Казахстан «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о создании на космодроме «Байконур» космического ракетного комплекса «Байтерек» № 82 от 21 октября 2005 г. // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2005. — № 17–18. — Ст. 74.

ской ракетой-носителем «Ангара» и ее возможными модификациями. Использование передовых технологий в области ракетостроения позволит повысить уровень экологической безопасности и значительно уменьшить вредное экологическое воздействие от запусков ракет-носителей с космодрома «Байконур», использующих высокотоксичные компоненты ракетного топлива, такие как амил и гептил. Первый запуск ракеты со стартового комплекса «Байтерек» на Байконуре планировалось осуществить в 2012 г. Однако летные испытания ракет-носителей «Ангара», которые должны были пройти в 2011 г. на космодроме «Плесецк», были перенесены российской стороной на 2013 г. Таким образом, определен новый срок ввода в эксплуатацию КРК «Байтерек» — 2015 г.¹

Помимо Соглашения о создании КРК «Байтерек» между правительствами Казахстана и России 18 января 2005 г. также было подписано Соглашение о сотрудничестве по созданию казахстанских спутников связи и вещания «KAZSAT». В соответствии с положениями данного Соглашения российская сторона изготовила и передала в 2006 г. казахстанской стороне геостационарный спутник «KAZSAT-1». Запуск первого легкого телекоммуникационного геостационарного спутника «KAZSAT-1» был осуществлен 18 июня 2006 г. с космодрома Байконур, а с ноября того же г. была начата коммерческая эксплуатация спутника. Однако в 2008 г. произошли два сбоя один за другим, а затем в конце 2008 г. спутник «KAZSAT-1» перестал отвечать на сигналы управления и ушел в неориентированный полет. 14 августа 2009 г. спутник переведен на орбиту захоронения и отключен².

---

¹ Доклад Председателя Национального космического агентства Республики Казахстан Т. Мусабаева на расширенном заседании Коллегии агентства с участием премьер-министра Республики Казахстан К. Масимова 11 января 2011 г. URL: http://www.kazcosmos.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=363%3Adoklady-i-vystupleniya&catid=18%3Adoklady-i-vystupleniya&Itemid=25&lang=ru.

² Казахстан рассчитывает вернуть в виде страховых выплат менее половины стоимости спутника KazSat-1. URL: <http://www.kt.kz/?lang=rus&uin=1138536794&chapter=1153527203>.

Несмотря на первый негативный опыт с геостационарным спутником «KAZSAT-1», 16 июля 2011 г. Казахстан и Россия подписали Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области создания и запуска казахстанского спутника связи и вещания «KAZSAT-2». В этом же г. спутник был запущен и уже 25 ноября 2011 г. был сдан в штатную эксплуатацию¹.

Отмеченные выше проекты и соглашения являются не единственными доказательствами развития казахстанско-российских отношений по космосу. Создана серьезная международно-правовая основа двустороннего сотрудничества Казахстана и России в сфере космической деятельности. Такой основой стало Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, подписанное 22 мая 2008 г. Важно отметить, что данное Соглашение основано на реальных проектах и имеет под собой серьезную практическую основу. Оно очень четко определяет направления и формы сотрудничества Казахстана и России, что является немаловажным для будущего развития кооперации в космической сфере.

Следует подчеркнуть, что Соглашение о сотрудничестве в области исследования космического пространства создает правовую основу не только для сотрудничества Казахстана и России, но для и совместной космической деятельности физических и юридических лиц договаривающихся государств². Также важной характе-

---

¹ Доклад Председателя Национального космического агентства Республики Казахстан Т. Мусабаева на расширенном заседании Коллегии агентства 31 января 2012 г. URL: http://www.kazcosmos.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=675%3Adoklad-predsdatelya-nka-rk-t-musabaeva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-agentstva-31-yanvarya-2012-goda&catid=18%3Adoklady-i-vystupleniya&Itemid=25&lang=ru.

² Закон Республики Казахстан «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях» № 390-IV от 17 января 2011 г. // Ведомости Парламента РК. — 2011. — № 2 (2579). — Ст. 16.

ристикой данного Соглашения является особая регламентация вопросов обеспечения эффективной охраны прав интеллектуальной собственности¹, полученных и используемых в рамках сотрудничества в сфере космической деятельности, деловой конфиденциальной информации, технологий.

В целом в Соглашении о сотрудничестве в области исследования космического пространства заложен большой потенциал для дальнейшего углубления сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в космической сфере.

Так сложилось исторически и во многом географически, что судьбы двух наших государств очень тесно связаны. Основным фактором сотрудничества Казахстана и России в сфере космической деятельности остается комплекс «Байконур» как объект, в котором на данный момент заинтересованы оба государства. Без преувеличения можно сказать, что в некотором плане «Байконур» — общее детище Казахстана и России, вложивших в него так много сил и средств. Имея в качестве отправной точки сотрудничества такой уникальный комплекс, обладая общими стратегическими интересами, Казахстан и Россия, так или иначе, стремятся к кооперации по исследованию и использованию космического пространства. Совершенно очевидно, что эти отношения имеют перспективу развития.

---

¹ Закон Республики Казахстан «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях» № 390-IV от 17 января 2011 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО И ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН «О КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» ОТ 6 ЯНВАРЯ 2012 г.

Мира Жумагазыевна Куликпаева

магистр международного права, докторант Ph.D
кафедры международного права юридического факультета
Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Kulikpayeva_mzh@enu.kz

В Республике Казахстан особое внимание уделяется индустриально-инновационным проектам. В этих целях была принята государственная программа форсированного индустриально-инновационного развития страны. Данной программой, а также соответствующей отраслевой программой по развитию космической деятельности в РК предусмотрено создание в стране космической отрасли как наукоемкого и высокотехнологического сектора экономики. Кроме того, успешно реализуется Стратегический план Национального космического агентства РК на 2011–2015 гг. В его рамках предусмотрены два стратегических направления: создание и развитие космической инфраструктуры и развитие научно-технологической базы, кадрового потенциала и международного сотрудничества.

В рамках создания договорной, правовой и нормативно-технической базы космической отрасли Национальным космическим агентством Республики Казахстан была проведена значительная работа по разработке проектов Законов Республики Казахстан «О космической деятельности» и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам космической деятельности». В течение 2011 г. за-

конопроекты были рассмотрены сначала в Мажилисе, а затем в Сенате Парламента Республики Казахстан. 6 января 2012 г. законопроекты были подписаны Главой государства.

Необходимо подчеркнуть, что впервые за 20 лет независимости Казахстана космическая деятельность страны стала осуществляться на основе закона, чего не было никогда (ранее, при регулировании вопросов космической отрасли за основу брались положения соответствующих государственных программ, стратегических планов и т.п.).

Структура Закона Республики Казахстан «О космической деятельности» представлена 7 главами (37 статей):

- Общие положения
- Государственное регулирование и контроль в области космической деятельности
- Осуществление космической деятельности
- Космическая инфраструктура
- Безопасность космической деятельности
- Правовое положение и меры социального обеспечения кандидата в космонавты, космонавта
- Заключительные положения

Целью принятия данного Закона является регулирование общественных отношений по осуществлению космической деятельности в Республике Казахстан.

Переходя непосредственно к рассмотрению и анализу норм Закона РК «О космической деятельности», а также вопросов имплементации международных договоров, необходимо определить в первую очередь, что же есть сама космическая деятельность. В соответствии со ст. 1 Закона, это деятельность, направленная на исследование и использование космического пространства для достижения научных, экономических, экологических, оборонных, информационных и коммерческих целей. При этом космическое пространство определяется как пространство, простирающееся за пределами воздушного пространства на высоте свыше ста километров.

Новый закон, а также соответствующие нормативные правовые акты в области космической деятельности, основываются на

положениях Конституции Республики Казахстан и в полной мере отражают приверженность Казахстана нормам международного права. Статья 2 Закона закрепляет приоритет ратифицированных международных договоров перед национальным законодательством.

Закон определяет базовые принципы осуществления космической деятельности:

- соблюдение национальных интересов, обеспечение обороны и национальной безопасности Республики Казахстан;

- поддержка приоритетных направлений развития космической деятельности;

- экономическое стимулирование космической деятельности;

- возмещение вреда здоровью физических лиц, ущерба окружающей среде, имуществу физических и юридических лиц, государства, возникшего вследствие осуществления космической деятельности;

- соблюдение экологических требований, требований в области технического регулирования и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения;

- соблюдение норм международного права;

- эффективное и рациональное использование космического пространства и космической инфраструктуры Республики Казахстан;

- стимулирование привлечения инвестиций в развитие космической деятельности с учетом государственных интересов страны.

Космическая деятельность в Республике Казахстан осуществляется по следующим направлениям:

- создание и использование объектов космической отрасли;

- исследование космического пространства, планет и солнечно-земных связей;

- дистанционное зондирование Земли;

- координатно-временное и навигационное обеспечение;

- создание и использование космических систем связи;

- осуществление запусков космических объектов;

- развитие национального рынка космических услуг и расширение космических услуг на мировом рынке;

– международное сотрудничество в области исследования и использования космического пространства в мирных целях.

Таким образом, данные направления космической деятельности охватывают не только национальные интересы страны, но также учитывают необходимость освоения космоса в мирных целях при участии зарубежных государств и международных организаций на благо и в интересах всех государств. Международное сотрудничество в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях осуществляется в соответствии с положениями международного права, в том числе Устава ООН и Договора по космосу 1967 г. (ст. 1 Декларации о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран, принятой резолюцией 51/122 ГА ООН 13 декабря 1996 г.). Казахстан присоединился к Договору по космосу 15 мая 1997 г.

В настоящее время, Казахстан имеет тесные контакты и соответствующие международные договоры в области исследования и использования космоса в мирных целях с такими странами, как Россия, Украина, Франция, Германия, Израиль, Индия и др.

Финансирование космической отрасли в Республике Казахстан осуществляется за счет бюджетных средств. При этом допускается привлечение иных источников финансирования, не запрещенных законодательством.

Глава 2 Закона РК «О космической деятельности» посвящена вопросам государственного регулирования и контроля. В частности, определяется компетенция Правительства РК, а также уполномоченного органа в области космической деятельности. Таким является образованное в 2007 г. Указом Президента РК Национальное космическое агентство РК (Казкосмос).

Закон предусматривает государственную регистрацию космических объектов и прав на них (ст. 11). Государственной регистрации подлежат космические объекты:

– принадлежащие физическим или юридическим лицам РК, а также права на данные космические объекты. В этом случае под государственной регистрацией понимается учет космических объ-

ектов, акт признания и подтверждения государством возникновения, изменения или прекращения прав на космический объект в соответствии с гражданским законодательством РК;

– принадлежащие иностранным физическим или юридическим лицам, запускаемые в космическое пространство с территории РК. В данном случае государственная регистрация — это запись в регистре космических объектов без государственной регистрации прав на них.

Осуществление государственной регистрации космических объектов и прав на них, а также ведение регистра космических объектов входит в компетенцию Казкосмоса. Нормы Закона РК «О космической деятельности» в полной мере отражают положения Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1974 г. (ст. 2), участником которой является и Казахстан (присоединился 15 мая 1997 г.), а также Договора по космосу 1967 г. (ст. 8).

Глава 3 Закона РК «О космической деятельности» содержит положения об осуществлении космической деятельности, а именно:

- лицензирование деятельности в сфере использования космического пространства;
- фундаментальные и прикладные научные исследования;
- создание космических систем и космических ракетных комплексов;
- использование космической системы связи;
- использование космической системы дистанционного зондирования Земли (соблюдая Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космического пространства, принятых резолюцией ГА ООН 41/65 от 3 декабря 1986 г.);
- использование системы высокоточной спутниковой навигации;
- использование космических ракетных комплексов.

Глава 4 Закона РК определяет объекты космической инфраструктуры страны. К ним относятся: объекты наземной космической инфраструктуры и космические объекты. Отдельно закрепляется правовой статус космодрома «Байконур» как стратегического

объекта и имущественного комплекса, не подлежащего приватизации. Рассмотрены вопросы утилизации космических объектов и технических средств, маркировки космических объектов, передачи объекта космической отрасли в аренду международному или иностранному участнику космической отрасли. В настоящее время космодром «Байконур», расположенный на территории РК, находится в аренде Российской Федерацией на основании соответствующего Договора об аренде (срок аренды продлен до 2050 г.).

Безопасность космической деятельности имеет немаловажное значение и включает в себя следующие компоненты (гл. 5):

- обеспечение безопасности;
- расследование аварий;
- экологический контроль окружающей среды и состояния здоровья населения в регионах, подверженных воздействию космической деятельности;
- запреты и ограничения в космической деятельности.

В главе 5 законодательно отрегулированы вопросы обеспечения безопасности космической деятельности лишь на уровне норм внутреннего права. При этом прямой ссылки на международные нормы, в частности нормы Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1975 г., непосредственно в самом Законе РК «О космической деятельности» не содержится. Хотя Казахстан присоединился к данной Конвенции 15 мая 1997 г. Необходимо отметить, что в отдельных международных соглашениях РК на двустороннем уровне положения об ответственности прописаны (Договор об аренде космодрома «Байконур», соглашения об исследовании и использовании космического пространства в мирных целях).

В гл. 6 регламентировано правовое положение и меры социального обеспечения кандидата в космонавты, космонавта. Рассмотрены статус кандидата в космонавты, космонавта; гарантии в случае увечья, заболевания или гибели (смерти), меры социальной защиты.

В заключительных положениях гл. 7 предусмотрена ответственность за нарушение законодательства РК в области космической деятельности, а также порядок введения в действие Закона (в течение 10 дней после его первого официального опубликования).

Таким образом, проведя анализ норм Закона РК «О космической деятельности», можно сделать вывод о том, что законодатель заложил основу правового регулирования осуществления космической деятельности в стране, а также развития космической отрасли в целом. В Законе нашли свое отражение положения международных договоров, принятых в рамках ООН.

На сегодняшний день Закон функционирует, а насколько эффективно это скажется на развитии космической отрасли — покажет время. Надеемся, что в совокупности с остальными нормативными правовыми актами в сфере космической деятельности, успешная реализация настоящего Закона будет способствовать в перспективе вхождению Казахстана в число ведущих космических держав.

ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ДВУСТОРОННЕМ УРОВНЕ

Анастасия Сергеевна Воронина

аспирантка

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Рассматривая двусторонний уровень сотрудничества, нами будут проанализированы двусторонние договоры о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства двух государств, которые наиболее активно участвуют в космической деятельности — России и США. Договоры будут проанализированы по следующим критериям: объект сотрудничества, институциональная компонента (формы сотрудничества), финансирование, ответственность, обмен персоналом, технологиями, объектами интеллектуальной собственности. Анализ данных элементов сотрудничества, на наш взгляд, позволит, во-первых, выявить особенности сотрудничества России на двустороннем уровне с различными государствами, а во-вторых провести различие моделей двустороннего сотрудничества между двумя основными космическими державами. В завершение данного анализа будет подробно рассмотрено соглашение между США и Россией о сотрудничестве в космической области.

Нами были рассмотрены 8 двусторонних договоров с участием России, а именно договоры о сотрудничестве по исследованию и использованию космического пространства с Республикой Казахстан, Республикой Индия, Королевством Испания, Республикой Корея, Федеративной Республикой Бразилия, Республикой Украина, Федеративной Республикой Германия, Французской Республикой.

Области сотрудничества во всех рассмотренных договорах представляют собой широкий набор всевозможных сфер исследования и использования космического пространства, включая не только космические исследования и практические программы, но также и использование космических технологий в иных отраслях экономики государств, защиту окружающей среды, космическую медицину и биологию. Кроме того, два договора включают также специфические области сотрудничества. Соглашение о сотрудничестве с Бразилией предусматривает специфическую область сотрудничества — изучение возможности запуска спутников с территории Бразилии российскими ракетами-носителями¹ и соответствующую форму сотрудничества.

Двусторонний договор с Украиной предусматривает также сотрудничество в поиске новых путей и средств развития сотрудничества в исследовании и использовании космического пространства в рамках СНГ². Наличие данной специфической области сотрудничества, равно как и обусловленные особенностями взаимоотношений РФ и Украины в космической отрасли формы сотрудничества, такие как предоставление коммерческих услуг по запускам космических объектов третьих стран, создание космической техники и технологий по заказам третьих стран и передача информации с космических аппаратов на наземные станции третьих стран свидетельствуют о неразрывной связи космических комплексов и технологий России и Украины³. Техническое и технологическое своеобразие бывшего советского космического комплек-

---

¹ Соглашение между правительством РФ и правительством Федеративной Республики Бразилии о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, 21 ноября 1997 г. (ст. 3) // Бюллетень международных договоров. — 2003. — №1. — С. 34.

² Соглашение между правительством РФ и правительством Республики Украины о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, 27 августа 1996г. (ст. 3) // Бюллетень международных договоров. — 2011. — № 10. — С. 31.

³ См.: *Молдабеков Е.М., Винокуров Е.Г.* Перспективы сотрудничества стран СНГ в космической отрасли // Отраслевой обзор ЕАБР. — 2010. — № 8. — С. 37.

са обуславливают не просто целесообразность, а жизненную необходимость активного и эффективного сотрудничества этих двух стран¹.

Особенности областей и форм сотрудничества между Россией и Украиной также предполагает особые нормы об ответственности. В то время как все иные соглашения предусматривают принцип отказа от взаимных претензий в рамках совместных программ и проектов, обусловленных положениями соответствующих соглашений о сотрудничестве², рассматриваемое соглашение предполагает разработку и принятие отдельных положений об ответственности для каждого вида деятельности, подпадающего под сотрудничество в соответствии с данным договором. Таким образом, стороны договорились о различном регулировании различных форм сотрудничества. С одной стороны, это положение позволяет более гибко регулировать отношения в области сотрудничества по исследованию и использованию космического пространства между Россией и Украиной, с другой стороны, вызывает необходимость предварять каждый совместный проект процедурами по разработке и согласованию соглашений об основаниях и пределах ответственности, процедурах предъявления претензий и порядке разрешения возникающих споров. Безусловно, индивидуализация норм об ответственности в рамках тех областей и форм сотрудничества, которые предусмотрены Соглашением 1996 г. являются необходимым элементом успешного сотрудничества, однако это, в свою очередь, усложняет механизм сотрудничества, несмотря на уже имеющееся Соглашение о сотрудничестве по исследованию и использованию космического пространства 1996 г.

В качестве положительной динамики по сравнению с договорами о сотрудничестве по исследованию и использованию косми-

---

¹ См.: *Молдабеков Е.М.* Сотрудничество стран СНГ в космосе: перспективы и проблемы // Евразийская экономическая интеграция. — 2010. — № 4 (9). — С. 78.

² Соглашение между правительством РФ и правительством ФРГ о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, 10 апреля 2001 г. (ст. 9) // Бюллетень международных договоров. — 2005. — № 6. — С. 26.

ческого пространства, заключавшимися СССР¹, стоит отметить предусматриваемые развернутые механизмы охраны объектов интеллектуальной собственности, технологии и иной конфиденциальной информации, которые оформляются в договорах, заключенных от имени России, в виде приложений, являющихся неотъемлемой частью соответствующих договоров². Кроме того, в последние годы, однако лишь в немногих двусторонних договорах, предусматриваются правила таможенного оформления имущества, пересекающего границы для осуществления программ сотрудничества в рамках соответствующих договоров, а также нормы об упрощении миграционного контроля для технического персонала, ученых и иных специалистов³.

Второй блок рассмотренных договоров — это 8 двусторонних договоров об исследовании и использовании космического пространства между США, с одной стороны, и Францией, Аргентиной, Швецией, Украиной, Бразилией, Индией, Японией и Норвегией — с другой.

Сравнительный анализ показывает, что Россия заключает двусторонние договоры об исследовании и использовании космического пространства в мирных целях рамочного характера, предусматривая наиболее широкий перечень областей и форм сотрудничества, одновременно зачастую предусматривая заключение дополнительных соглашений по конкретным проектам и программам, в том числе и по отдельным вопросам. В то же время догово-

---

¹ Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Итальянской Республики о сотрудничестве по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях, 14 октября 1988 г. // Сборник международных договоров СССР. — 1990. — Вып. XLIV. — С. 456.

² Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Республики Индии о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, 3 декабря 2004 г. // Бюллетень международных договоров. — 2007. — № 4. — С. 57–70.

³ Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Французской Республики о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, 26 ноября 1996 г. // Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 4. — С. 35.

ры, заключаемые США, имеют узкую специализацию, выполнение определенной программы или проекта. В российской практике также можно привести такие примеры¹, однако, они заключаются уже на основе существующих наиболее общих договоров о сотрудничестве². Более того, процент таких соглашений в общем числе заключенных Россией двусторонних договоров о сотрудничестве в космической области, является незначительным. Одновременно среди двусторонних договоров США такие специализированные соглашения занимают большую часть.

Двусторонние договоры США о сотрудничестве в конкретном проекте или программе по исследованию и использованию космического пространства имеют ряд особенностей.

Во-первых, формами сотрудничества выступают совместные комиссии, рабочие группы или органы, создаваемые из представителей государств-участников, а также с привлечением ученых и специалистов³.

Во-вторых, особенностью договоров, направленных на совместное выполнение конкретных миссий и проектов, является тот факт, что финансированию придается особое значение. Используя стандартную формулировку о финансировании в рамках выделенных бюджетных средств, в таких договорах особо оговаривается, что в случае недостаточности финансирования, которое может нанести ущерб проекту, стороны немедленно обращаются за консультациями к другой стороне-участнику⁴. В данном случае оче-

---

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о мерах по охране технологий в связи с деятельностью в рамках проекта «Морской Старт», 21 марта 2006 г. // Бюллетень международных договоров. — 2006. — № 11. — С. 42.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке получения и представления заключения (согласования) по планам запусков аппаратов и испытательных пусков ракет с космодрома «Байконур», 18 ноября 1999 г. // Бюллетень международных договоров. — 2005. — № 2. — С. 76.

³ Memorandum of Understanding between the United States of America and France, June 18, 2003 // Treaties and other international acts series. — 2003.

⁴ Implementing Arrangement between the United States of America and Brazil, October 14, 1997 // Treaties and other international acts series. — 1997.

видно государства, заключившие соответствующий договор, используют механизм минимизации последствий для проекта или программы в случае недостаточного финансирования.

В-третьих, особенностью рассматриваемой категории договоров является обязательство государств-участников публиковать полученные данные и результаты исследований в соответствующих изданиях. Лишь один договор предусматривает ограничение сроком в 1 год для публикации с момента получения соответствующих данных¹, однако, все иные договоры, не устанавливая четких ограничений, оговаривают необходимость предварительных консультаций², что, вероятно, также сделано для установления временных рамок публикаций результатов исследований.

Общим для всех изученных договоров является взаимный отказ от ответственности. Тем не менее, в отношении третьих лиц, применяются правила Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1971 г.

Завершая обзор двустороннего сотрудничества государств по исследованию и использованию космического пространства, остановимся на рассмотрении и анализе Соглашения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях от 17 июня 1992 г.

Необходимо обратить внимание на название: все иные двусторонние договоры, заключаемые Россией, в качестве сторон договора указывают правительства соответствующих государств. В данном случае, на наш взгляд, речь идет о некоем меморандуме о намерениях³, а не о подлинном двустороннем договоре, который четко устанавливает масштабы сотрудничества, правила и условия финансирования, ответственности, перемещения персонала, тех-

---

¹ Agreement between the United States of America and Japan, July 12, 2002 // Treaties and other international acts series. — 2002.

² Implementing Arrangement between the United States of America and Brazil, October 14, 1997 // Treaties and other international acts series. — 1997.

³ Международное право / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. — М.: Омега-Л, 2008. — С. 252–253.

нологий, а также решения иных вопросов, которые обычно регулируются в таких двусторонних договорах.

Статья 1 особо оговаривает, что в соответствии с данным договором сотрудничество осуществляется исключительно в гражданских целях. Области сотрудничества в данном Соглашении сформулированы аналогично с иными двусторонними договорами США, а не по модели российских двусторонних договоров. Статья 1 перечисляет четыре наиболее востребованные на момент заключения области сотрудничества, а именно: мониторинг окружающей среды из космоса; осуществление полетов станции «Мир» и корабля многоразового использования с участием российских космонавтов и американских астронавтов; обеспечение безопасности космических полетов; космическая биология и медицина.

Для предоставления более широких возможностей сотрудничества выделяется пятый пункт, а именно «изучение возможностей совместной работы в других областях, таких как исследование Марса». На данном этапе несмотря на прекращение работы станции «Мир», аналогичные механизмы, на наш взгляд, вероятно должны быть распространены на сотрудничество по использованию Международной космической станции. Несмотря на наличие отдельных договоров и соглашений, регулирующих совместное использование МКС, все же ее использование в целях исследования и использования космического пространства, безусловно, остается одним из важнейших направлений сотрудничества России и США¹.

Соглашение не предусматривает конкретных форм сотрудничества, лишь назначает в качестве головных организаций-исполнителей Российское космическое агентство и Национальное агентство по авиационной и исследованию космического пространства². Аналогично не предусматриваются правила об ответствен-

---

¹ См.: Яковенко А.В. Международно-правовые проблемы международных программ исследования и использования космоса. — М., 2001. — С. 34.

² Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, 17 июня 1992 г. (ст. 2) // Бюллетень международных договоров. — 1999. — № 9. — С. 33.

ности за возможный ущерб, не предусмотрены правила перемещения персонала, имущества, технологий. Положение о финансировании ограничено короткой формулировкой об осуществлении деятельности в рамках Соглашения «в соответствии с национальными законами и правилами каждой из сторон и в пределах имеющихся средств»¹.

Наиболее важным положением данного договора, на наш взгляд, является установление того, что «каждый из совместных проектов может быть предметом специального соглашения в письменной форме между назначенными организациями-исполнителями, в котором определяется характер и рамки проекта, индивидуальные и общие обязанности связанных с проектом назначенных организаций-исполнителей, договоренности по финансовым вопросам, если таковые имеются, и порядок охраны интеллектуальной собственности в соответствии с положениями настоящего Соглашения» (ст. 2)².

Подводя итог, следует признать, что двусторонний договор между США и Россией носит рамочный характер, выражает намерение двух государств в будущем сотрудничать в области исследования и использования космического пространства, однако не устанавливает четких условий и форм сотрудничества. Россия и США заключают многочисленные двусторонние договоры по отдельным элементам сотрудничества в космосе, решая возникающие вопросы в рамках специальных соглашений.

Анализ двустороннего уровня сотрудничества двух наиболее активных в космической отрасли государств по исследованию и использованию космического пространства ярко показал основную тенденцию, которая прослеживается на всех уровнях сотрудничества государств в космосе, однако наиболее явно проявляется лишь на

---

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, 17 июня 1992 г. (ст. 3) // Бюллетень международных договоров. — 1999. — № 9. — С. 33.

² Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях, 17 июня 1992 г.

двустороннем уровне. Сотрудничество государств по исследованию и использованию космического пространства находится в полном соответствии с мнением Ю.М. Колосова об отсутствии нормативно закреплённой обязанности государств сотрудничать друг с другом в иных сферах, кроме обеспечения мира и безопасности¹.

На двустороннем уровне государства проявляют свою политическую волю, правовую и экономическую заинтересованность, заключая двусторонние договоры о сотрудничестве в космосе. При этом, как показал анализ, государства идут на сотрудничество лишь в тех рамках и пределах, которые считают приемлемыми для себя. Особенно ярко эта тенденция проявляется в двусторонних договорах, заключённых США. Соединённые Штаты имеют свою чёткую стратегию развития космической отрасли, в рамках которой они действуют, зачастую прямо отступая от норм международного права. Эта же тенденция проявляется и в заключаемых США двусторонних договорах: Америка сотрудничает с другими государствами в космосе лишь в тех пределах, в которых такое сотрудничество отвечает их потребностям, планам и стратегиям. Аналогично, хотя и не так ярко проявлено, складывается ситуация с двусторонним уровнем сотрудничества России. Российская Федерация заключила множество двусторонних договоров о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства, однако, необходимо признать, что их большая часть имеет типовой характер. Договоры выражают лишь согласие России сотрудничать с другим государством в космосе, однако не предусматривают конкретных, наиболее чётких форм такого сотрудничества, оставляя решение данного вопроса специальным соглашениям в рамках конкретных проектов в тот момент, когда согласие сотрудничать трансформируется в намерение сотрудничать.

---

¹ См.: *Колосов Ю.М.* Борьба за мирный космос. — М., 1968. — С. 29–30.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛЕТОВ КОСМИЧЕСКИХ АППАРАТОВ

А.И. Травников

кандидат юридических наук,
доцент кафедры международного права
Российский университет дружбы народов

В 2009 г. американский эксперт в области космических исследований М. Каку предостерегал государства в связи с их планами осуществления в 2020 г. пилотируемых полетов на Луну: «Для нас может возникнуть критическая ситуация на Луне, когда вокруг нее на огромной скорости будут в разных направлениях совершать полет пилотируемые исследовательские корабли разных стран. Будем надеяться, что они не врежутся друг в друга, создавая первый глобальный конфликт в космосе»¹.

Если такие опасения в отношении окололунного пространства представляются преждевременными, то в отношении околоземного космического пространства и воздушного пространства они вполне оправданы, где вероятность столкновения космических летательных аппаратов между собой, с воздушными судами, космическим мусором и естественными небесными телами весьма высока. Возможность столкновения космического объекта с другими космическими объектами или воздушным судном в полете предусматривалась еще 40 лет назад в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (ст. II и III).²

---

¹ Wall Street Journal. — 2009. — 23 June. — A 13.

² Конвенция принята 29 марта 1972 г.

Попытаемся рассмотреть некоторые вопросы, связанные с необходимостью совершенствования международно-правового режима космического пространства в целях обеспечения безопасности космической и воздушно-космической навигации.

В современном понимании космическое пространство представляет собой пространство за пределами земной атмосферы. Атмосфера — это газовая оболочка Земли, 99% которой сконцентрировано в слое до высоты 30–35 км от земной поверхности¹. Космическое пространство принято подразделять на ближайший космос — пространство, расположенное в диапазоне высот от 100 до 2000 км от поверхности Земли, и дальний космос — пространство свыше 2000 км. Граница между воздушным и космическим пространствами, в соответствии со сложившимся в международном праве обычаем, проходит на высоте около 100 км от поверхности Земли, которая соответствует высоте минимальных перигеев орбит искусственных спутников Земли². Важно отметить, что полеты воздушных судов, т.е. летательных аппаратов, поддерживаемых в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом³ (аэродинамический полет) производятся на высотах до 35 км. При этом единое управление воздушным движением⁴ осуществляется до высоты 12 км, где выполняется наибольшее количество внутренних и международных полетов воздушных судов и иных летательных аппаратов. Специальные (в основном военные) наземные радиотехнические средства позволяют устойчиво наблюдать и управлять воздушными судами на высотах до 30 км.

---

¹ См.: Международное космическое право / Под. ред. Г.П. Жукова, Ю.М. Колосова. — М., 1999. — С. 54.

² См.: Жуков Г.П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия. К 50-летию полета Юрия Гагарина в космос: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2011. — С. 52.

³ Из определения понятия «воздушное судно» // Doc. ICAO 9569.

⁴ Единое управление воздушным движением (УВД) означает УВД воздушных судов всех видов авиации (гражданской, государственной, экспериментальной).

Изложенное необходимо для определения возможностей международно-правового регулирования полетов космических и воздушно-космических аппаратов от их старта (взлета) до посадки и обеспечения безопасности таких полетов, в том числе, путем предотвращения опасных сближений и столкновений указанных аппаратов с космическим мусором и небесными телами (астероидами, кометами и т.п.), а также с воздушными судами и иными летательными аппаратами в воздушном пространстве.

Для этого необходимо, прежде всего, определить технико-правовые подходы, которые лягут в основание требований обеспечения безопасности космической навигации. В этих целях предлагается использовать апробированную практику, применяемую в воздушной навигации, основанную на установлении структуры воздушного пространства и эшелонировании. Структура космического пространства может быть определена как установленные в соответствии с международным правом объемы космического пространства, необходимые для безопасного полета космических аппаратов и иных космических объектов (тел). Основным принципом, который должен присутствовать в организации космического и воздушно-космического движения, состоит в том, чтобы эти объемы никогда не соприкасались. В аэронавигации это достигается посредством эшелонирования (вертикального, бокового и продольного). Такие объемы можно было бы назвать функциональными космическими пространствами (по аналогии с достаточно принятой терминологией в международном воздушном праве). Функциональные космические пространства (элементы структуры космического пространства) должны располагаться на удалении друг от друга, в вертикальной и горизонтальной плоскостях, обеспечивающим безопасность находящихся в них космических аппаратов (не менее 10–20 км). Функциональные космические пространства (ФКП) будут, как бы, перемещаться по орбитам вместе с аппаратами для которых эти ФКП установлены. Такие же ФКП должны устанавливаться для вывода космических аппаратов на орбиты и для спуска на Землю. При этом ФКП должны сопрягаться с функциональными воздушными пространствами на высотах 30–50 км от уровня Мирового океана.

Технические параметры ФКП можно было бы разработать в рамках Технического подкомитета Комитета ООН по космосу¹ в виде стандартов, которым необходимо будет предать общеобязательный статус.

По-видимому борьба с космическим мусором с учетом его самовоспроизводства и увеличением количества запускающих государств, затянется на долгие годы. Поэтому для элементов космического мусора также необходимо установить ФКП. Аналогичным образом следует поступить и с естественными небесными телами (кометами, астероидами и т.п.). Изложенное предлагается в качестве общего принципа для подготовки и принятия международных правил космического движения.

Эти правила, наряду с другими положениями, касающимися обеспечения космического движения, должны войти в универсальный международный договор с возможным названием — «Конвенция о космической навигации».

Кроме правил космического движения в Конвенцию необходимо включить следующие положения, определяющие:

- понятия (термины);
- делимитацию воздушного и космического пространства;
- правовой статус космического пространства (свобода использования космического пространства);
- правовой режим космического пространства;
- зоны ответственности центров управления полетами (ЦУП РФ, США, КНР, Европейского космического агентства и др.)² в области контроля за космическим движением;
- создание международного ЦУПа (со статусом международной межправительственной организации), его права и обязанности;
- взаимодействие ЦУПов с национальными и международными аэронавигационными службами и организациями.

---

¹ Комитет по использованию космического пространства в мирных целях. Учрежден Генеральной Ассамблеей ООН в 1958 г.

² В настоящее время устойчиво наблюдать за естественными и искусственными космическими объектами могут только РФ и США.

24 марта 2012 г. в Центральном научно-исследовательском институте машиностроения (ЦНИИМАШе) и ЦУПе РФ было проведено совещание («круглый стол») с участием представителей юридического факультета Российского университета дружбы народов на тему: «Актуальные, приоритетные проблемы правового обеспечения космической деятельности на национальном и международном уровнях». На этом совещании была высказана серьезная озабоченность проблемой обеспечения безопасности полетов космических объектов, особенно пилотируемых аппаратов и станций. Информация, поступающая от иностранных источников, подтверждает эту озабоченность.

Представляется, что уже сейчас следует преступить к подготовке проекта указанной Конвенции не дожидаясь катастроф. Печальные примеры такого ожидания имеются в авиационной практике.

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКОЙ НАВИГАЦИИ

Е.О. Ганенков

аспирант кафедры международного права
Российский университет дружбы народов

С момента осуществления первого суборбитального полета прошло более 8 лет. За эти годы произошел технологический прогресс в области развития летательных аппаратов и на смену предыдущему суборбитальному аппарату «Spaceshipone» пришел новый летательный аппарат «Spaceshiptwo», способный перевозить на своем борту до 10 взрослых человек и находиться на высоте 100 км над уровнем моря не менее 40 минут.

В свете развития подобных технологий в мае 2005 г. на 175 сессии Совета Международной организации гражданской авиации (ИКАО) была рассмотрена Концепция суборбитальных полетов¹. Это было вызвано планами некоторых корпораций, предусматривающими создание целого парка суборбитальных летательных аппаратов, в том числе, для использования их в коммерческих целях, т.е. для международных суборбитальных перевозок пассажиров. И хотя, в силу многих правовых факторов, коммерческие перевозки, осуществляемые подобными видами летательных аппаратов представляются на сегодняшний день маловероятными, использование их в туристических целях предполагается в самом скором будущем.

Первый полет подобного судна был осуществлен в 2004 г. Воздушно-космический аппарат «Spaceshipone» поднялся до высоты 100 км, на борту судна находилось 3 взрослых пассажира.

---

¹ Doc. ICAO C-WP/ 12436.

В самом общем виде «суборбитальный полет» представляет собой полет летательного аппарата с набором высоты около 100 км в апогее (с помощью ракетного двигателя) без выхода его на околоземную орбиту с последующим снижением и входом в плотные слои атмосферы для возвращения на землю путем планирования в режиме аэродинамического полета, т.е. «за счет взаимодействия с воздухом».

«Spaceshipone» был поднят в воздушное пространство на транспортном самолете до высоты 14 км, после этого на 80 секунд был включен ракетный двигатель и летательный аппарат поднялся до высоты 100 км со скоростью в 3 раза превышающую скорость звука.

Из этого можно сделать вывод, что суборбитальные летательные аппараты на разных этапах полета следует квалифицировать и как ракету, и как воздушное судно. Такая неопределенность в квалификации создает ряд трудностей для допуска к эксплуатации суборбитальных летательных аппаратов для целей международного воздушного транспорта, где используются только гражданские воздушные суда сертифицированные в соответствии со ст. 31 Конвенции о международной гражданской авиации (Чикагская конвенция 1944 г.)¹. Такие воздушные суда должны быть зарегистрированы в национальных реестрах в соответствии со ст. 17 Чикагской конвенции 1944 г. и управляться лицами, имеющими свидетельство на право пилотирования этого воздушного судна для выполнения международных воздушных перевозок, как того требует ст. 32 указанной выше Конвенции.

В настоящее время порядок проведения обязательной сертификации и регистрации суборбитальных летательных аппаратов, а также требования, предъявляемые к членам экипажа таких летательных аппаратов, не установлены национальными нормативными актами и не стандартизированы документами ИКАО.

Законодательством США устанавливается только определение понятия «траектория суборбитального полета», что для правового регулирования перевозок пассажиров таким способом явно недос-

---

¹ Doc. ICAO 7300.

таточно¹. Необходимо также отметить наличие технической сложности, связанных с организацией и выполнением суборбитальных полетов.

Данные полеты требуют значительных финансовых затрат, не возмещаемых на коммерческой основе, а также затруднительным представляется и правовое регулирование подобных полетов, вытекающее, прежде всего, из полной неопределенности правового положения членов экипажа и пассажиров.

На основании изложенного следует предположить, что использование суборбитальных летательных аппаратов для целей международной гражданской авиации маловероятно. Скорее всего, такие летательные аппараты могут быть использованы лишь для туристических полетов.

Наиболее перспективным в области исследования и использования космического пространства представляется применение другой категории воздушно-космических аппаратов — модернизированных устройств типа Шатл и Буран, способных выполнять полеты как в воздушном пространстве за счет взаимодействия с воздухом (как воздушные суда), так и в космическом пространстве за счет реактивной тяги (как баллистические ракеты). Такие аппараты должны иметь технические характеристики, обеспечивающие вывод их на околоземную орбиту и в дальний космос без использования для этих целей ракет-носителей.

Сегодня в России не ведется широкомасштабных разработок таких летательных аппаратов. Тем не менее, отдельные научно-технические центры занимаются разработкой данных технологий. К примеру, центр «Имплаз» занимается разработкой ракетоплана, которому нет аналогов в мире. Данный проект нацелен на одновременную практическую апробацию двух прорывных высокотехнологичных решений, которые связаны единой функциональной взаимозависимостью. А именно, суборбитальный летательный аппарат в сочетании с применением ракетных двигателей нового поколения, а именно: пульсирующих рефлекторно-резонансных двигателей «Имплаз», энергосиловые характеристики которых позво-

---

¹ Закон США «О коммерческих космических запусках» 2004 г., CSLAA.

ляют поднять тяговооруженность летательного аппарата в несколько раз по сравнению с широко применяемыми традиционными жидкостными и твердотопливными ракетными двигателями. Появление этой возможности позволяет осуществить такой полет применив непосредственно серийный самолет, который по своим конструктивным, прочностным, скоростным и высотным летным качествам наиболее подходит для выполнения суборбитальной задачи.

Как представляется применить для подобных целей серийный самолет невозможно, тем не менее, если разработать летательный аппарат более прочной, функциональной конструкции, то с помощью подобных двигателей возможно осуществить полет в околоземное пространство без использования ракет-носителей или самолетов-носителей.

Разработка подобных технологий воздушно-космических аппаратов ведется и в Великобритании. Примером может служить воздушно-космический самолет многоразового использования «Хотол». На сегодняшний день разработкой данного летательного аппарата занимается компания Бритиш Аэроспейс. По планам конструкторов данной компании, подобный самолет может серьезно сократить расходы, связанные с выводом спутников на орбиту. Каждый воздушно-космический самолет сможет выводить на орбиту от 7 до 10 тонн оборудования и его запуск будет осуществляться без применения дополнительных воздушных судов. «Хотол» весом 275 тонн будет совершать полеты с взлетно-посадочной полосы аэродрома и вначале использовать для подъема взаимодействие с атмосферным воздухом (до высоты 30 км над уровнем моря), а затем находящийся на борту жидкий кислород — в качестве окислителя для его двигательной установки на водоруде¹. Взлет будет осуществляться с разгонной и управляемой тележки, так как шасси будет предназначено только для посадки, на тот момент, когда баки «Хотол» окажутся пустыми, а сам самолет станет в десятки раз легче. Несмотря на серьезность и масштабы проделанной работы до серийного выпуска еще довольно далеко, так как Бритиш Аэроспейс предстоит решить еще множество за-

---

¹ См.: Волк И.П. Цель — 2001 год. Авиационная и космическая техника мира. — Жуковский, 1991. — С. 104.

дач, связанных с конструктивными особенностями подобных типов летательных аппаратов.

Что касается, правового регулирования, то основная сложность полетов воздушно-космических аппаратов заключается в том, что во время таких полетов на эти аппараты распространяются нормы различных отраслей международного права (международного воздушного и международного космического права), а при пролете воздушного пространства, расположенного над территорией государств национального воздушного права.

Для определения пределов действия различного права на воздушно-космические аппараты в полете необходимо установить границы пространств с различным правовым статусом. В горизонтальной плоскости граница между воздушным пространством государств (суверенное воздушное пространство) и воздушным пространством, расположенным за пределами суверенного воздушного пространства (международное воздушное пространство) проходит по воображаемой вертикальной плоскости, возведенной по линии границы территориального моря прибрежных государств.

Серьезный вопрос вызывает делимитация границы между воздушным пространством (суверенным и международным) и космическим пространством. Многие ученые-правоведы, основываясь на так называемом смешанном нормативно-правовом и естественно-научном подходе, утверждают, что по существу сложился международно-правовой обычай, согласно которому граница между воздушным и космическим пространством проходит на высоте минимальных перигеев орбит искусственных спутников земли на удалении около 100 км от уровня мирового океана¹.

В международном воздушном пространстве преимущественно действует принцип «свободы полетов», установленный Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. (пп. б, п. 1 ст. 87)².

Космическое пространство в соответствии со ст. I Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небес-

---

¹ Организация Объединенных Наций. — Нью-Йорк, 1984.

² См.: Жуков Г.П. Международное космическое право и вызовы XXI столетия. — С. 52.

ные тела (Договор по космосу 1967 г.)¹ также открыто для использования всеми государствами. Этот принцип, безусловно, предусматривает свободу полетов в космическом пространстве. Принцип «свободы полетов» прежде всего предусматривает отсутствие разрешительного порядка на производство полетов, т.е. государства не обязаны получать от других государств или международных межправительственных организаций разрешение на выполнение полетов в международном воздушном и космическом пространствах. Международно-правовое регулирование полетов аппаратов любых типов и принадлежности в космическом пространстве также полностью отсутствует.

В отношении воздушного пространства, расположенного над территорией государства действует принцип полного и исключительного суверенитета этого государства, установленный ст. 1 Чикагской конвенции 1944 г. В соответствии с этим принципом государства самостоятельно формируют правовой режим своего суверенного воздушного пространства, включая установление разрешительного порядка, правил полетов и управления воздушным движением (УВД). Однако такое формирование государства должны осуществлять с учетом общепризнанных принципов и норм международного права. В связи с этим необходимо привести высказывание Г.И. Тункина о том, что «когда мы говорим о суверенитете государства, мы имеем в виду не абсолютный суверенитет, а скорее суверенитет в рамках международного права»².

В отличие от правового режима международного воздушного и космического пространства в основе правового режима суверенного воздушного пространства лежит разрешительный порядок его использования, в том числе для выполнения международных полетов. Однако, по мнению Г.П. Жукова, «следует иметь в виду, что при полете через воздушное пространство иностранных государств космический объект пользуется правом “безвредного” (мирного) пролета»³.

---

¹ Действующее международное право. — М., 1997. — Т. 3. — С. 625–630.

² *Tunkin G.I.* The problem of Sovereignity and Organization of European Security // *Revue de droit international.* — 1974. — № 1. — P. 3.

³ *Жуков Г.П.* Международное космическое право и вызовы XXI столетия. — С. 52.

Рассмотренные правовые режимы космического и воздушного пространств не предусматривают единообразного порядка выполнения полетов воздушно-космических аппаратов. Такое положение не может обеспечить безопасность воздушной и космической навигации.

В последнее время высказываются предложения «о разработке и внедрении правил управления движением в космосе». Желательно, чтобы эти правила разрабатывались совместно с правилами воздушно-космических полетов. Формально правила полетов воздушных судов действуют в пространстве до высоты 100 км, однако, практическое их применение происходит до высоты 30–35 км. Во-первых, это максимальная высота полета военного или экспериментального самолета или беспилотного аэростата, а во-вторых, органы управления воздушным движением в силу технических возможностей оборудования просто не смогут осуществлять аэронавигацию летательных аппаратах выше данных высот.

В целях организации международных полетов воздушных судов ИКАО разделило все воздушное пространство Земли на районы полетной информации (РПИ) государств, где их уполномоченные органы осуществляют управление воздушным движением летательных аппаратов вне зависимости от их государственной принадлежности. Управление движением в космическом пространстве основывается на ином принципе — космическими и воздушно-космическими аппаратами управляют те государства, которым они принадлежат (государство регистрации аппарата) через уполномоченные центры управления полетами (ЦУПы Роскосмоса, НАСА и др.). Однако ЦУПы управляют такими аппаратами не только в космическом, но и в воздушном пространстве как в международном, так и в суверенном воздушном пространстве, в том числе иностранных государств, что нельзя квалифицировать иначе как противоправное осуществление юрисдикции на территории иностранного государства. Безопасность полетов воздушных судов при взлете (запуске) и посадке космических и воздушно-космических аппаратов обеспечивается органами УВД государств, в РПИ которых осуществляются такие взлеты (запуски) и посадки, путем введения запретов на осуществление другой деятельности в

воздушном пространстве на пути следования указанных аппаратов. Сложившаяся практика введения запретов на осуществление деятельности в воздушном пространстве (в том числе коммерческих воздушных перевозок) при взлете (запуске) и посадке космических и воздушно-космических аппаратов допустима только в отношении эпизодических запусков космических ракет. Когда же полеты воздушно-космических аппаратов приобретут регулярный характер сложившаяся в настоящее время практика приведет к огромным экономическим потерям, прежде всего, авиакомпаний.

В свете вышесказанного уже сейчас необходимо приступить к разработке универсальных международно-правовых норм регламентирующих деятельность государств по организации и выполнению воздушно-космических полетов. Сформированный для этих целей международно-правовой режим должен основываться на так называемом «функциональном подходе», когда в отношении таких полетов будет применяться то право (международное космическое или международное воздушное), которое является целесообразным вне зависимости от того, находится воздушно-космический аппарат, в формально определенных космическом или воздушном пространствах.

РАЗВИТИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЛИССАБОНСКОГО ДОГОВОРА

О.М. Мещерякова

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры международного права
Российский университет дружбы народов

Статья посвящена анализу направлений развития европейской космической политики. На примере Европейского Союза в данной статье рассматриваются проблемы реализации такого сотрудничества в рамках Европейского Союза, а также вопросы сотрудничества Европейского Союза с международно-правовыми институтами, созданными для координации взаимодействия государств в сфере освоения космоса.

Регулирование сотрудничества в космической сфере внутри интеграционного сообщества является необходимостью, которая вызвана глобализацией. Это относительно новая форма взаимодействия государств — членов Европейского Союза.

На сегодняшний день система норм международно-правового регулирования сотрудничества государств Европы в космической сфере составляет фундамент международного сотрудничества в данной сфере.

Указанная система охватывает:

– международные научные связи, направленные на решение теоретических и экспериментальных задач фундаментальной и прикладной науки;

– создание определенных международно-правовых институций для содействия выполнению разрабатываемых программ в той или иной сфере научно-технического взаимодействия государств;

– обеспечение безопасного использования достижений научно-технического прогресса;

Источники норм и принципов международного научно-технического сотрудничества помимо прав и обязанностей сторон включают обычно перечень форм и видов сотрудничества. Программы в сфере европейской космической политики представляют собой международные договоры особого рода. Программы такого сотрудничества могут разрабатываться и приниматься не только на международно-правовом уровне, но и на уровне интеграционных объединений. Поэтому космическая политика составляет также особую сферу взаимодействия государств в интеграционном процессе. В этом аспекте космическая политика Европейского Союза является примером успешного отраслевого сотрудничества.

Интеграционный процесс, охватывающий столь значительный объем сфер взаимодействия как Европейский Союз не может обойтись без регулирования космической сферы, которая сегодня является не только вспомогательной по отношению к другим сферам, но, также формируется в отдельные самостоятельные формы сотрудничества государств в интеграционном процессе.

Таким образом, формируется новая форма взаимодействия и партнерства государств — членов Европейского Союза в области космической политики, являющаяся одним из направлений реализации так называемых «глобальных целей» Европейского Союза в сфере космических исследований.

В этой сфере Европейский Союз принимает программы и издает акты вторичного права.

Тема применения космических технологий для обеспечения региональной и международной безопасности стала лейтмотивом тех изменений, которые сегодня предпринимает Евросоюз в сфере развития космической политики.

Космические исследования до недавнего времени оставались «второстепенным» направлением деятельности Европейского Союза. Такая ситуация была связана с тем, что данная сфера развивалась на национальном уровне, а также под эгидой Европейского космического агентства.

Однако необходимость создания региональной системы безопасности поставила перед Европейским Союзом новые задачи, в том числе, в сфере космических исследований.

Европейская космическая политика — это, прежде всего, создание европейской навигационной спутниковой системы глобального мониторинга Земли.

Европейская космическая политика получила новый импульс в результате вступления в силу Лиссабонского договора. Предпосылкой для ее дальнейшего развития являются следующие новеллы Лиссабонского договора:

Во-первых, Лиссабонский договор впервые зафиксировал принцип коллективной обороны государств — членов Европейского Союза, то есть обязанность государств-членов оказывать помощь тому из них, которое станет жертвой вооруженной агрессии (п. 7 ст. 42 Договора о Европейском Союзе в Лиссабонской редакции)¹. Помощь и содействие должны оказываться всеми возможными средствами, но при соблюдении Устава ООН, а также с учетом обязательств по Североатлантическому договору, который в ст. 5 предусматривает аналогичное обязательство в рамках НАТО.

Ссылка на НАТО была включена по настоянию наиболее «пронатовски» настроенных государств — членов ЕС. Однако ее наличие может осложнить принятие решений по коллективной обороне ЕС, т.к. в НАТО значительную роль играют неевропейские государства-члены (США, Канада).

Возможность поступательного развития в сфере обеспечения «постоянного организованного сотрудничества» по коллективной безопасности Европейского Союза (ст. 42 Договора о Европейском Союзе в Лиссабонской редакции) предполагает, в том числе, и дальнейшее развертывание разведывательной деятельности на уровне Европейского Союза, что требует дополнительного обеспечения аналитическими материалами, получаемыми в ходе анализа данных спутникового наблюдения².

---

¹ См.: Европейский Союз: основные акты в редакции Лиссабонского договора / отв. ред. С.Ю. Кашкин. — М., 2008.

² Там же.

Во-вторых, Лиссабонский договор впервые за весь период развития европейского интеграционного процесса уполномочивает государства-члены осуществлять «постоянное организованное сотрудничество в военной сфере» (п. 6 ст. 42, ст. 46 Договора о Европейском Союзе, новый Протокол «О постоянном организованном сотрудничестве»). Участвовать в постоянном организованном сотрудничестве вправе государства-члены, обладающие достаточным военным потенциалом и готовые сообща развивать его в рамках Европейского Союза.

Таким образом, готовность «сообща развивать военный потенциал в рамках Европейского Союза» подразумевает, что те сферы, которые ранее развивались на основе национальных программ, теперь будут приоритетными и на европейском уровне. В первую очередь, это относится к программам в космической сфере.

Также использование термина «постоянное организованное сотрудничество» говорит о том, что отныне Европейский Союз намерен перейти от практики получения разведывательных данных космического слежения от национальных структур космического наблюдения к практике получения данных также от аналогичных европейских структур.

Непосредственно о развитии деятельности Европейского Союза в космической сфере речь идет в ст. 189 Договора о функционировании Европейского Союза, где прямо указано, что «в целях содействия научно-техническому прогрессу, промышленной конкурентоспособности и осуществлению всех направлений своей политики Союз разрабатывает европейскую космическую политику».

Европейский парламент и Совет принимают решения в сфере космической политики, используя обычную законодательную процедуру.

В п. 2 ст. 189 Договора о функционировании Европейского Союза указывается, что меры Европейского парламента и Совета в космической сфере осуществляются в форме принятия европейской космической программы.

Однако, следует отметить, что развивая данную сферу сотрудничества, Союз исключает любую форму гармонизации национальных законодательств в космической сфере, а также регламен-

тацию положений государств-членов в данной сфере, на что особо указывается в п. 2 ст. 189 Договора о функционировании Европейского Союза¹.

Поэтому можно сделать вывод о том, что данное направление деятельности Европейского Союза будет осуществляться параллельно с национальными космическими политиками государств-членов, и любые проявления наднациональности в этой сфере сотрудничества исключаются.

Европейские космические программы, согласно Лиссабонскому договору, должны осуществляться под эгидой специализированных ведомств в сфере Европейской политики безопасности и обороны, а также в сфере осуществления разведывательной деятельности.

Для решения этих задач был создан Институт по исследованию безопасности Европейского Союза. Основными целями деятельности Института является проведение базовых исследований, анализ положения дел в конкретных областях, а также проведение специализированных семинаров по отдельным вопросам. Естественно, что в задачи Института входит также анализ разведывательной информации.

В число особых функций Института входит содействие активизации трансатлантического диалога.

Таким образом, особый акцент делается на сотрудничестве с Соединенными Штатами в создании новых космических программ. В этой связи необходимо упомянуть о том, что Европейский Союз и США совместно создают новый космический корабль для осуществления транспортных поставок на космические станции.

Важнейшим звеном в системе учреждений Европейского Союза, обеспечивающих функционирование Европейской политики безопасности и обороны, а также в сфере осуществления разведывательной деятельности является Европейское оборонное агентство.

Статус, местонахождение и функции этого ведомства закреплены в Решении Совета Европейского Союза № 2011/411/CFSP от 12 июля 2011 г.²

---

¹ См.: Европейский Союз: основные акты в редакции Лиссабонского договора / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. — М., 2008.

² URL: <http://eulaw.ru/politics/razvitie>.

Согласно указанному Решению, Европейское оборонное агентство создано для оказания содействия государствам-членам в осуществлении общеевропейской политики безопасности и обороны. Агентство подведомственно Совету ЕС. Данный акт исчерпывающе описывает полномочия Агентства, его функции, систему органов. В частности, возглавлять Агентство будет Верховный представитель по внешней политике и политике безопасности. В структуре также выделяется Руководящий Совет, который и будет осуществлять оперативное решение всех вопросов, входящих в компетенцию Агентства. В решении также расписываются права и обязанности персонала, порядок взаимодействия с Европейской Комиссией и финансовые вопросы.

В п. 3 ст. 189 Договора о функционировании Европейского Союза особо указывается на то, что Европейский Союз устанавливает любые полезные взаимосвязи с Европейским космическим агентством. На сегодняшний день основной целью такого взаимодействия является подготовка Европейской космической политики и Европейских космических программ на период до 2013 г.

Другим специализированным ведомством является Спутниковый центр Европейского Союза. Он обеспечивает предоставление аналитических материалов, полученных в ходе анализа данных спутникового и авиационного наблюдения. Анализ может проводиться как в интересах всего Европейского Союза, так и по запросу отдельного государства-члена. В функции Спутникового центра входит также общее наблюдение в целях поддержания безопасности, наблюдение за морским пространством, контроль над проведением ядерных испытаний.

Помимо Европейского Союза и его государств-членов Спутниковый центр Европейского Союза на определенных условиях вправе предоставлять свои разработки третьим странам, а также международным организациям, таким как ООН, ОБСЕ, НАТО.

Деятельность Спутникового центра стала предпосылкой для формирования европейской разведывательной политики, о чем свидетельствуют, ставшие регулярными в последние годы, совещания глав военных разведок государств-членов Европейского Союза. Кроме того, одним из структурных подразделений Военно-

го штаба Европейского Союза является Разведывательное отделение.

Формирование европейской разведывательной политики, в свою очередь, является предпосылкой для дальнейшего развития космических программ Европейского Союза.

Следует особо подчеркнуть, что Европейский Союз признает космическую деятельность инструментом для достижения своих целей не только в сфере обеспечения коллективной безопасности, но и в сфере достижения экономических целей.

Таким образом, цели, которые преследует Европейский Союз в своей космической политике, охватывают широкий спектр задач: от запуска космических аппаратов собственных систем выведения на орбиту (с различными целями) до изучения небесных тел Солнечной системы и процессов формирования Вселенной.

Необходимо заметить, что в космической сфере гармонизация невозможна. На это особо указывается в п.2 ст. 189 Договора о функционировании Европейского Союза, регулирующем деятельность Европейского Союза в области формирования его космической политики¹.

Свою деятельность в данной сфере Европейский Союз осуществляет в форме принятия всевозможных долгосрочных программ. Однако, подобно тому как Визовый кодекс Европейского Союза вводится регламентом, хотя регламентация в этой сфере в принципе невозможна, космические программы также вводятся в действие регламентами.

Это можно продемонстрировать Регламентом Европейского парламента и Совета № 911/2010 от 22.09.2010.² о европейской программе мониторинга планеты Земля (GMES) и начальной стадии ее деятельности (с 2011 г. по 2013 г.). Регламент создает европейскую программу наблюдения за планетой Земля и содержит в себе нормы, касающиеся введения в действие первой части этой программы в период с 2011 г. до 2013 г. Регламент поясняет, из

---

¹ См.: Европейский Союз: основные акты в редакции Лиссабонского договора / Отв. ред. С.Ю. Кашкин. — М., 2008.

² URL: <http://eulaw.ru/politics/razvitie>.

каких компонентов состоит программа, как должна быть организована и финансирувана ее деятельность.

Тем не менее, сотрудничество государств-членов Европейского Союза в космической сфере развивается в тесной связи с международными институтами, созданными для облегчения взаимодействия государств в данной сфере.

Так, космическая политика Европейского Союза осуществляется в тесном взаимодействии с Европейским космическим агентством.

Поэтому сотрудничество в сфере освоения космоса государств-членов Европейского Союза, хотя в этой сфере Союз и принимает акты вторичного права, является частью международно-правового сотрудничества государств Европы в сфере освоения космоса. Развитие такого сотрудничества осуществляется в тесной связи с международными институтами, созданными для реализации международно-правовых форм и методов взаимодействия государств в этой сравнительно новой сфере.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОСМИЧЕСКОМ ПРАВЕ

Елена Сергеевна Сергеева

студентка юридического факультета
Российский университет дружбы народов

Международная ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве в целом соотносится с принципами международной ответственности государств. Однако в некоторых случаях она резко отличается от общих норм о международной ответственности государств.

В этой связи в ст. VI Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1966 г.¹ (далее — Договор по космосу) предусматривается, что «государства — участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с положениями, содержащимися в Договоре».

Таким образом, в отличие от общего международного права, Договор по космосу возлагает международную ответственность на

---

¹ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1966 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml.

государства за национальную деятельность в космическом пространстве, осуществляемую не только правительственными органами, но и неправительственными юридическими лицами.

В свете вышесказанного остается вопрос о том, какие государства на самом деле несут международную ответственность за национальную деятельность.

Наиболее эффективная интерпретация национальной деятельности может быть сделана в свете взаимосвязи доктрины юрисдикции и международной ответственности.

В этом смысле на первый план выходит то, что государство может нести международную ответственность только за те виды деятельности, над которыми оно имеет возможность осуществлять правовое регулирование. Таким образом, национальной деятельностью по смыслу ст. VI Договора по космосу становятся те виды деятельности, над которыми государство имеет юрисдикцию, или, точнее, та деятельность, над которой оно имеет возможность осуществлять правовое регулирование. Возможность осуществлять правовое регулирование охватывается понятием юрисдикции.

Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.¹ сама по себе не относит к международной ответственности запускающего государства ответственность за ущерб, причиненный юридическими лицами. Однако, взаимосвязь между положениями Договора по космосу и Конвенции об ответственности приводит к выводу о том, что согласно Конвенции, государства несут ответственность за ущерб, причиненный космическими объектами своих неправительственных юридических лиц, поскольку Договор по космосу предусматривает международную ответственность государств за национальную деятельность в космическом пространстве, осуществляемую неправительственными юридическими лицами.

Тем не менее, можно констатировать, что этот вывод не может быть действительным в случае государств, являющихся участни-

---

¹ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1971 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml.

ками Конвенции об ответственности, но не являющиеся участниками Договора по космосу.

По сути, с самого начала космической эры космическая деятельность осуществляется в соответствии с международным правом. Кроме того, в ряде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН было подтверждена применимость норм обычного международного права к космическому праву, также и Договор по космосу ясно указывает на применимость международного права, которое снова включает обычное международное право, а также общие принципы права.

Данный вопрос возник в связи с озабоченностью стран, не являющихся участницами Договора по космосу.

Некоторые юристы-международники также пришли к выводу, что ущерб, причиненный неправительственными юридическими лицам, порождает международную ответственность государства по другим правовым основаниям. Например, профессор Бин Чэн считает¹, что «нормы об ответственности применимы как для запусков государств, так и для неправительственных юридических лиц, потому что всегда по крайней мере один из четырех критериев «запускающего государства» будет выполнен в случае запуска неправительственным юридическим лицом».

На наш взгляд это рассуждение ошибочно, во-первых, потому что оно игнорирует четкие положения Договора по космосу 1966 г. и нормы обычного международного права, и, во-вторых, потому что могут быть случаи, когда неправительственное юридическое лицо может начать запуск без активного участия любого государства, как в случае запуска с частного стартового комплекса, расположенного за пределами территории государства, где государство ни осуществляет, ни организует запуск космического объекта.

Конвенция об ответственности 1972 г. приписывает международную ответственность запускающему государству, которое оп-

---

¹ *Cheng Bin* Article VI of the 1967 Space Treaty Revisited: «International Responsibility», «National Activities», and «The Appropriate State» // *Journal of Space Law*. — 1998. — Vol. 26. — № 1. — P. 7–32. URL: <http://www.spacelaw.olemiss.edu/jsl/back-issues/jsl-26-1.html>.

ределяется как «государство, которое осуществляет или организует запуск космического объекта, или государство, с территории или установок которого осуществляется запуск космического объекта»¹.

Запуск космических объектов — это сложный процесс, в который может быть вовлечено множество государств. Определение концепции запускающего государства, которая отражает стандарты ст. VII Договора по космосу 1966 г. и определение, содержащееся в Конвенции о регистрации 1972 г., дают достаточные основания для определения государства, которое несет международную ответственность. Однако это определение вызвало некоторые проблемы в юридической литературе, особенно вокруг концепции организации запуска.

В связи с этим, например, Джулиан Хермида рассуждает², о том, какая степень активности делает государство организующим запуск. Также не ясно в Конвенции об ответственности 1972 г., подпадает ли государство под категорию организующего запуск, если его единственная связь с космической деятельностью это незначительный эксперимент на борту космического объекта, или если оно поставляет незначительный компонент ракеты-носителя, или если оно отправило технического наблюдателя. Этот вопрос остается в Конвенции об ответственности 1972 г. открытым. Такие действия, как предоставление незначительных компонентов для полезной нагрузки или запуск другого государства, и даже продажа спутника другому государству, не должны делать государство организующим запуск. Однако на практике возникают не такие однозначные ситуации. Таким образом, каждое решение относительно того, попадает ли государство в категорию организующего

---

¹ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. Принята резолюцией 2777 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1971 г. (ст. 3). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml.

² См.: *Hermida J. International space law // Legal Basis for a National Space Legislation.* — The Hague, London, and Boston: Kluwer Academic Publishers, 2004. URL: <http://www.julianhermida.com/algoma/intlawreadingsspacelaw.pdf>.

запуск, должно быть сделано на индивидуальной основе с учетом параметров, содержащихся в определении запускающего государства.

Другой недостаток относительно делимитации концепции запускающего государства, вытекающий из текста Конвенции об ответственности 1972 г., содержится в ст. V, которая приписывает солидарную ответственность за любой ущерб, нанесенный двумя или более государствами, когда они совместно производят запуск космического объекта. Статья V не включает государство, организующее запуск, в список тех, которые могут нести солидарную ответственность. Целью наделения нескольких запускающих государств солидарной ответственностью стали широкие возможности для получения компенсации пострадавшей стороной.

Поэтому буквальное прочтение ст. V в качестве исключения организующего запуск государства из тех государств, которые должны нести солидарную ответственность за ущерб, будет противоречить цели Конвенции.

Другие категории запускающих государств, т.е. государство, которое осуществляет, и государство, с территории или объектов которого осуществляется запуск космического объекта, более просты и предоставляют меньше возможностей для двойного прочтения.

Тем не менее, некоторые разногласия возникли в отношении запусков с моря, как в случае компании «Морской старт»¹.

Есть и другие трудности, которые могут привести к возникновению ситуаций, которые не были предусмотрены в определении запускающего государства. Например, проблема может возникнуть при продаже спутника, находящегося на орбите. В случае продажи спутника субъекту с отличной национальностью от национальности запускающего государства, это новое государство не может быть привлечено к ответственности в соответствии с Договором по космосу 1966 г. и Конвенцией об ответственности 1972 г., но это возможно по обычному международному праву. Новое

---

¹ Морской старт (англ. sea launch) — плавучий космодром для запуска ракет «Зенит» и одноименный международный консорциум по эксплуатации космодрома «Морской старт».

государство будет нести международную ответственность, так как использование спутника на орбите будет квалифицироваться как национальная деятельность нового государства, и оно будет иметь возможность осуществлять правовое регулирование, то есть, использование спутника на орбите будет под национальной юрисдикцией государства, что, несомненно, влечет за собой его ответственность по Договору по космосу 1966 г.

Государства, чьи субъекты продают спутник, будет оставаться запускающим по Конвенции об ответственности 1972 г., поскольку Конвенция не предусматривает возможность отмены ответственности ни при каких обстоятельствах. Тем не менее, новое государство может заключить соглашение с государством, продавшим спутник, если новое государство возьмет на себя всю ответственность, которая может возникнуть в результате причинения ущерба, вызванного спутником после его продажи и последующего перехода права собственности, и согласно компенсировать ущерб.

Конвенция об ответственности 1972 г. позволят сделать подобное, поскольку в ст. V допускается возможность заключения соглашения по распределению финансовых обязательств между государствами. Это, однако, не будет иметь эффекта по отношению к жертве, чье государство всегда может требовать всей компенсации от любого из запускающих государств, включая государства продавца спутника.

Конвенция об ответственности 1972 г. приняла стандарт абсолютной ответственности, т.е. объективной ответственности, когда потерпевший не должен доказывать вину ответчика при отсутствии денежных ограничений за ущерб, причиненный космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете. Это соответствует стандарту абсолютной ответственности, содержащемуся в четырех международных конвенциях об ответственности за ядерные инциденты.

Кроме того институт ответственности в международном космическом праве предполагает ответственность за ущерб, который причинен в другом месте, чем на поверхности Земли: космическим объектом запускающего государства и лицам или имуществу на борту такого космического объекта. Конвенция об ответственности

сти 1972 г. приняла субъективный стандарт, при котором свидетельство небрежности не требуется¹. Как и в случае объективной ответственности, ст. III не содержит денежных ограничений.

В основе Конвенции об ответственности 1972 г. лежит стандарт полной компенсации, наложенный на запускающее государство, которое обязано восстановить состояние, которое существовало бы, если бы ущерб не был причинен. Этот принцип, известный как полная компенсация или *or restitutio in integrum*, был заимствован из решения Постоянной палаты международного правосудия по делу «О заводе в Хожуве», где суд постановил: «Возмещение должно, насколько это возможно, ликвидировать все последствия противоправного деяния и восстановить ситуацию, которая, по всей вероятности, существовало бы, если это деяние не было совершено»².

В этом отношении представляется возможным привести следующий пример. Соглашение между правительством Канады, правительствами государств — членов Европейского космического агентства, правительством Японии, правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения 1998 г.³ предусматривает особый режим для распределения ответственности, которая включает в себя обязательства, вытекающие из Конвенции 1972 г. Цель заключается в создании взаимного отказа от требований об ответственности на государства-партнеры и связанных с ним лиц с целью

---

¹ Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1971 г. (ст. III). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml.

² Case Concerning the Factory at Chorzów (Claim for Indemnity) (Jurisdiction). URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/decisions/1927.07.26_chorzow.htm.

³ Соглашение между правительством Канады, правительствами государств-членов Европейского космического агентства, правительством Японии, правительством Российской Федерации и правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения (Вашингтон, 29 января 1998 г.). URL: <http://www.roscosmos.ru/main.php?id=280&did=1127>.

поощрения участия в освоении, эксплуатации и использования космического пространства через космической станции.

Добровольный отказ от ответственности возник в связи с заключенными НАСА договорами, которые впоследствии были восприняты всеми основными запускающими субъектами по всему миру. Каждая из сторон обязуется нести ответственность за любой ущерб, который она претерпит в результате повреждения собственного имущества и сотрудников, будь то ущерб, причиненный перевозчику, заказчику или другим клиентам, и отказывается от всех претензий в отношении других сторон. Как правило, это дополняется обязательством, налагаемым на все стороны, включать в себя аналогичные отказы от ответственности в своих соглашениях с другими соответствующими организациями, так что каждый будет исполнять свои риски и не будет подавать в суд на других участников.

Как вытекает из вышеизложенного, эти отказы от ответственности состоят из общего предположения о рисках каждой из сторон, предположения о последствиях этих рисков, последующего отказа от права предъявить иск в ответственности, и компенсации в случае исков, поданных несмотря на отказ.

Цель обратного отказа от ответственности двоякая: во-первых, ограничить претензии, которые могут возникнуть в результате запуска, а во-вторых, свести к минимуму необходимость в получении страховой защиты от претензий, которые в противном случае могут возникнуть из-за запуска.

Было высказано предположение, что режим распределения рисков созданных в соответствии с Межправительственным соглашением по Международной космической станции 1998 г. является исключением из режима ответственности, освещенным Конвенцией об ответственности 1972 г.

Как вытекает из вышеизложенного, Конвенция об ответственности 1972 г. допускает возможность договоренностей между государствами по распределению рисков, вытекающих из совместного запуска. Эти соглашения, однако, не могут помешать пострадавшему государству, не являющемуся участником, требовать всей компенсации за ущерб от любого или всех запускающих государств.

Таким образом, Межправительственное соглашение по Международной космической станции 1998 г. квалифицируется как договор между государствами по распространению своих финансовых обязательств в соответствии со ст. V Конвенции об ответственности 1972 г. Эти соглашения имеют силу только между этими государствами.

Кроме того, ст. XXIII Конвенции об ответственности 1972 г. подтверждает этот вывод, так как предписывается, что положения Конвенции не касаются других действующих международных соглашений об отношениях между государствами-участниками соглашений, а также положения Конвенции не препятствует заключению государствами международных соглашений, подтверждающих, дополняющих или расширяющих ее положения.

Конвенция об ответственности 1972 г. не распространяется на граждан запускающего государства и иностранных граждан, принимавших участие в работе этого космического объекта. Первое исключение — применение основных принципов международного права, которое воздерживается от рассмотрения отношений между государством и его гражданами, и является применением принципа *volenti non fit jura*. Второе исключение было разработано, чтобы освободить запускающее государство от ответственности за иностранных наблюдателей, которые приняли приглашение принять участие или наблюдать запуски или возвращение, так как эти лица могут быть рассмотрены как принявшие любой совокупный риск. Однако это не означает, что запускающее государство может не выплачивать компенсацию: она может быть выплачена, например, в соответствии со ст. VII Договора по космосу 1966 г.

THE ISSUE OF THE ENVIRONMENTAL DAMAGE CAUSED BY THE SPACE ACTIVITIES

Aleksandra Koneva

PhD student of the Department of International Law
Peoples' Friendship University of Russia

aleksandra.koneva@gmail.com

In regulating the environmental aspects of space law a global approach is essential. There is already a general rule in international customary law entailing that states are obliged to abstain from causing serious or appreciable damage to the environment outside their national jurisdiction. Concerning space law this position is reflected in Article IX of the Outer Space Treaty¹ — States Parties to the Treaty shall pursue studies of outer space, including the Moon and other celestial bodies, and conduct exploration of them so as to avoid their harmful contamination and also adverse changes in the environment of the Earth resulting from the introduction of extraterrestrial matter and, where necessary, shall adopt appropriate measures for this purpose.

Meanwhile Article I of the Liability Convention² includes in the definition of the term «damage» loss of life, personal injury or other impairment of health; or loss of or damage to property of States or of persons, natural or juridical, or property of international intergovernmental organizations.

---

¹ Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, including the Moon and other Celestial Bodies, (1976) 610 U.N.T.S. 205; see: *Diederiks-Verschuur I.H.Ph.* An Introduction to Space Law, 2nd ed. (1999), 135.

² Convention on International Liability Caused by Space Objects, (1972) 961 U.N.T.S. 2389.

Well-established customary international law on transboundary environmental damage does exist. For example Principle 21 of the Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment declares that «states have, in accordance with the Charter of the United Nations and the principles of international law, the sovereign right to exploit their own resources pursuant to their own environmental policies, and have the responsibility to ensure that activities within their jurisdiction or control do not cause damage to the environment of other States or of areas beyond the limits of national jurisdiction»¹.

Although the Declaration as such is not legally binding, this principle is recognized as customary international law, which is a legally binding obligation². States should «avoid engaging in the harm-producing activity or weigh the benefits against the potential environmental damage and take appropriate steps to mitigate the anticipated environmental harm»³.

According to Principle 2 of the General Assembly Resolution 61/36 «Principles on the allocation of loss in the case of transboundary harm arising out of hazardous activities»⁴ «damage» means significant damage caused to persons, property or the environment; and includes: (i) loss of life or personal injury; (ii) loss of, or damage to, property, including property which forms part of the cultural heritage; (iii) loss or damage by impairment of the environment; (iv) the costs of reasonable measures of reinstatement of the property, or environment, including natural resources; (v) the costs of reasonable response measures». And

---

¹ Declaration of the United Nations Conference on the Human Environment. Report of the United Nations Conference on the Human Environment (New York: UN, 1973), UN Doc. A/Conf.48/14/Rev. 1.

² Alexandre Kiss & Dinah Shelton, *International Environmental Law*, 3d ed. Ardsley, NY: Transnational Publishers, (2004), 85; *Restatement of the Law (Third), The Foreign Relations Law of the United States* (St. Paul, MN: American Law Institute Publishers, 1987), § 601(1).

³ Mirmina Steven A. & David J. Den Herder, Nuclear Power Sources and Future Space Exploration, *The Chinese Journal of International Law*, Vol. 6 No. 3 (2005), 164.

⁴ Principles on the allocation of loss in the case of transboundary harm arising out of hazardous activities, UN GA Res./61/36 (2006), [hereinafter Resolution 61/36].

«environment» includes natural resources, both abiotic and biotic, such as air, water, soil, fauna and flora and the interaction between the same factors, and the characteristic aspects of the landscape.

Though the Principles of the Resolution 61/36 constitute a coherent set of standards of conduct and practice, they make a great contribution to the development of the law of state responsibility¹.

Moreover, according to the draft approved by the International Law Association in the Buenos Aires International Instrument on the Protection of the Environment from Damage Caused by Space Debris in 1994 the term «damage» also includes «the hostile changes in the environment within the territory under the jurisdiction of any state or any other place not under the jurisdiction of any state»².

Article VII of the Outer Space Treaty states that «each State Party to the Treaty that launches or procures the launching of an object into outer space, including the Moon and other celestial bodies, and each State Party from whose territory or facility an object is launched, is internationally liable for damage to another State Party to the Treaty or to its natural or juridical persons by such object or its component parts on the Earth, in air space or in outer space, including the Moon and other celestial bodies.

This rule is enshrined in Art. II of the Liability Convention — «a launching State shall be absolutely liable to pay compensation for damage caused by its space object on the surface of the earth or to aircraft in flight».

Following the content of these very documents it seems obvious that the environmental damage may fall under the scope of the Liability Convention, and States therefore bear international responsibility for the damage caused to the environment by their space objects.

---

¹ Draft principles on the allocation of loss in the case of transboundary harm arising out of hazardous activities, with commentaries, International Law Commission, Yearbook of the International Law Commission, 2006, vol. II, 114.

² Karl Heinz Bockstiegel, Buenos Aires International Instrument on the Protection of the Environment from Damage Caused by Space Debris Introduction//Proceedings of the Workshop on Space Law in the Twenty-first Century (2000), 209.

The claim based on the Liability Convention was raised once in 1978 by Canada to USSR, when soviet satellite «Cosmos-954» with nuclear power source on board collapsed at the territory of Canada, causing damage to its ecology. The Canada was insisting on the application of the Art. II of the Liability Convention for the foregoing argument — «the Union of Soviet Socialist Republics, as the launching State of the Cosmos 954 satellite, has an absolute liability to pay compensation to Canada for the damage caused by this satellite. The deposit of hazardous radioactive debris from the satellite throughout a large area of Canadian territory, and the presence of that debris in the environment rendering part of Canada's territory unfit for use, constituted «damage to property» within the meaning of the Convention.»¹ The Government of the USSR was obliged to pay the compensation to the Government of Canada according to the Protocol between the Government of Canada and the Government of the Union of Soviet Socialist Republics.

Meanwhile, the USSR based its argument on the fact that there was no material damage strictly according to the Liability Convention. And this approach also needs to be taken into consideration since the relevant provision of the Art. II of the Liability Convention does not contain any reference to the damage caused to the environment. Nevertheless, in this case the question of the environmental damage caused by space activities of space was not decided and merely avoided by the both sides.

Therefore, on the basis of this research two approaches one may ascertain two approaches towards this very issue. Both deserve to be developed on the doctrinal level. Moreover, it seems appropriate for the international community to make an attempt towards the clarification of the provision of the Art. II of the Liability Convention in order to prevent any uncertainties when resolving the disputes concerning the damage caused to the environment as a result of the space activities of states.

---

¹ Settlement of Claim between Canada and the Union of Soviet Socialist Republics for Damage Caused by «Cosmos 954», 20 I.L.M. 689 (1981).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО О БОРЬБЕ С КОСМИЧЕСКИМ МУСОРОМ

Алесь Юрьевич Ключня

аспирант кафедры международного права
Российский университет дружбы народов

Проблема предотвращения засорения космического пространства и проведения потенциально опасных экспериментов в космосе находятся под пристальным вниманием ООН с 1964 г., когда Научно-технический подкомитет Комитета ООН по космосу отметил необходимость предотвращения техногенного засорения космического пространства. С тех пор к правовым аспектам проблемы космического мусора было привлечено внимание Комитета по исследованию космического пространства (КОСПАР), Международной астронавтической академии (МАА), Международной астронавтической федерации (МАФ) и Международного института космического права (МИКП), Ассоциации международного права и других международных и национальных форумов.

Необходимо отметить, что проблема засорения околоземного космического пространства техногенными космическими аппаратами появилась с момента запуска первых искусственных спутников Земли. Официальный статус на международном уровне проблема приобрела с опубликованием доклада Генерального Секретаря ООН Генеральной Ассамблее под названием «Воздействие космической деятельности на окружающую среду»¹.

Существующие международные договоры по космосу, заключённые в рамках ООН, равно как и другие международные соглашения обязательного характера в области использования космиче-

---

¹ Док. ООН A/AC.105/C.1/L.217.

ской среды, не содержат определения термина «космический мусор» и не указывают на какие-либо конкретные правила, которые бы применялись ко всей совокупности неиспользуемых космических объектов, оказывающих вредное воздействие на космическую среду и создающие угрозу использованию космического пространства. Однако попытки дать определение понятию «космический мусор» нашли своё отражение в доктрине международного права. Так, в юридической литературе встречается следующее определение: «космический мусор — это вид объектов, который включает в себя любые искусственные объекты на орбите вокруг Земли, которые являются нефункциональными и в отношении которых нельзя ожидать начала или возобновление их предполагаемого функционирования или функционирования, которое санкционировано или в дальнейшем будет санкционировано, включая фрагменты и их части; орбитальный мусор включает недействующие космические аппараты, использованные части ракет, материал образований в результате запланированных космических операций, фрагменты, образованные спутниками и верхними ступенями в результате взрыва или столкновения»¹. Аналогичное определение использовалось при подготовке технического доклада Научно-технического подкомитета Комитета ООН по космосу.

Проект международного документа по защите окружающей среды от ущерба, вызванного космическим мусором, который был одобрен на 66-й конференции Ассоциации международного права в Буэнос-Айресе в августе 1994 г., включает в себя следующее определение: «космический мусор — это искусственные объекты в космическом пространстве, отличные от активных или другим способом полезных спутников, если не ожидается какого-либо разумного изменения в этих условиях в предвидимом будущем»². В проекте специально отмечается, что сфера его действия распространяется на «космический мусор, который вызывает или может

---

¹ См.: *Яковенко А.В.* Прогрессивное развитие международного космического права. Актуальные проблемы. — М., 1999. — С. 134.

² International Law Association (ILA). Draft International Instrument on the Protection of the Environment from Damage Caused by Space Debris. ILA Conference, Buenos Aires, 1994.

вызвать прямой или косвенный, немедленный или длящийся во времени ущерб окружающей среде, лицам и объектам»¹.

Основной принцип, регулирующий охрану космического пространства от загрязнения сформулирован в ст. I Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г.: любая деятельность в космическом пространстве осуществляется «на благо и в интересах всех государств». Косвенная обязанность охраны космоса от загрязнения вытекает из обязательства каждого государства считаться с деятельностью других государств. Общий принцип ст. I Договора по космосу раскрывается в ст. IX, в соответствии с которой Луна и другие небесные тела (а также соответствующие виды деятельности) должны защищаться от загрязнения. Расширительное толкование ст. IX дает основание полагать о необходимости избегать любых изменений космического пространства.² Однако необходимо учесть и тот факт, что в статье Договора речь идёт лишь о вредном загрязнении.

Конвенция о международной ответственности за ущерб, причинённый космическими объектами 1979 г. устанавливает абсолютную ответственность запускающего космический объект государства за ущерб, причинённый на поверхности Земли или другим космическим объектам в космосе. Но даже если следовать преобладающему среди юристов-международников мнению о том, что действие Конвенции 1979 г. распространяется на космический мусор, проблему защиты решить невозможно, так как в случае космических столкновений необходимо в соответствии со ст. III установить вину запускающего государства в том, что нефункционирующий космический объект оставлен на орбите. Доказать, какому государству принадлежит тот или иной отслуживший свой срок эксплуатации спутник или его часть, оставленные на орбите и послужившие причиной столкновения, представляется крайне слож-

---

¹ International Law Association (ILA). Draft International Instrument on the Protection of the Environment from Damage Caused by Space Debris. ILA Conference, Buenos Aires, 1994.

² Wolfgang Graf Witzthum. Volkerrecht. Serie: Deutsche Rechtsliteratur: aktuelle Beitrage Band 2. — Berlin, 2007. — P. 620.

ным. Кроме того, термин «вина» не был определен в Конвенции. Следовательно возникает вопрос относительно того, можно ли считать в таком случае «намерение» или «халатность» основой вины? Можно ли в таком случае применить «объективный» подход, обсуждавшийся в рамках Комиссии международного права ООН при разработке проекта статей «Ответственность государств за международные противоправные деяния»? Единое мнение на этот счет у юристов-международников сегодня отсутствует.

Более того, ст. I Договора по космосу 1967г. зафиксировала положение о том, что космический объект включает в себя составные части космического объекта, а также средства его доставки или его части. Путем расширительного толкования этого положения можно придти к выводу о том, что космический мусор, который имеет своим происхождением космические объекты, средства их доставки или их составные части, должен покрываться этим определением. Однако, здесь возникает вопрос о том, можно ли квалифицировать в качестве составных частей космических объектов или их частей и средств их доставки малейшие фрагменты спутника или даже частицы краски, отслаивающиеся от таких объектов?

В целях борьбы с загрязнением космического пространства определенный интерес представляет так же п. 3 ст. V Договора по космосу, в соответствии с которым государства — участники Договора незамедлительно информируют другие государства — участники Договора или Генерального секретаря ООН об установленных ими явлениях в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, которые могли бы представить опасность для жизни или здоровья космонавтов.

По мнению ряда ученых, государства обязаны проявлять «должную осмотрительность» (*due diligence*) в целях предотвращения и пресечения вредного воздействия на космическую среду¹. Так, действие ст. III и VI Договора по космосу содержат принципы, примененные в решениях по делам «о проливе Корфу» и

---

¹ См.: *Bin Cheng Studies in International Space Law*. — Oxford Univ. Press, 1997. — P. 604.

«Трейл Смелтер»¹, что подчеркивает необходимость государств проявлять «должную осмотрительность» при использовании космического пространства². Как в решении по делу «о проливе Корфу», так и в решении по делу «Трейл Смелтер» суд указал на необходимость возмещения причинённого вреда национальной территории государства либо принадлежащего ему имущества, что аналогично повреждению запущенного государством и функционирующего в космическом пространстве спутника орбитальным мусором.

Орбитальный мусор угрожает не только запущенным в космос спутникам, но и служит препятствием для запуска новых космических объектов вследствие того, что определённые области космического пространства могут оказаться недоступными, а космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению, ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами.

В соответствии с принципом 21 Стокгольмской Декларации об окружающей человека среде 1972 г. государства несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в рамках их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции³. По мнению отдельных ученых, не смотря на то, что Декларация, как таковая, не является юридически обязательным документом, этот принцип признан в качестве нормы обычного международного права, которая является юридическим обязатель-

---

¹ Подробное описание дела см.: *Солнцев А.М.* Практикум по международному экологическому праву: Учеб. пособие. — М.: РУДН, 2011. — С. 88–102.

² См.: *Kiss A., Shelton D.* International Environmental Law. 3rd ed. — Ardsley, NY: Transnational Publishers, 2004. — P. 85.

³ См.: *Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Сотников Ф.И.* Международное экологическое право: Сб. документов. Вып. I. Основные документы ООН. — М.: РУДН, 2007. — С. 24.

ством и, соответственно, может быть применен в целях охраны космического пространства от вредного загрязнения¹.

Определённую роль в разработке международно-правовых норм, регулирующих охрану космического пространства, мог бы сыграть принцип предосторожности. Сегодня не существует универсально согласованного понимания данного принципа, однако Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. содержит общепринятое описание: «в целях защиты окружающей среды государства в соответствии со своими возможностями широко применяют принцип принятия мер предосторожности. В тех случаях, когда существует угроза серьезного или необратимого ущерба, отсутствие полной научной уверенности не используется в качестве причины для отсрочки принятия экономически эффективных мер по предупреждению ухудшения состояния окружающей среды». Принцип предосторожности, по мнению ряда ученых, отражает обычное международное право и может быть применён к правовому регулированию деятельности в космическом пространстве². В отсутствие научной определенности, принцип по существу требует от государств избегать причиняющей экологический ущерб производственной деятельности или взвешивать выгоды от потенциального ущерба окружающей среде и принимать меры по смягчению ожидаемого вреда окружающей среде³.

По определенным оценкам в районе низких околоземных орбит вплоть до высот около 2000 км находится от 5000 т и выше техногенных объектов (700 тыс. фрагментов). Общее число объектов подобного рода (более 1 см) достаточно неопределенно и может достигать сотни тысяч. Из них только порядка 10% (около 9 тыс. объектов) обнаруживаются и каталогизируются наземными

---

¹ См.: *Michael W.T. Orbital Debris: Technical and Legal Issues and Solutions* Institute of Air and Space Law. — Faculty of Law, McGill University, Montreal August, 2006. — P. 3.

² Там же.

³ См.: *Mirmina S.A. The Ballistic Missile Defense System and its Effects on the Outer Space Environment* // *Journal of Space Law*. — 2005. — Vol. 31. — P. 287–314.

радиолокационными и оптическими средствами и только около 6% отслеживаемых объектов — действующие. Около 22% объектов прекратили функционирование, 17% представляют собой отработанные верхние ступени и разгонные блоки ракет-носителей, и около 55% — отходы, технологические элементы, сопутствующие запускам, и обломки взрывов и фрагментации¹. В космосе не существует экосистем, но и эта категория пространства нуждается в международно-правовой защите.

---

¹ См.: *Константиновская Л.В.* Экология космического пространства.
URL: <http://www.astronom2000.info/different/zk>.

ПОСТОЯННАЯ ПАЛАТА ТРЕТЕЙСКОГО СУДА КАК СРЕДСТВО УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Александр Михайлович Солнцев

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой международного права
Российский университет дружбы народов
a.solntsev@gmail.ru

Административный совет Постоянной палаты третейского суда (ППТС) 6 декабря 2011 г. принял Факультативные правила арбитражного урегулирования споров, связанных с космической деятельностью¹ (далее — Факультативные правила). Работа над данным проектом началась по указанию Генерального секретаря ППТС г-на Кристиана М.Й. Кренера еще в 2009 г. в связи с выявленной необходимостью разработки специальных механизмов мирного урегулирования споров в стремительно развивающейся сфере космической деятельности. Текст был подготовлен Международным бюро Палаты совместно с Консультативной группой в составе ведущих экспертов по воздушному и космическому праву: Фаусто Покара (председатель), Таре Брисибе, Франс фон дер Дунк, Иоанна Габринович, Стефан Хобе, Рам Джакху, Армель Керрест, Дастин Лимпитло, Фрэнсис Лиал, В.С. Мани, Жозе Монсеррат Филью, Морин Уильямс и Хайфэн Чжао. Более половины из этих членов Консультативной группы также являются членами

---

¹ Permanent Court of Arbitration Optional Rules for Arbitration of Disputes Relating to Outer Space Activities 2011. URL: http://www.pca-cpa.org/showpage.asp?pag_id=1188.

Комитета по космическому праву Всемирной Ассоциации международного права (АМП)¹.

Факультативные правила были приняты в целях решения фундаментальных пробелов в существующих механизмах разрешения споров в международном космическом праве, а также, чтобы служить средством добровольного и обязательного разрешения споров для всех участвующих в космической деятельности с учетом уникальности этой сферы экономической деятельности. Спустя лишь несколько месяцев с момента их завершения, они уже привлекли внимание практикующих юристов представляющих участников космической деятельности².

Работа над этим проектом велась непрерывно два года (2010–2011 г.г.). Первое совещание Консультативной группы было созвано в мае 2011 г. во Дворце мира в Гааге (здание, где заседает ППТС и Международный Суд ООН), с тем чтобы обсудить и оценить проделанную на тот момент работу по разработке проекта правил. В их основу были положены разработанные ППТС Факультативные правила арбитражного урегулирования споров в сфере природных ресурсов и охраны окружающей среды 2001 г.³ и Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (в ред. 2010 г.)⁴, однако в ряде случаев от их положений был сделан отход в целях конкретизации проекта правил, учета новой международной обстановки и особенностей космического права. На втором заключительном со-

---

¹ ILA Space Law Committee. URL: <http://www.ila-hq.org/en/committees/index.cfm/cid/29>.

² См. например: *Listner Michael*. A new paradigm for arbitrating disputes in outer space. URL: <http://thespacereview.com/article/2002/1>.

³ Permanent Court of Arbitration Optional Rules for Arbitration of Disputes Relating to Natural Resources and the Environment 2001. URL: http://www.pca-cpa.org/showpage.asp?pag_id=1188. Подробнее см.: *Солнцев А.М.* Экологическое измерение деятельности Постоянной палаты третейского суда (к 100-летию Второй Гаагской конференции мира (15 июня — 18 октября 1907 г.) // Российский ежегодник международного права, 2007. — СПб., 2008. — С. 87–93.

⁴ UNCITRAL Arbitration Rule (as revised in 2010). URL: <http://www.uncitral.org/pdf/english/texts/arbitration/arb-rules-revised/arb-rules-revised-2010-e.pdf>.

вещании Консультативной группы 184-й Административный совет ППТС принял Факультативные правила арбитражного урегулирования споров, связанных с космической деятельностью, которые вступили в силу 6 декабря 2011 г.

Факультативные правила отличаются гибкостью в отношении применимого права и разработаны так, чтобы реалистично уравновешивать различные элементы и затрагиваемые интересы. Необходимость в этих правилах и цели их подготовки были очевидны уже на начальном этапе. Правила разработаны тщательным образом, чтобы не допустить срыва арбитражных процедур вследствие заявлений об иммунитете государств. По большому счету именно эту цель в первую очередь преследовала Консультативная группа ППТС. Правила носят процессуальный характер и не применяются к спорам между суверенными государствами. Необходимо особо отметить этот аспект и не забывать о том, что правила предназначены для специального арбитража. Такой подход упрощает процедуры урегулирования споров и минимизирует риск представления на определенном этапе заявлений о суверенном иммунитете, которые могли бы нарушить нормальный ход процесса урегулирования споров¹.

При разработке правил за основу был взят Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ (в ред. 2010 г.), который был незначительно скорректирован Консультативной группой для достижения следующих целей: а) учет конкретных особенностей споров, касающихся космического пространства, в частности использования космического пространства государствами, международными организациями и частными структурами; б) учет положений международного права, касающихся споров, которые могут затрагивать государства и использование космического пространства, и международной практики урегулирования таких споров; в) определение роли Генерального секретаря и Международного бюро ППТС в Гааге; г) предоставление сторонам свободы выбора третейского суда в составе одного, трех или пяти человек; д) обеспечение воз-

---

¹ См.: *Pocar Fausto*. An introduction to the PCA's optional rules for arbitration of disputes relating to outer space activities // *Journal of Space Law*. — 2012. — Vol. 38. — P. 172.

возможности составления специального списка арбитров, о котором упоминается в ст. 10, и списка научных и технических экспертов, о которых говорится в ст. 29 правил; е) предложение возможных вариантов разработки процедур обеспечения конфиденциальности.

Приведенные в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. примеры мирного урегулирования споров, исходя из которых действие конвенций распространялось на частные стороны, говорят о том, что уже в то время задумывались о таком применении этих документов. Подход, использованный ППТС при разработке правил, напоминает подход, применявшийся АМП как при подготовке ее первого Проекта Конвенции об урегулировании споров, связанных с космической деятельностью, принятой на 61-й Конференции АМП в Париже в 1984 г., так и окончательного текста пересмотренной Конвенции об урегулировании споров, связанных с космической деятельностью¹, принятой на ее 68-й Конференции в 1998 г. В ст. 10 (b) обеих конвенций АМП совершенно определенно предусматривается, что возможность обращаться к процедурам урегулирования споров, предусмотренным этими документами, должна предоставляться учреждениям, не являющимся государствами или международными межправительственными организациями, если только дело не подается в Международный Суд ООН в соответствии со ст. 6 Конвенций (выбор процедуры). Эти положения следует рассматривать вместе с положениями ст. VI Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, касающимися международной ответственности государств за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, которые влекут за собой обязатель-

---

¹ Пересмотр текста Конвенции АМП 1984 г. был обусловлен значительным расширением масштабов коммерческого использования космического пространства в предшествующие годы и появлением очевидной необходимости создания отражающей действительность нормативной основы для урегулирования споров, возникающих в связи с деятельностью в этой области. См.: «Dispute settlement related to space activities: revised draft convention-final text», Space Law Committee, в *Report of the Sixty-Eighth Conference, Taipei* (International Law Association, 1998). — P. 239–277.

ство выдавать разрешения на деятельность неправительственных учреждений в этих областях и контролировать эту деятельность.

Высказанные членами ППТС замечания были полезными по сути и по форме и заслуживали того пристального внимания, с которым их рассмотрела Консультативная группа и ее руководитель. Как уже неоднократно показывал опыт, зачастую гибкость и общие принципы оказываются более устойчивыми и жизнеспособными, чем подробные положения. Именно этими соображениями обусловлено намерение Консультативной группы подготовить сначала в меньшей степени обязывающие положения, а затем на более позднем этапе путем разработки международных стандартов или руководящих принципов постепенно конкретизировать значение положений установленных ППТС правил, касающихся вопросов космического пространства.

Разработанные ППТС правила, касающиеся связанных с космическим пространством вопросов, являются интересным примером прогрессивного развития международного права и сформулированы более четко, чем Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ. Так, исключение из ст. 16 этих разработанных Палатой правил фразы «намеренные противоправные действия», которые использованы в Арбитражном регламенте ЮНСИТРАЛ, является реальным шагом вперед. Включение этого понятия, вероятно, повлекло бы за собой ряд обвинений по поводу того, что противоправное действие было совершено «намеренно», что могло бы создать условия для выдвижения множества обвинений такого рода. Консультативная группа сочла, что в любой такой формулировке нет необходимости и что она могла бы привести к нежелательным осложнениям, препятствующим нормальному ходу в иных отношениях весьма оперативной процедуры урегулирования споров. Наконец, важно отметить, что Правила ППТС не только не будут ослаблять действие положений об урегулировании споров, содержащихся в пяти договорах ООН по космическому пространству, но и наполнят их практическим содержанием.

В заключение стоит отметить, что Подкомитет по юридическим вопросам Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях на своей 55-й сессии (Вена, 6–15

июня 2012 г.) с удовлетворением отметил представленные Факультативные правила арбитражного урегулирования споров, связанных с космической деятельностью, а также предложил ППТС представлять Подкомитету на его будущих сессиях информацию о Факультативных правилах¹.

По мере того как технологии делают космос более доступным для юридических и физических лиц, должен изменяться и международно-правовой режим использования космического пространства. Безусловно, активизация новых акторов международного космического права повлечет появление большого количества международных споров. ППТС существует уже более 110 лет и является всемирно-признанным форумом для разрешения международных споров. Также внушает доверие тот факт, что список экспертов в области международного космического права, будет вести Генеральный секретарь ППТС.

---

¹ Док. ООН А/АС.105/1003, п. 62.

РЕГУЛИРОВАНИЕ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКРАИНЕ

Д.А. Гугунский

соискатель кафедры международного права
Российский университет дружбы народов

Украина является государством, унаследовавшим после распада Советского Союза около трети космического потенциала. В период независимости, украинские ракеты-носители были использованы для выполнения в общей сложности более 120 запусков, и для доставки на космическую орбиту более чем 200 спутников в рамках контрактов с десятью странами.

Изготовленное Украиной оборудование используется для стыковки всех космических кораблей к Международной космической станции. Украина имеет целый ряд космических исследовательских институтов, конструкторских бюро и предприятий. Исследование и использование космического пространства является одним из приоритетов национального экономического и социального развития.

Космическая деятельность, как на национальном, так и международном уровне, требует адекватного правового регулирования. Активные процессы по разработке и принятии соответствующего законодательства, которые были начаты в Украине в начале 90-х гг. XX в., продолжают до сих пор и являются следствием этих процессов.

Девять законов, 16 указов Президента, 68 резолюций и предписания кабинета министров Украины были приняты с 1990 г. Кроме того, был разработан ряд государственных стандартов, нормативных положений и правил космической деятельности. Десятью семь международных соглашений, касающихся этой сфе-

ры были заключены с 19 странами. Эти документы представляют собой основу национального космического права Украины.

Следует отметить, что согласно ст. 62 (5) Конституции Украины (1996), основы космической деятельности должны исключительно определяться законами Украины. Закон «О космической деятельности», который был принят Верховной Радой Украины, является ключевым компонентом этой системы. В этом законе заложены основы для регулирования космической деятельности и определены основные принципы дальнейшего развития космического законодательства.

Принципы, применимые к космической деятельности в Украине, зафиксированы в ст. 4 Закона Украины «О Космической деятельности».

Меры государственной поддержки коммерциализации космической деятельности и привлечения инвестиций в космическую отрасль Украины, предусмотрены, в частности, Законом Украины «О государственной поддержке космической деятельности» (2000). На основании этого закона, соответствующие изменения были включены в существующее налоговое, таможенное и коммерческое законодательство.

Эволюционное развитие и последовательность реформы государственной политики в области исследования и использования космического пространства сочетает в себе инструменты государственного регулирования и рыночные механизмы саморегуляции, ориентацию на высокий уровень занятости, максимальную реализацию инвестиционных возможностей, а также широкое участие иностранного капитала в украинской космической отрасли.

Принцип эффективного использования научно-исследовательского потенциала Украины и возможности, связанные с космической деятельностью в интересах национальной экономики, науки, государственной безопасности и коммерческих целях, осуществляются при широком использовании возможностей, предоставляемых с помощью космических технологий в различных секторах экономики, социальных, экологических, а также в областях устойчивого использования природных ресурсов и информации, в укреплении безопасности и оборонного потенциала государства.

Внедрение космических технологий в энергетику, сельское хозяйство, производство, транспортировку, медицину, телекоммуникации и другие области промышленности осуществляется на основе межотраслевых государственных программ.

Космическая отрасль Украины обладает мощным потенциалом инновационного развития, который при условии обеспечения последовательной инвестиционной поддержки и организации взаимодействия с другими отраслями, должен обеспечить потребность внутреннего рынка в высокотехнологичной продукции в топливно-энергетической, агропромышленной, машиностроительной, транспортной, медицинской, телекоммуникационной и других отраслях.

Внедрение космических технологий в другие отрасли экономики государства должно осуществляться путем разработки межведомственных программ.

Украина является членом десяти международных организаций и органов в космической области, в том числе Комитета ООН по мирному использованию космического пространства (КОПУОС), Комитета по космическим исследованиям Международного совета научных союзов (КОСПАР), Межучрежденческого комитета по космическому мусору (МККМ), Форума космических агентств (SAF), Комитета по спутникам наблюдения Земли (КЕОС), Международной астронавтической федерации (МАФ) и др. Украина является участником всех режимов контроля в отношении нераспространения оружия массового уничтожения и активно участвует во всех мерах, принятых в рамках этих режимов.

Организация национальной космической деятельности.

Национальное космическое агентство Украины (НКАУ) — специальный уполномоченный орган исполнительной власти по космической деятельности, был создан Указом Президента № 117 от 29 февраля 2002 г. для обеспечения государственного управления космической деятельностью, реализации государственной политики в соответствующей сфере, контроля и координации деятельности предприятий в этой области.

В течение последних 15 лет полномочия НКАУ значительно возросли. Более того, оно сохранило свой отдельный, независимый статус и компетенцию. С 2003 г. НКАУ рассматривается как центральный орган исполнительной власти со специальным статусом.

Статьей 6 Закона Украины «О космической деятельности» и Уставом Национального космического агентства Украины, утвержденным Указом Президента от 22 июля 1997 г., регулируется правовой статус НКАУ. Его деятельность направляется и координируется кабинетом министров Украины.

Полномочия НКАУ довольно широки. Агентство, в частности:

- разрабатывает концептуальные основы государственной политики в космосе;

- обеспечивает организацию космической деятельности в Украине и за пределами Украины под ее юрисдикцией;

- совместно с Украинской Национальной академией наук, разрабатывает и обеспечивает реализацию Национальной космической программы Украины;

- выступает в качестве государственного общеобразовательного покупателя научно-исследовательской работы в области космической деятельности, научно-исследовательских и проектных работ в области дизайна, производства и испытаний космической техники, в том числе, связанной с международным космическим проектам;

- является лицензирующим органом для космической деятельности в Украине и за пределами Украины под его юрисдикцией;

- организует разработку и функционирование системы сертификации космической техники в Украине;

- регистрирует космическую технику;

- ведет Государственный реестр уникальных объектов космической деятельности и осуществляет государственный надзор за их состоянием и использованием, и реализует меры по их поддержке;

- осуществляет координацию и контроль внешнеэкономической деятельности Украины в область пространства и обеспечивает их соответствие с украинским законодательством и международными договорами Украины;

- организует сотрудничество Украины в космической сфере с другими государствами и международными организаций;

- осуществляет иные функции в области космической деятельности в соответствии с преобладающим законом.

Министерство обороны Украины осуществляет космическую деятельность в области обороны и национальной безопасности. Оно отвечает за выполнение аспектов национальной космической программы Украины, которые связаны с созданием и использованием технологий космического военного и двойного назначений. Постановление «О Временном порядке взаимодействия между Министерством обороны и национального Космического агентства в процессе космической деятельности» № 788, утвержденное кабинетом министров Украины 15 июля 1997 г., разграничивает компетенции ответственности между этими двумя учреждениями.

Проблемы национальной безопасности

В соответствии со ст. 92 (17) Конституции Украины, основные принципы государственной политики в сфере национальной безопасности определены в Законе Украины «Об основах национальной безопасности Украины» (2003, с изм.).

Стратегия национальной безопасности Украины (2007) была разработана на основе данного закона и утверждается президентом Украины.

Упомянутый закон определяет компетенции различных учреждений для обеспечения национальной безопасности и излагает обязанности: Президента Украины; Верховной Рады Украины; Совета национальной безопасности и обороны; министерств и других центральных органов исполнительной власти; Национального банка Украины; судов; прокуратуры; общественных местных администраций и других органов местного самоуправления; Военных Сил Украины; Службы безопасности Украины; внешней разведки Службы Украины; Государственной пограничной службы Украины; граждан Украины и их объединений.

Национальное космическое агентство Украины и Министерство обороны Украины наделены особой ответственностью за обеспечение национальной безопасности в области космической деятельности.

Согласно Положению о Национальном космическом агентстве Украины (1997), продвижение по укреплению обороноспособности государства и национальной безопасности путем применения космических средств является одним из ее главных целей.

В целях обеспечения национальной безопасности Украины НКАУ осуществляет:

– меры для оперативного выявления источников опасности; поддержку в рамках своих обязанностей по обеспечению необходимого уровня сопротивления, надежности и эффективности системы государственного управления и обороны государства во время чрезвычайных ситуаций; безопасность эксплуатации космических информационных и коммуникационных систем для нужд высших должностных лиц; контроль в рамках своей ответственности в соответствии с международными договорами Украины; единую научно-техническую политику в области дизайна ракетных транспортных средств и ракетных комплексов в соответствии с приказами Министерства обороны;

– осуществляет (совместно с Министерством обороны) государственный надзор за безопасностью космической деятельности, созданием и организацией выполнения заказов по созданию и использованию космического военного и двойного назначения, методами на основе Национальной космической программы, обеспечением функционирования и развития соответствующих объектов земли и космической инфраструктуры; выполнением работы, связанной с использованием ракетно-космических транспортных средств, которые были созданы на основе стратегических ракетных комплексов и должны быть удалены от эксплуатации из-за истощения их ресурсов или должны подлежать ликвидации в соответствии с международными соглашениями, и, безопасное преобразование промышленных предприятий космической отрасли, участвующих в разработке и производстве межконтинентальных баллистических ракет и их узлов и агрегатов, а также создание на основе преобразования, высокотехнологичных производственных объектов гражданского назначения с применением современных технологий и привлечение национальных и иностранных инвестиций.

Лицензирование дистанционного зондирования спутниковых операторов

Государственная служба геодезии, картографии и кадастра при Министерстве охраны окружающей природной среды Украины является ответственным за астрономо-геодезическую и аэро-

космическую съемки, дистанционное зондирование Земли, разведки природных ресурсов, а также состояние окружающей среды. Этот орган выдает лицензии на топографо-геодезические и картографические работы и обеспечивает соблюдение лицензионных условий. Условия лицензирования хозяйственной деятельности в сфере топографо-геодезических и картографических работ утверждаются совместным приказом № 24/43 Государственного комитета Украины по вопросам регуляторной политики и предпринимательства и Министерства охраны окружающей природной среды Украины от 12 февраля 2001 г.

В частности, условия лицензирования устанавливают квалификацию, организационные, технологические и другие требования к экономической деятельности, связанные с дистанционным зондированием Земли. Условия лицензирования являются обязательными для всех хозяйствующих субъектов независимо от их организационно-правовых, и формы собственности. Экономический агент может выполнять топографо-геодезические и картографические работы, в зависимости от описания работ, наличия в штате агента специалистов определенного профиля, окончивших вузы с квалификацией «геодезия».

Те же требования установлены для физических лиц, являющихся субъектами предпринимательства — они должны иметь соответствующую квалификацию. Они обязаны использовать сертифицированное оборудование, отвечающее установленному уровню точности, и пройти соответствующие метрологические испытания.

Продажа и передача технологий

14 сентября 2006 г. был принят Закон Украины «О государственном регулировании деятельности в сфере трансфера технологий». Он создал правовые, экономические, организационные и финансовые принципы государственного регулирования деятельности в области технологий. Его целями являются содействие: эффективное использование научно-технического и интеллектуального потенциала Украины, защита прав собственности отечественных технологий на территории государств, где эти технологии используются или планируются для использования, и, укрепление международного сотрудничества в данной области.

Министерство образования и науки Украины (МОНУ) является специально уполномоченным органом в области передачи технологий.

Главной целью государственного регулирования деятельности в сфере трансфера технологий является обеспечение развития национального промышленного и научно-технического потенциала, его эффективное использование для решения задач социально-экономического развития государства и обеспечения технологичности производства отечественной продукции с учетом мирового опыта, возможных социально-экономических, технологических и экологических последствий от применения технологиям и их составляющих, содействие развитию производства, в котором используются новейшие отечественные технологии.

Государственная экспертиза технологий проводится относительно технологий или технологий и оборудования, используемого для их применения, для которых субъектами трансфера технологий предусматривается получение субсидий, определенных настоящим Законом, а также относительно технологий или технологий и оборудования, которые планируются для использования в Украине за счет государственных средств, если сумма их закупки равняется или превышает размер суммы, определенной для соответствующих процедур закупок Законом Украины «О закупке товаров, работ и услуг за государственные средства». Целью проведения государственной экспертизы является определение экономической целесообразности и полезности для государства и общества внедрение технологий и оборудования на основе возможных экологических и социально-экономических последствий от их применения.

**ВЫДАЮЩИЙСЯ УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ И ДИПЛОМАТ
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОРОВИН
(12.10.1892 — 03.11.1964)**

В.С. Верещетин

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Судья Международного Суда ООН в отставке

Г.П. Жуков

доктор юридических наук, профессор,
член Международной академии астронавтики

В 2012 г. юридическое сообщество отметило 120-летие со дня рождения одного из пионеров космического права, члена-корреспондента Академии наук СССР, заслуженного деятеля науки, доктора юридических наук, профессора Евгения Александровича Коровина.

История российской науки международного права неразрывно связана с именем Е.А. Коровина. Он был видным юристом-международником, ученым, педагогом, дипломатом и общественным деятелем.

Е.А. Коровин также считается основоположником российской науки космического права, в чьем зарождении он играет особую роль. Еще в 1933 г., на совещании специалистов по воздушному праву в Ленинграде, Е.А. Коровин выступил с лекцией о новых правовых проблемах, возникающих в связи с перспективами полетов человека в более высоких слоях воздушного пространства (стратосфере). Год спустя, его статья на ту же тему была опубликована во французском журнале «Revue General de Droit International Public». Даже, если автор не достаточно детально рассматривал в этой статье правовой режим пространства за пределами атмосферы, то его заключительные замечания в полной мере применимы к деятельности в космическом пространстве. В частности он писал: «Международное сотрудничество всех государств вдохновлено желанием гарантировать мир, региональный и глобальный, безопасность, и решимость остановить всеми средствами любые попытки агрессии, что представляется единственным способом обеспечить мирное освоение стратосферы в рамках существующих норм международного права».

В 1958 г. работа Е.А. Коровина была оценена Международным фондом Гуго Гроция (Hugo Grocius) в Германии «как большой вклад в создание международного космического права», и он был награжден медалью Гуго Гроция. В 1959 г. Е.А. Коровин опубликовал статью о международном статусе космического пространства в советском журнале «Международная жизнь». Это была первая попытка в отечественной литературе комплексного решения некоторых ключевых вопросов космического права. Под его редакцией вышли три сборника статей по проблемам космического права, которые были опубликованы в Советском Союзе в 1962–1963 гг.: один со статьями, написанными советскими авторами, а два других — перевод эссе, написанных иностранными юристами¹.

---

¹ Проблемы космического права / Редкол.: Г.П. Жуков, Г.П. Задорожный, Ф.Н. Ковалев, Е.Н. Коровин, Г.А. Осницкая. — М.: Инстр. лит., 1961. — 211 с.; Космос и международное право: Сб. статей / Отв. ред. Е.А. Коровин. — М.: Изд-во ИМО, 1962. — 184 с.; Современные проблемы космического права: Сб. статей / Редкол.: Э.Г. Василевская, Г.П. Жуков (Вступ. ст.), Е.А. Коровин (Вступ. ст.). — М.: Инстр. лит., 1963. — 399 с.

В 1959 г. по инициативе Е.А. Коровина в Академии наук СССР была создана Комиссия по правовым вопросам межпланетного пространства, которая состояла из научных сотрудников Института государства и права (Е.Г. Василевской, Г.П. Жукова, Г.П. Задорожного, П.И. Лукина), от Министерства иностранных дел (Ф.Н. Ковалев, Г.А. Осницкая, И.С. Чепров) и из штата Президиума Академии наук — В.С. Верещетин. Е.А. Коровин был назначен председателем. Комиссия также включала в себя ряд очень компетентных технических специалистов.

В своей работе Комиссия опиралась на ценные советы этих специалистов и пользовалась поддержкой ряда известных членов академии (академиков): А.А. Благоданова, Б.Н. Петрова, Е.К. Федорова и Л.И. Седова. Комиссия регулярно посылала свои мнения и рекомендации по правовым аспектам освоения космоса в Президиум Академии наук и Министерство иностранных дел СССР.

Председатель комиссии Е.А. Коровин был непосредственно вовлечен в исследование проблем космического права и был постоянно занят текущей работой Комиссии.

Следует отметить, что в то время, когда была большая потребность в разработке основных принципов, регулирующих деятельность государств в космической сфере Е.А. Коровин сплотил вокруг себя команду юристов, дипломатов и технических экспертов, которые способствовали формированию зарождающейся норм международного космического, в частности тех норм, которые составили Декларацию правовых принципов, регулирующих деятельность государств в космическом пространстве.

Таким образом, Комиссия приняла участие в детальном правовом обосновании позиции советской делегации на сессиях в 1962 и 1963 гг. в Нью-Йорке Юридического подкомитета Комитета ООН по космосу. Секретарь комиссии Г.П. Жуков был членом советской делегации на этих сессиях.

Е.А. Коровин и Комиссия, которую он возглавлял, стремились поддерживать тесные связи между юридической теорией и практической космонавтикой, а также между юристами и техническими специалистами в области космической деятельности.

В 1961 г. в Институте государства и права была создана специальная рабочая группа Комиссии по изучению актуальных вопросов космического права. Группа состояла из трех юристов научных сотрудников института: Э.Г. Василевской, Г.П. Жукова (руководителя группы) и П.И. Лукина. Раз в месяц созывались пленарные заседания Комиссии, на которых обсуждались важные вопросы международного космического права.

Среди вопросов, рассматриваемых Комиссией, можно отметить рассмотрение правовой основы для создания Договора о границе между воздушным и космическим пространством на высоте 100–110 км над уровнем моря. Позднее эта позиция была использована при подготовке официального предложения советской делегации в 1979 и 1983 гг. Комиссия также приняла участие в процессе разработки советских предложений об основных принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, которые были представлены СССР от 10 сентября 1962 г. и 16 апреля 1963 г. в Юридический подкомитет Комитета ООН по космосу.

Используя свои обширные знания и опыт, Е.А.Коровин сочел свою плодотворную научную работу с обучением молодого поколения юристов и многогранной общественной деятельностью. Как уже упоминалось, три сборника статей по космическому праву были подготовлены под его руководством и редакцией. На одной из них («Космос и международное право»), первый в мире космонавт Юрий Гагарин сделал следующую надпись: «Теоретикам — с пожеланием разработать самые справедливые правовые положения в космосе. Практик Юрий Гагарин. 12/07/62.».

По инициативе Е.А. Коровина в 1962 г. группа советских юристов, с его участием, приняла участие в международном коллоквиуме по космическому праву, организованному в рамках Международного конгресса по астронавтике в Варне. Е.А. Коровин представил доклад об актуальных задачах космического права. Он также способствовал более активному участию советских юристов в работе Международного института космического права.

В своих трудах и лекциях Е.А. Коровин подчеркивал, что ни одно государство не имеет права угрожать безопасности другого государства или нанести ущерб ее гражданам или их имуществу. Эти элементарные правила современного международного права должны применяться одинаково на суше и на море, в воздухе и в космическом пространстве.

К сожалению, вскоре после смерти Е.А. Коровина в 1964 г. Комиссия Академии наук по правовым вопросам межпланетного пространства практически перестала функционировать. Формально она закончила свою работу в октябре 1973 г., когда Президиум Академии наук СССР получил письмо от заместителя министра иностранных дел С.П. Козырева — руководителя вновь созданного органа в Министерстве иностранных дел. В письме говорилось, что в связи с созданием в министерстве межведомственной комиссии по политическим и юридическим вопросам, касающимся исследования и использования космического пространства, Министерство иностранных дел считает нецелесообразным существование параллельной организации в Академии наук. В то же время, по решению Академии, координация научных исследований в области космического права осталась в ведении академического Института государства и права.

Е.А. Коровин принадлежал к плеяде выдающихся дореволюционных русских юристов, среди которых Сергей Борисович Крылов, Всеволод Николаевич Дурденевский, Иван Сергеевич Перетерский и Владимир Эммануилович Грабарь. После революции, все они внесли огромный вклад в обучение студентов и развитие советской доктрины международного права.

В начале 1920-х г. в Московском государственном университете был создан факультет международных отношений с целью подготовки нового поколения дипломатов. Е.А. Коровин преподавал на этом факультете международное право. После Второй мировой войны, в течение многих лет он читал лекции по международному праву в Высшей дипломатической школе МИД СССР и заведовал кафедрой.

Е.А. Коровин не только принимал участие в подготовке дипломатов, но и сам принимал активное участие в дипломатической

работе в качестве члена коллегии Министерства иностранных дел и как участник многих международных дипломатических совещаний и конференций.

С 1918 по 1927 г. Е.А. Коровин был секретарем ЦК русского общества Красного Креста и главой его внешнеполитического ведомства. В 1929 и 1945 гг. он был советским экспертом на конференции по воздушному праву в Париже.

В 1945 г. он — эксперт делегации СССР в Подготовительной комиссии Организации Объединенных Наций, в 1945–1946 гг. — эксперт в заседаниях Совета министров иностранных дел в Лондоне и Париже.

В 1956–1961 гг. он представлял СССР в различных комитетах ЮНЕСКО.

Е.А. Коровин был членом Постоянной палаты третейского суда и членом Морской арбитражной комиссии СССР, президентом юридического отдела Всесоюзного общества по культурным связям с зарубежными странами. В 1935 г. он был избран членом Академии политических наук (Нью-Йорк), читал лекции в Парижском университете и в Гаагской академии международного права. В 1936 г. он стал членом Американского общества международного права. В 1946 г. Е.А. Коровин был избран членом корреспондентом Академии наук СССР.

Е.А. Коровин автор 11 книг и более 150 брошюр и статей, опубликованных на русском, украинском, белорусском, английском, французском, немецком и японском языках по различным вопросам международной политики и международного права. Он является автором первого советского курса международного права: «Международное право переходного времени» (1924) и «Современное международное публичное право» (1926). Названия его книг и исследований наглядно демонстрируют круг его научных интересов: «Католицизм как фактор современной мировой политики» (1931), «СССР и разоружение» (1933, на английском языке), «Япония и международное право» (1936), «Право войны» (1944), «История международного права» (1946), «Французская буржуазная революция 1789 г. и законы и обычаи войны» (1941), «Основные проблемы современных международных отношений» (1959),

«Международное право: учебник для использования в юридических школах» (1961, на английском языке). Е.А. Коровин был также соавтором двух учебников по международному праву, опубликованных в 1951 и 1957 гг.

В своих научных работах, лекциях и докладах Е.А. Коровин проанализировал такие актуальные теоретические проблемы того времени, как понятие современного международного права, понятие суверенитета в международном праве, право наций на самоопределение, развитие принципа мирного сосуществования и многие другие.

Е.А. Коровин принимал активное участие в социальной, культурной и политической жизни страны. Он был членом редколлегий советского журнала «Международная жизнь», «Советский ежегодник международного права». Также он принимал участие в деятельности таких организаций, как Советская ассоциация содействия ООН, Общество по распространению политических и научных знаний, Общество дружбы между СССР и Францией.

За выдающиеся научные и учебные достижения, а также достижения в дипломатической деятельности Е.А. Коровин был награжден несколькими высокими национальными орденами Советского Союза: «Орденом Ленина», «Орденом Трудового Красного Знамени», «Орденом Знак Почета» и медалями.

С 1947 по 1952 г. Е.А. Коровин работал директором Института права Академии наук — основной научно-исследовательской организации страны в области права. Это было время последних лет сталинских репрессий. Одна злодейская кампания следовала за другой. В этот период один из авторов настоящей статьи (Г.П. Жуков) был аспирантом в Институте права и Е.А. Коровин был его научным руководителем. Он подтверждает, из первых рук, что в те тяжелые для страны годы поведение профессора Е.А. Коровина было безупречным. Он никогда не участвовал ни в «антикосмополитической» или любой другой кампании против мнимых «врагов советского народа». Тот факт, что Е.А. Коровин не был членом коммунистической партии явно помогло ему избежать непосредственного участия в этих кампаниях, несмотря на его высокое служебное положение в Академии наук.

Мы хотели бы, отдавая дань памяти профессора Е.А. Коровина, отметить интересную деталь его биографии, которая оставалась неизвестной до недавнего времени. Специалисты по изучению литературы не знали абсолютно ничего об авторе книги «Мой уголок: Стихи», опубликованной в Москве в 1916 г. Только недавно, неожиданно было обнаружено, что всемирно известный юрист, один из основателей космического права, профессор Е.А. Коровин и автор этой книги был один и тот же человек. Его блестящий поэтический дебют, в том числе отличные переводы французской поэзии, совпали с его окончанием в 1915 г. юридического факультета Московского университета, когда ему было всего двадцать три года.

THE LEGAL DIMENSION OF THE SUSTAINABILITY OF OUTER SPACE ACTIVITIES

Sergio Marchisio

Professor of International Law University Sapienza of Rome
Chairman of the European Centre for Space Law

1. Introduction.

The sustainable and responsible use of outer space is becoming a high priority at the international level for balancing many differing priorities and needs including, but not limited to, sensitive national security interests, equitable access to the space domain for emerging States, and protecting the space environment. Time is ripe, for space lawyers, to develop convincing arguments concerning the legal dimension of the sustainability of outer space activities. If outer space would not be safe, secure and sustainable, it would also become non peaceful. Thus, the ability to use it could be denied to all, in contrast with the general principles contained in Article I of the 1967 Outer Space Treaty (OST).

But, what is the legal shape of the sustainability of space activities? I will try to give an answer borrowing some concepts from a cousin field of international law, namely international environmental law. In this perspective, sustainability means the use of outer space in a way that maintains its potential to meet the needs and aspirations of present and future generations, and that permits the humanity the continued use of it for peaceful purposes, scientific and technological advancements and socioeconomic benefits. Sustainability is a new but old concept, close to the concept of sustainable development, which has been developed by many in doctrine and in case-law. Among them, I would quote Judge Weeramantry, former Vice-President of the International Court of Justice, who, in his separate opinion to the ICJ Judgment of 25 Sep-

tember 1997 in the *Gabcikovo-Nagymaros Project* case between Hungary and Slovakia, elaborated on how to reconcile the principles of development and care for the environment.

«The Court -he wrote — needs to draw upon the wisdom of all cultures. Among the principles that can be so derived from these cultures are the principles of trusteeship of earth resources, intergenerational rights, maximization use of natural resources, preservation of their regenerative capacity, and the principle that development and environmental protection should go hand in hand»¹.

Similar arguments can be brought forward with regard to the sustainability of space activities. A body of experience is now becoming available in line with UN treaties on outer space, in particular with the principles of the province of all mankind, the freedom of exploration and use by all States without discrimination and due regard to the corresponding interests of all other States.

In fact, threats are already a reality: space debris, collisions and fragmentations in space, frequencies overlapping, collisions among space objects, intentional and unintentional harmful interferences, deliberate destruction of satellites. No one denies that accidents in outer space must be avoided in order to prevent loss of life and creation of damaging orbital debris².

Technical rules on fundamental mitigation and safety measures, such as management, design and operational measures, to limit debris released during normal operations and minimize potential for break-ups during operational phases, have already been adopted at different levels³. But space debris are not the only threat. Space objects and tech-

---

¹ ICJ, *Reports*, 1997, p. 88 ss.

² In February 2009, two satellites collided accidentally, creating a large amount of debris circling the Earth 800 kilometres above. Hundreds of bits of metal, foil and plastic spreading the former satellites' orbits threaten other satellites.

³ These measures look at limiting the probability of accidental collision in orbit; avoiding international destruction and other harmful activities; minimizing potential for post-mission break-ups resulting from stored energy; limiting the long-term presence of spacecraft and launch vehicle orbital stages in LEO after the end of their mission; limiting the long-term interference of spacecraft and launch vehicle orbital stages with GEO region after the end of their mission.

nologies that can be used for aggressive purposes are not necessarily arms. Space objects can be used as armaments or weapons: it is a matter of *intent*. In the same line, direct ascent ASAT, anti-satellite technologies, are equivalent to surface-to-air missiles¹. These threats impose the need to sustain and protect critical public and private space infrastructures in outer space. Once again the sustainability of space activities is the key concept, joined by associated concepts, such as safety and security.

2. The three pillars for the sustainability of outer space activities.

Against this background, in the last decade several initiatives have been launched at the international level to face the challenge of space sustainability. The first basket is composed by the technical set of rules adopted for space debris². The Space Debris Mitigation Guidelines set out in 2002 by the Inter Agency Debris Committee (IADC), and updated in 2007, have defined the notion of space debris as 'all man-made objects, including fragments and elements thereof, in Earth orbit or re-entering the atmosphere, that are non functional'. Then, other international standards have followed encompassing the same definition, such as the European Code of Conduct for Space Debris Mitigation adopted in 2007 by ASI, CNES, DLR, ESA and UK Space Agency; the COPUOS Space Debris Mitigation Guidelines, endorsed by UNGA Resolution 62/217 of 21 December 2007. Analogous initiatives have been adopted at the national level by several space-faring nations, such as the Russian Federation, the United Kingdom and the United States of

---

¹ In January 11, 2007, as China's inoperable weather satellite passed overhead and a modified Chinese ballistic missile was launched from China's Xichang Center and streaked toward the satellite, deliberately colliding and creating thousands of small pieces. The satellite destruction created some 2,500 trackable pieces of orbital debris. Many of these pieces remained in the original polar orbit, the prime location for most Earth observation satellites, including weather and climate satellites operated by NASA, NOAA, and ESA.

² The Space Debris Mitigation Guidelines set out in 2002 by the Inter Agency Debris Committee, and updated in 2007, have defined the notion of space debris as all man-made objects, including fragments and elements thereof, in Earth orbit or re-entering the atmosphere, that are non functional.

America. New initiatives are now considered and planned towards active space debris remediation/removal and development of related technologies, for services in orbit and ground-based lasers¹.

However, the adoption of technical standards does not exhaust the legal tools that are being put in place to face the risks of an unsustainable environment in outer space. There are at least *three on-going initiatives* aimed at ensuring space sustainability, safety and security. I would call them the *three pillars* for outer space sustainability: respectively, the UNCOPUOS Long-Term Sustainability of Space Activities Working Group (LTSSA); the draft International Code of Conduct for Outer Space Activities (CoC), and the Group of Governmental Experts on Transparency and Confidence Building Measures in Outer Space Activities (GGE). From the temporal point of view, they are quite co-temporary. They present some commonalities, but also evident differences.

Beginning with the common elements, it should be said that all of them address in a pragmatic way potential and actual threats to the safety, security and sustainability of space activities, without indulging in ideological conflictive considerations; secondly, their outcome is expected to result in non binding international instruments, to be accepted by the interested States on voluntary basis, without prejudice for further normative developments; thirdly, they are interrelated and complementary, not alternative, initiatives.

However, the three initiatives maintain different origins and purposes: the LTSSA is held under the umbrella of the COPUOS Scientific and Technical Subcommittee (STS) and is tasked with producing a *consensus* report outlining voluntary guidelines for all space actors to ensure the long-term sustainability of outer space. The measures to be

---

¹ See the *McGill Declaration on Active Space Debris Removal and On-Orbit Satellite Servicing*, adopted by the Third International Interdisciplinary Congress on Space Debris Remediation held at McGill University's Institute of Air and Space Law in November 2011, in *Active Debris Removal — An Essential Mechanism for Ensuring the Safety and Sustainability of Outer Space A Report of the International Interdisciplinary Congress on Space Debris Remediation and On-Orbit Satellite Servicing*, Doc. A/AC.105/C.1/2012/CRP.16, 27 January 2012.

proposed by the WG would address ways and means to prevent potential risks and to redress existing dangerous situations. The WG operates following a bottom-up scheme, involving — through member States — the main stakeholders, public and private, and is supposed to deliver its final draft report in 2014.

The International Code of Conduct for Outer Space Activities, is, in its turn, an instrument aimed at setting on legally binding norms of responsible behaviour in outer space activities. In 2007, the European Union (EU) initiated the process, which led to the endorsement of a draft Code of conduct on outer space activities by the EU Council in 2008 as a part of the Common Foreign and Security Policy (CFSP) and as a reply to the UNGA resolutions calling member States to submit concrete proposals in the field of transparency and confidence building measures in outer space (TCBMs). The CoC is a top-down process; the prevailing approach is that negotiators cannot be left to their own devices to interpret a general policy meant to discourage more countries from having unsustainable behaviors in space. The issue of potential harmful interferences in outer space requires top-level political attention.

Last but not least, the Group of Governmental Experts on TCBMs, made of 15 international experts nominated by member States of the UN on the basis of equitable geographical representation, is an organ of the UNGA, in accordance with its resolution 63/68 of 2011. It is expected to produce by 2013 a consensus report outlining recommendations on TCBMs, aimed at reducing the risks of misunderstanding and miscommunication and helping ensure strategic stability in outer space. TCBMs are part of the legal and institutional framework supporting military threat reductions and confidence-building among nations. They have been recognized by the UN as mechanisms that offer transparency, assurances and mutual understanding amongst States and reduce tensions¹. They also promote a favorable climate for effective and mu-

---

¹ A. Vasiliev & A. Klapovsky, *Transparency and Confidence-Building Measures in Outer Space*, in *Building the Architecture for Sustainable Space Security — Conference Report, 30–31 March 2006*, 2006 pp. 139 — 143. Ambassador A. Vasiliev is the Chairman of the GEE and is one of the main experts in the field of TCBMs in outer space.

tually acceptable paths to arms reductions and non-proliferation. A number of TCBMs are implemented by the States unilaterally and represent their political commitments¹.

The outcome of these initiatives is also an important issue to be considered. All of them will lead to the adoption of non legally-binding instruments containing political commitments. However, we should not deny the *normative* character of the instruments that would constitute the outcome of these processes. Recommendations, non legally binding instruments and codes of conduct produce always legal consequences. They are elements of a practice that can later lead to the adoption of binding treaties or consolidate in customary rules. It is not a case if the mentioned initiatives have fully recognized the relevance of space law².

3. The draft International Code of Conduct on Outer Space Activities

Within this general context, I will now consider more in details the main features of the draft International Code of Conduct on Outer Space Activities.

In the history of space law and politics, draft codes of conduct were often proposed. The two terms, Space Code of Conduct and Rules of the Road, have been used often interchangeably in the discussions of the CD about confidence-building measures³. In its generic meaning, a

---

¹Russia has been informing the international community through the Internet on the forthcoming launches of spacecraft and their mission since 2003. In 2004 Russia made an important pledge not to be the first to place any type of weapons in outer space. The USA conducts regularly space dialogues with allies and other countries as a measure of confidence building.

² The WG on LTSSA has set up a Expert Group D on “Regulatory Frameworks and Guidance for actors”, composed mainly by lawyers; the drafting and negotiating process of the CoC has largely involved the contributions of lawyers; finally, the GGE recognized since its first meeting the importance of the legal perspective in addressing the issue of TCBMs in outer space.

³ In 1993, during the work of the first Group of Governmental Experts on TCBMs, established by the UNGA resolution 45/55 B of 4 December 1990, France advocated that the aim of a code of conduct «...is to guarantee the security of space activities while preventing the use of space for aggressive purposes». Cf. CENTRE FOR DISARMAMENT AFFAIRS. REPORT OF THE SECRETARY-

Space Code of Conduct has been considered to consist of a set of norms to guide States' behaviour in respect of their own and/or others' activities. Thus, this concept would be employed as yardstick in the establishment of measures to increase the safety of space objects and the predictability of space activities..

But the specific proposal we are referring to was first conceived in an informal *paper* circulated by Italy on March 15, 2007 within the CD in Geneva. The document was entitled *Food for Thought on a Possible Comprehensive Code of Conduct for Space Objects* and linked to the issue of the Prevention of an Arms Race in Outer Space (PAROS). The Italian interest for this matter dated back to the Seventies, when similar initiatives were presented to the CD. Since then, the Italian diplomacy noticed that in spite of a repertory of existing TCBMs, there were still several gaps. The scope of the Italian proposal was explained by Ambassador Carlo Trezza in his paper on *A Possible Comprehensive Code of Conduct for Space Objects in an EU Perspective*, presented at the “EU Conference on Security in Space, the Contribution of Arms Control and the Role of the EU”, held in Berlin on 21–22 June 2007¹. It considered that a more focused EU approach to this issue within the framework of both the CD and UNGA would propitiate the adoption of a program of work to allow the CD to resume its institutional task and overcome the deadlock it was facing.

The proposal was then presented for endorsement to the European partners, as a possible 'food for thought' of the EU on a *Comprehensive Code of Conduct for Outer Space Activities* which should codify new confidence building measures and strengthen existing best practices. After all, the EU unanimously voted in favour of UNGA resolutions regarding TCBMs in outer space, while most EU's countries co-sponsored the resolutions inviting member States to submit to the Secretary General “concrete proposals on international TCBMs”.

Following the EU's reply to GA Resolution 61/75 of 2007, the initiative was finally endorsed by the EU. The Portuguese Presidency prepared a *Food for Thought on a Comprehensive Code of Conduct for*

GENERAL, *Study on the Application of Confidence-building Measures in Outer Space*, New York, 1994.

¹ Panel 3 on “Arms Control Approaches in Outer Space”.

Space Objects (2nd REV.), based, among others, on the principles of freedom to use outer space for all for peaceful purposes; preservation of the security and integrity of space objects in orbit and due consideration for the legitimate security and defence interests of States. The same EU's Joint Reply was also adopted as a contribution to respond to UNGA Resolution 62/43 on "TBCMs in Outer Space Activities" of 5th December 2007, and to similar resolutions adopted between 2008 and 2011.

4. The rationale for a Code of Conduct

If we consider the EU's legal and institutional setting, the initiative concerning the draft Codewas founded under Title V (Articles 11-27) of the 2001 Treaty of Nice, on provisions concerning the Common Foreign and Security Policy (CFSP), to which the EU Member states have committed themselves since the first EU's Treaty, the 1992 Treaty of Maastricht. In 2007 the EU's CFSP was regulated by the second Pillar of the EU's Treaty and governed by the intergovernmental method, functioning by unanimity, while the Commission was associated to the work of the CFSP as an observer, without deliberative power.

I should note that this legal framework is changed only in minimal part after the entry into force, on 1st December 2009, of the Lisbon Treaty, that has rearranged the Common Foreign and Security Policy with the institution of the High representative, Vice-President of the Commission, and the consolidation of the European External Action Service (EEAS). However, according to Article 24 of the TEU: «The common foreign and security policy is subject to *specific rules and procedures*. It shall be defined and implemented by the European Council and the Council acting unanimously, except where the Treaties provide otherwise.» In other words, the CFSP of the EU is still subjected to the same intergovernmental method which was previously applicable and, in particular, to the rule of unanimity, so that each member State has a veto power in these matters¹.

On December 2008, after more than a year of work within the Council Working Group on Disarmament in the United Nations (CODUN), the EU's Council endorsed the first version of the draft

---

¹ N. COUNTOURIS (edited by), *The European Union after the Treaty of Lisbon*, Cambridge, 2012.

Code of Conduct for Outer Space Activities. Since then, the EU has been consulting the Code with other space faring nations with the aim of reaching a text that would be acceptable for as many States as possible. Several rounds of consultations were held between 2008 and 2012. Among the consulted States are Russian Federation, the People's Republic of China, the United States of America, Canada, India, Australia, Japan, Indonesia, South Africa, Japan, Ukraine, the Republic of Korea, Brazil and so on.

A new consolidated draft of the Code, including comments and proposals by third consulted States, was endorsed by the Council of the European Union the 27 September 2010. In 2012, the process was further enlarged, with the constitution of a group of like-minded States and of a Steering Committee which met in Brussels to give guidance about the steps needed to internationalize the project. These developments towards the internationalization of the Code were certainly favoured by the statement delivered in February 2012 by the U.S. Secretary of State, Hillary Clinton, that the United States would lend its support to international efforts to craft a Code of Conduct for responsible space-faring nations¹.

Another point sometimes misunderstood is that the Code initiative should be considered as self-sustained. In other words, the draft Code is not intended for negotiation at any existing international fora. Multilateral bodies, such as the UN COPUOS, the CD, the General Assembly First Committee and others will continue to be informed on progress with this initiative, but the process is supposed to end with a diplomatic *ad hoc* Conference if a sufficient number of countries show interest in the Code. The model followed is that of the Hague International Code of Conduct against Ballistic Missiles Proliferation, of November 25, 2002 and of the Missile Technology Control Regime of April 1987. In summary, the process for the adoption of the Code still provides for several steps: consult with major space faring nations, build the support, revise the text and finalize the draft; convene a diplomatic conference, adopt the Code and open the Code to subscribers; then, implement the Code.

A further important point to be stressed is that the Code is not alternative to the proposal on a draft Treaty on the Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space, the Threat or Use of Force

---

¹ URL: <http://www.thespacereview.com/article/2084/1>.

Against Outer Space Objects (PPWT) tabled by China and Russia on February 12, 2008 within the CD. On the contrary, the project is seen as a first step which could pave the way towards an international binding treaty. Most States acknowledge that non legally binding codes and TCBMs do not replace verification, but may function as a start to a step-by-step approach on preventing an arms race in outer space.

What is clear is that arms control measures relating to outer space are beyond the intended scope of the Code for the main reason that the Code is not an appropriate instrument through which to pursue this objective. The CD is clearly mandated to negotiate arms control treaties and has a specific theme on PAROS for that purpose. The Code has taken a different approach, focusing on confidence-building behaviours, not banning directly weapons systems or their deployment.

5. The value of the Code.

The main objective of the Code of Conduct is to strengthen the safety, security and predictability of all space activities, therefore limiting or minimising harmful interferences in space activities. What then makes the EU Code of conduct so significant with regard to other kind of similar initiatives ? In my opinion, the answer lies in three aspects.

The first aspect is the all encompassing scope of the Code, readily apparent from the titles of its various parts. While other instruments deal with specific aspects, such as space debris, this is the first instrument based on a systematic approach which covers all the dimensions of the outer space operations. It applies to military as well as civil operations in outer space and is based on the principle of *non harmful interference* against space objects.

The second aspect is the Code's stress on the preventive approach. It introduces a new understanding of the complex nature of the space activities and of the uncertainties inherent in the management of such activities. Activities in outer space are *per se* ultra-hazardous activities, the focus being upon the exceptional risk of severe damage. For this reason, they should be carried out with a high standard of care and due diligence, transparency and with the aim of building confidence. An ultra-hazardous activity is perceived to be an activity with a danger that is rarely expected to materialize but might assume, on that rare occasion, substantial proportions.

The third aspect is the dynamic nature of the Code. It is supposed that the progress in implementing the Code will be monitored through the Meetings of the Parties and the Code will be revised and updated as necessary in light of the forthcoming developments. There are mainly two parts of the draft Code that would need to be detailed as to consequences for, and demands on, Subscribing States. These are the part on Cooperation Mechanisms and on Organizational aspects.

6. The main content of the draft Code.

The Code addresses all outer space activities conducted by a Subscribing State or jointly with other States or by non-governmental entities under the jurisdiction of a Subscribing State, including those activities conducted within the framework of international intergovernmental organisations. While not being a treaty, the Code is framed in a like-treaty mode, with a preamble and twelve sections divided in numeral points.

Within the Preamble, which assists the interpretation of the Code, the Subscribing States stress some general considerations, namely that all States should actively contribute to the promotion and strengthening of international cooperation relating to the activities in the exploration and use of outer space for peaceful purposes and to the formation of a set of best practices aimed at ensuring security in outer space which could become a useful complement to international space law. They note also that such best practices could apply to all types of outer space activities and reaffirm their commitment to resolve any conflict concerning actions in space by peaceful means.

It is to be noted that the draft Code is still a living document, the latest version having been established on the 5th of June 2012 as a working document for internal purposes. This is why I will abstain from making references to specific articles of the Code, unless a key rule is to be considered.

7. The general principles of the Code

The second section of the Code lists the general principles to which Subscribing States decide to abide of. The term «general principles» is not used, of course, in the same sense than in the Statute of the International Court of Justice, as 'general principles of law'. We are not dealing, here, with sources of international law. However, the statements

contained in this section of the Code assume the character of basic rules that should govern the outer space activities and that qualify State's behaviours as responsible. Perhaps, then, their most significant independent contributions will forever be as “gap-fillers” for the Code regime and other international instruments.

The first of these general principles is the freedom for all States, in accordance with international law, to access, explore, and use outer space for peaceful purposes without interference, fully respecting the security, safety and integrity of space objects and consistent with internationally accepted practices, operating procedures, technical standards and policies associated with the long-term sustainability of outer space activities, including, *inter alia*, the safe conduct of outer space activities. This principle makes reference not only to the classic freedom of exploration and use of outer space embodied in Article I of the OST, but build upon it underlying the freedom of *access* to outer space 'for peaceful purposes'.

The 1967 OST recognizes that outer space «shall be free for exploration and use by all States without discrimination of any kind»; it is true that there is no corresponding provision recognizing that all States have the right to «access space», however the same Treaty recognizes that there shall be «free access to all areas of celestial bodies», which seems unworkable without a corresponding freedom of access to outer space.

However this freedom of access, in principle unlimited, can be restricted by international obligations, such as those deriving from the Security Council mandatory decisions adopted under Chapter VII of the UN Charter. Security Council Resolutions 1718 and 1874 demanded that the Democratic People's Republic of Korea not conduct any further nuclear test or launch of a ballistic missile; decided that it should suspend all activities related to its ballistic missile programme and in this context re-establish its pre-existing commitments to a moratorium on missile launching. It decided also that the DPRK should abandon all other existing weapons of mass destruction and ballistic missile programme in a complete, verifiable and irreversible manner. Resolution 1929, in its turn, decided more or less the same with regard to Iran.

Secondly, the draft Code makes reference to the inherent right of individual or collective self-defence as recognised in the United Nations Charter¹. Now, references to the inherent right of self-defence in the Code simply reflect an objective situation under international law. Article III of the 1967 OST makes very clear that international law, including the Charter of the United Nations, applies to outer space. The right of self-defence is a fundamental principle of international law and integral to the UN Charter, recognised in Article 51. If there were any doubt as to whether the drafters of the OST intended that reference to apply to the right of self-defence, the wording makes clear that this reference is in the context of “maintaining international peace and security”.

8. The principle of no harmful interference

The following principle embodied in the Code regards the responsibility of the Subscribing States to take all appropriate measures and cooperate in good faith to prevent harmful interference in outer space activities². The notion of 'harmful interference' appears already in the third sentence of Art. IX of the OST, where it is said that a State planning an activity or experiment should undertake, before proceeding, appropriate consultations if the planned activity or experiment entails “potentially harmful interference” with activities of other States in the peaceful exploration and use of outer space³. We should note that this Article deals with activities that are not prohibited by international law and that are normally important to the interests of the State of origin, as normally are outer space activities⁴.

---

¹ Cf. U. FABRE, *L'usage de la force dans l'espace: réglementation et prévention d'une guerre en orbite*, Bruxelles, Bruylant, 2012.

² The author that has mostly elaborated on this concept as a key concept for a code of responsible behaviour in outer space is Micheal Krepon of the Stimson Institute. Cf. M. KREPON, *Space Diplomacy and an International Code of Conduct*, e-International Relations.com, June 21, 2012.

³ Furthermore, a State potentially affected by an activity or experiment planned by another State has the faculty to request that the latter enter into consultations concerning the activity or the experiment that would cause potentially harmful interference.

⁴ S. MARCHISIO, *Article IX*, in *Cologne Commentary on Space Law*, Vol. I, *Outer Space Treaty*, edited by S. Hobe, B. Schmidt-Tedd, K.-U. Schrogl, Köln, 2009, pp. 169-182.

However, a general principle of international law prescribes that these activities should not cause harmful interference and that the concerned States should take appropriate preventive measures to avoid any harm. The duty of preventive action finds its roots in general international law, as stated by the ICJ in the advisory opinion of 8 July 1996 on the *Legality of the threat or use of nuclear weapons*: «The existence of the general obligation of States to ensure that activities within their jurisdiction and control respect the environment of other States or of areas beyond national control is now part of the corpus of international law relating to the environment»¹. Once applied to outer space, this principle means that States are committed to ensure that the exercise of their rights and freedoms in outer space does not interfere with, or compromise the safety of, space operations of other States.

To be considered as harmful, interference must cause serious detrimental effects, not merely a nuisance or annoyance that can be overcome by appropriate measures. 'Harmful' retains its meaning of causing or capable of causing significant harm. It does not deal with the legitimacy of the interference, but with the effects of the action. In this respect the work of the International Law Commission (ILC) on the draft Articles on *Prevention of Transboundary Harm from Hazardous Activities*, adopted in 2001, is particularly significant². The focus here is on 'harm' as linked to the exceptional risk of severe damage³.

---

¹ ICJ, *Reports*, 1996, p.p. 241-242.

² Text adopted by the Commission at its fifty-third session, in 2001, and submitted to the General Assembly as a part of the Commission's report covering the work of that session. The report, which also contains commentaries on the draft articles, appears in *Official Records of the General Assembly, Fifty-sixth Session*, Supplement No. 10 (A/56/10).

³ Harmful "interference" in outer space could take several forms: direct damaging or destroying a satellite or temporarily interfering with its normal operation in a way that does not cause permanent damage. Anti-satellite (ASAT) has the most prominent role in destroying satellites. Furthermore, the orbital path of a satellite can be manipulated in such a way to collide with other space objects. In sum, the interference very often does not differentiate between malicious and benign aims. There are also methods of interfering with satellites that may not result in permanent damage but still prevent the satellite from performing its desired function, as is the case of jamming.

9. Compliance with and promotion of treaties

The Code is not a legally binding instrument and for that reason it cannot impair the rights and obligations of the Subscribing States deriving from other international treaties on outer space that they have accepted. In other words there is no matter for discussing here the issue concerning the relationship among the rights and obligations of States Parties to successive treaties relating to the same subject matter. In case of instruments of identical legal binding nature, those relationships are governed by the principle *lex posterior derogat priori*, unless the treaty subsequent in time specifies that it is subject to, or that it is not to be considered as incompatible with, an earlier or later treaty. In this case the provisions of that other treaty prevail (so-called priority clause)¹. All these aspects are not relevant here, because, as I said, the draft Code is not intended to be a treaty and no problem of coordination with proper sources of law can even be imagined.

Within this premise, the Code envisages the compliance with and promotion of treaties, conventions and other commitments relating to outer space activities by the Subscribing States. It makes express reference to the main existing international legal instruments on outer space and disarmament, including the four core UN treaties, the ITU Constitution and Convention and its Radio Regulations, as amended, as well as the Treaty Banning Nuclear Weapon Tests in the Atmosphere, in Outer Space and under Water (1963) and the Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty (CTBT, 1996). It calls upon Subscribing States to adhere to those treaties and, if already parties to them, to implement them in good faith.

---

¹ S. MARCHISIO, *Reviewing the Astronauts Agreement: The Role of COPUOS*, in *Astronauts and Rescue Agreement*, edited by G. LAFFERRANDERIE e S. MARCHISIO, The Netherlands, 2011, pp. 141-163. Just to mention one contradiction, Article V.2 of the OST (1967) provides that in case of emergency landing or distress astronauts shall be safely and promptly returned to the State of registry, while Article 4 of the ARRA (1968) mentions the launching authority. Furthermore, a disharmony is to be seen in that the latter notion was better elaborated as launching State by the LIAB and REG Conventions, concluded respectively four and seven years after the ARRA.

The idea is that the Code would support the efforts to make the UN treaties, and other mentioned instruments, universally accepted — a goal that is still far from being realized — and would help States to better abide by the obligations contained in the binding instruments they have accepted.

10. Measures on Space Operations and Mitigation of Space Debris

The key measures of the Code are those contained in section 4, where the Subscribing States commit to establish and implement policies and procedures to minimise the possibility of accidents in space, collisions between space objects or any form of harmful interference with another State's peaceful exploration, and use, of outer space.

The most relevant commitment is to *refrain from any action* which brings about, directly or indirectly, damage, or destruction, of space objects. That would, in effect, constitute a political commitment to ban the testing of destructive anti-satellite weapons in space. The Code establishes a clearer rule of behaviour against intentional destruction of outer space objects, more rigorous than Guideline 4 of the 2007 Space Debris Mitigation Guidelines (UNGA Resolution 62/217), which says “the intentional destruction of any on-orbit and space vehicle orbital stages or other harmful activities that generate long-lived debris should be avoided.”

The clearer and unambiguous rule against the intentional destruction of outer space objects contained in the Code also requires greater precision in the exceptions that apply to the general ban. The tightly defined scope of the exceptions contributes to ensuring that acts of destruction do not happen except in very exceptional and clearly defined circumstances. These are the following: the action is conducted to reduce the creation of outer space debris or is justified by the inherent right of individual or collective self-defence as recognised in the United Nations Charter or by imperative safety considerations. Where such exceptional action is necessary, it should be undertaken in a manner so as to minimise, to the greatest extent possible, the creation of space debris and, in particular, the creation of long-lived space debris.

Regarding the minimisation of space debris and the mitigation of their impact in outer space, the Code build upon the existing commit-

ments, insisting on the avoidance, to the greatest extent possible, of any activities which may generate long-lived space debris. Once again, the Code represents a tool for strengthening the commitment of Subscribing States to better implement the existing space debris guidelines. Furthermore, there is a need to make unambiguous, as the Code does, that this commitment applies to all categories of space debris from the intentional destruction of space objects, whether for military or civilian purposes.

11. Cooperation mechanisms

The draft Code deals also with cooperation mechanisms, such as notification of outer space activities, registration of space objects, information on outer space activities, consultation mechanism and a mechanism to investigate proven incidents affecting space objects and to collect reliable and objective information facilitating their assessment.

On notification of outer space activities, the Code suggests this practice with regard to scheduled manoeuvres which may result in dangerous proximity to the space objects of both Subscribing and non-Subscribing States; pre-notification of launch of space objects; collisions, break-ups in orbit, and any other destruction of a space object(s) which have taken place generating measurable orbital debris; predicted high-risk re-entry events in which the re-entering space object or residual material from the re-entering space object would likely cause potential significant damage or radioactive contamination; malfunctioning of space objects which could result in a significantly increased probability of a high risk re-entry event or a collision between space objects.

The Subscribing States commit to provide the notifications described above to all potentially affected States, including non-Subscribing States where appropriate, through diplomatic channels, or by any other method as may be mutually agreed, or through the Central Point of Contact to be established under the Code. In notifying the Central Point of Contact, the Subscribing States should identify, if applicable, the potentially affected States. The Central Point of Contact should ensure the timely distribution of the notifications to all Subscribing States.

12. The consultation procedure

A consultation mechanism is already provided for by Article IX of the 1967 OST. Moreover, it is a matter of fact that Article IX presents some loopholes and ambiguities and has never been applied until now. The timing for the request for consultation is not clear (Can the State potentially affected ask for consultation before and/or during the performance of such activity?). Then, the mentioned provision focuses more on the State of origin of the activity than on the State potentially affected; finally, it confines the consultation mechanism within a bilateral relationship. This is why the Code, without prejudice to the existing consultation clauses in Articles IX of the OST and 56 of the ITU Constitution, envisages a broader consultation procedure.

Firstly, the power of action is given to the Subscribing State, or States, that may be directly affected by certain outer space activities conducted by a Subscribing State or States and has reason to believe that those activities are, or may be contrary to the commitments made under the Code. It may request consultations with a view to achieving mutually acceptable solutions regarding measures to be adopted in order to prevent or minimise the potential risks of damage to persons or property, or of potentially harmful interference to its outer space activities. One element to be stressed is that more than two States can be involved in this process: the procedure envisages not only a bilateral, but also a multilateral size for consultation.

Once the process started, any other Subscribing State or States which has reason to believe that its outer space activities would be directly affected by the identified risk may take part in the consultations if it requests so. In this case, however, it should acquire the consent of the Subscribing State or States which requested consultations and the Subscribing State or States which received the request. The Subscribing States participating in the consultations will seek mutually acceptable solutions in accordance with international law.

A clear novelty is the introduction of an optional mechanism concerning fact-finding missions as a mean for building confidence and reduce tensions. It would function only in an *ad hoc* basis and upon agreement among the Subscribing States reached at a Meeting of the Parties. These fact-finding missions should utilise information provided

on a voluntary basis by the Subscribing States, subject to national laws and regulations, and a roster of internationally recognised experts to undertake an investigation. The findings and any recommendations of these experts will be advisory, and will not be binding upon the Subscribing States involved in the incident that is the subject of the investigation.

13. Organizational aspects

One of the main loopholes of the existing UN treaties of the United Nations is that they do not possess any institutional structure. They do not have a secretariat, nor conferences of the parties meeting at regular intervals, as it happens since long-time in the case of more recent multilateral treaties, such as the multilateral environmental treaties (MEAs). As the UN space treaties were negotiated and concluded in different times and among different States, the only subjects competent to interpret them are the respective States parties in the exercise of their sovereignty. Thus, there is no institutionalized body created by the treaties that can interpret them or debate on their application, or initiate any process for amending them, nor does this competence fall within the powers of the COPUOS, as delegations rather firmly restate at every opportunity during the COPUOS sessions. It is a matter of fact that the UN outer space treaties are rather ageing treaties, with no political possibilities to be updated.

The Code provides for a minimal structure, but indispensable to ensure a correct governance of the process. It confers to the periodic Meetings of the Subscribing States, annual or biennial, as the final decision may be, to define, review and further develop the Code and ensure its effective implementation. The decisions at such Meetings, both substantive and procedural, are to be taken by *consensus* of the Subscribing States present. Any Subscribing State may propose modifications to the Code. Modifications apply to Subscribing States upon acceptance by all Subscribing States. Finally, a Central Point of Contact to be established by Subscribing States will receive and announce the subscription of additional States; maintain an electronic database and communications system; serve as secretariat at the Meetings of Subscribing States; and carry out other tasks as determined by the Subscribing States.

14. The legal nature of the Code

Having examined the main content of the Code, I would like to continue now with some considerations on the legal nature of this instrument. Over the past centuries, State practice has developed a variety of terms to refer to international instruments by which States establish or adopt non legally binding frameworks. In recent times, the issue of the function of non-binding norms in international space law has been widely addressed by the doctrine¹.

The title assigned to such international instruments has normally no overriding legal effects; it may follow habitual uses or may relate to the particular character or importance sought to be attributed to the instrument by its parties. The degree of formality chosen will depend upon the gravity of the problems dealt with and upon the political implications and intent of the parties.

Codes of conduct do not have any authorized definition. At a very basic level, they all aim to define standards and principles that ought to guide the behaviour of the addressees in a particular way. As such, they are regulatory instruments. They may respond to a broad range of regulatory concerns and be established at the initiative of governments, international organizations, individuals, and private organizations. A distinguishing feature of codes of conduct is that they are voluntary in nature, rather than legally binding, and thus not legally enforceable. However, they carry the weight of a joint political commitment on the part of the Subscribing States that represents their firm expectation of good conduct, reflecting the values and aspirations of the group.

The International Code of Conduct on Outer Space Activities fulfils these requirements. It is voluntary and open to all States. It does not want, in itself, establish any legal rights or obligations. It contains general principles and responsible rules of behaviour that could be detailed in subsequent legal instruments, such as treaties and conventions, as well as national legislation or that can develop as customary international law. In this sense, the non legally binding nature of the Code is without prejudice to further normative developments. In addition, the process of the Code and its implementation would pave the way to

---

¹ See I. MARBOE (ED.), *Soft Law in Outer Space. The Function of Non-binding Norms in International Space Law*, Wien — Köln — Graz, 2012

other non legally binding instruments adopted by the Subscribing States within the Meetings of the Parties, as the need may be.

Thus, I do not think that the Code, once adopted and subscribed by signatory States at the level of Ministers of Foreign Affairs will be endowed, in legal terms, with a merely hortatory value. It seems rather to me that it will belong to the genus of non legally binding normative instruments, such as the declaration of principles and other political commitments that are considered important tools in the process of evolving international law.

The Code contains specific clauses concerning its acceptance by States or other subjects, such as Regional Integration Organization and intergovernmental organizations, which are mentioned as possible partners. These clauses evoke in a soft way the realm of treaties. We have the notion of 'adoption', where it is said that the Code will be adopted at a diplomatic conference. 'Adoption' is indeed the formal act by which the form and content of a proposed international instrument are established. Then, the actors of the Code are the 'Subscribing States'. Subscription is equivalent to signature, which normally establishes the consent of the State to be bound by an international instrument.

Even if the consent is not aimed at accepting legally binding commitments, the value of the political engagements contained in the Code should not be underestimated. The Code would provide a clear set of prescriptions against which the behaviour of States will be judged, and there will be a clear expectation on States to abide by the commitments they have made. In my opinion, the main legal consequence the Code would produce is the *effect of legality*. Still, I do not conceive this effect in the same fashion that has been advocated by an eminent Italian jurist with regard to the effect of recommendations of the UNGA, namely that a State do not commit a wrongful act when, in order to carry out a recommendation of a UN organ, it acts in a way that is contrary to commitments previously undertaken by agreement or to obligations deriving from customary international law¹. This seems an ultra legal consequence, which goes too far beyond the admissible scope of the Code, which is not intended to allow Subscribing States to depart from

---

¹ B. CONFORTI, *The Law and Practice of the United Nations*, The Hague-London-Boston, 1996, pp. 275-277.

established obligations of international law. Rather, it should support Subscribing States to better abide by these obligations.

In reality, the effect of legality means that a State's behaviour consistent with a political commitment contained in the Code is presumed to be legal and licit and would enjoy the benefit of the doubt should its legality be called into question. On the other hand, any action contrary to the provisions of the Code can result in the shifting of the burden of proof against the subject violating them.

15. Conclusions

A major point that has been raised concerns the benefits that a State can enjoy by adhering to the Code. It has been questioned that the Code is not in the interest of developing and emerging space faring nations. It is my opinion that developing countries have a strong interest in ensuring that the space environment is used in a sustainable and responsible way, so that they can fully enjoy the benefits of space activities and launch space initiatives to the benefit of their citizens. The Code does not impose any requirements on countries, particularly developing countries, that might act as a barrier to their space activities. On the contrary, the Code provides a roadmap, in line with the times, that will assist new entrants into space with awareness of best practices in the conduct of space operations. And through the Meetings of Subscribing States, the Code will provide developing countries with a voice in the future development of norms for outer space activity.

The three initiatives that I mentioned are a first step, which hopefully would be followed by many more. They are supposed to present *concrete, feasible, pragmatic solutions for policy and lawmakers*. To make them as meaningful and successful the need for educating and informing various groups is a central theme. For this, space lawyers should take seriously on their shoulder the engagement to explain that normative instruments, legally or not legally binding, should be used according to the circumstances and that they represent steps concurring each one with its merits to the achievement of the main goal of a safe, secure and sustainable outer space for all.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ГОНКИ ВООРУЖЕНИЙ В КОСМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Т.А. Гладуш

аспирантка кафедры международного права
Российский университет дружбы народов

Сегодня в мирной космической деятельности участвуют более 130 государств, которые либо имеют собственные космические программы, либо получают информацию от космических исследований. Одновременно повсюду в мире растут масштабы использования космических систем в военных целях. Российская Федерация не является исключением. Нормальное функционирование военно-космических систем способствует поддержанию стратегической стабильности и международной безопасности за счет создания более открытого и предсказуемого режима военной деятельности, а также обеспечения контроля за соблюдением договоров в области ограничения вооружений. Речь идет о деятельности, которая осуществляется в соответствии с международным правом. При этом российские космические системы, хотя и имеют военную направленность, не являются оружием, поскольку не предназначены для поражения противника в вооруженной борьбе и не создают угрозы нападения в космосе и из космоса.

Между тем, размещение на орбите оружия для поражения средств противника в космосе и на земле, не только привело бы к подрыву существующей структуры договоренностей по ограничению вооружений, прежде всего ракетно-ядерных, но и стимулировало бы новый виток гонки вооружений на более высоком качественном уровне. Другими словами, превращение космического пространства в потенциальный театр военных действий чревато

нарушением стратегической стабильности и расшатыванием международной безопасности.

Хотелось бы подчеркнуть, что проблема предотвращения девопонизации космоса не нова¹. Еще в 1967 г. был заключен Договор о космосе, в соответствии с которым запрещается размещение ОМУ на Луне и других небесных телах. Таким образом, уже тогда, без малого полвека назад, наши предшественники осознавали важность принятия превентивных мер, ставящих заслон выводу оружия в космос. Эта задача сегодня приобрела еще большую актуальность. Поэтому Российская Федерация выступила с целым рядом практических инициатив, направленных на нейтрализацию этой угрозы. Так, Россия в инициативном порядке пошла на реализацию такой серьезной меры открытости и укрепления доверия в космической деятельности как заблаговременное предоставление информации о предстоящих запусках космических объектов, их предназначении и основных параметрах орбиты. Россия заявляла об отсутствии планов создания и размещения в околоземном пространстве каких-либо систем космического оружия и продолжает соблюдать объявленный ею мораторий на испытания противоспутниковых систем. В октябре 2004 г. на 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Россия в одностороннем порядке и без каких-либо условий заявила о том, что не будет первой размещать оружие любого вида в космическом пространстве. Партнеры России по ОДКБ поддержали эту инициативу и взяли коллективное обязательство не выводить оружие в космос. Российская Федерация не раз призывала все государства, обладающие соответствующим потенциалом, последовать примеру.

Тема предотвращения гонки вооружений в космическом пространстве глубоко прорабатывается на Конференции по разоружению². В разных форматах — на официальных пленарных заседа-

---

¹ См. подробнее: *Жуков Г.П.* Проблема девопонизации и нейтрализации космического пространства // Московский журнал международного права. — 2009. — № 3. — С. 184–197.

² Официальный сайт Комиссии по разоружению. URL: [http://www.unog.ch/80256EE600585943/\(httpPages\)/2D415EE45C5FAE07C12571800055232B?OpenDocument](http://www.unog.ch/80256EE600585943/(httpPages)/2D415EE45C5FAE07C12571800055232B?OpenDocument).

ниях, в ходе неформальных дискуссий, на ежегодных международных конференциях — делегации активно и заинтересованно обсуждают этот ключевой вопрос повестки дня Конференции.

Существующие международно-правовые инструменты по контролю над вооружениями и разоружению, имеющие отношение к космическому пространству, включая двусторонние соглашения и правовые режимы, играют позитивную роль и должны строго соблюдаться. Однако в силу своей ограниченности они, к сожалению, не способны эффективно предотвратить размещение оружия и гонку вооружений в космическом пространстве.

Для предотвращения этой угрозы необходим новый международно-правовой инструмент. Исходя из этого, 12 февраля 2008 г. Россия и Китай внесли на Конференцию по разоружению проект договора о предотвращении размещения оружия в космосе, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, который издан как ее официальный документ CD/1839. В проекте договора Россия и Китай постарались охватить все наиболее существенные аспекты укрепления военной безопасности в космическом пространстве. Преамбула Проекта содержит общие положения о целях предлагаемого договора. Главные из них — предотвратить размещение оружия в космическом пространстве и гарантировать бесперебойное функционирование космических объектов. Проект договора содержит ряд определений и терминов, которые мы предложили в целях единообразного понимания нашего проекта. Важное место в российско-китайском Проекте договора занимают положения, регламентирующие деятельность Исполнительного органа, который будет учрежден для осуществления целей и положений договора. Что касается мер контроля за соблюдением договора, то они могут быть как частью его самого, так и стать предметом дополнительного протокола. В целом российско-китайский Проект вызвал в международном сообществе большой интерес. В ходе дискуссий о содержании Проекта появился ряд вопросов, ответы на которые были зафиксированы в рабочем документе Конференции по разоружению¹.

---

¹ См.: Документ CD/1872 от 18 августа 2009 г. URL: www.geneva.mid.ru/space/CD_1872_180809_rus.pdf.

Учитывая, что Конференция по разоружению пока, к сожалению, не может начать переговоры как по Проекту Договора о предотвращении размещения оружия в космосе, так и по другим пунктам своей повестки дня, представляется целесообразным активизировать выработку мер транспарентности и доверия в космосе. Как известно, на 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН принята резолюция 65/68 от 8 декабря 2010 г., в которой содержится обращение к Генеральному секретарю ООН учредить на основе справедливого географического представительства *Группу правительственных экспертов* для проведения, начиная с 2012 г., исследования по мерам транспарентности и доверия в космосе. Это исследование должно быть представлено Генассамблее ООН на ее 68-й сессии в 2013 г. При этом позиция России состоит в том, что применение этих мер, не заменяя усилий по предотвращению гонки вооружений в космосе, способствовало бы большей транспарентности и предсказуемости космической деятельности во всех сферах, в том числе военной.

Таким образом, можно констатировать необходимость дальнейшего развития мер доверия в космосе, которые уже пользуются растущим пониманием и поддержкой в международном сообществе. Вместе с тем, проект Кодекса поведения в космосе, предложенный Евросоюзом, также представляется важным документом в сфере поддержания международной космической безопасности, однако целесообразным представляется доработка данного документа на многосторонней основе.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОЕНИЯ КОСМОСА

**МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА
X ЕЖЕГОДНОЙ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА», ПОСВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ
ПРОФЕССОРА И.П. БЛИЩЕНКО**

Москва, 13–14 апреля 2012 г.

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический корректор *Н.А. Ясько*
Компьютерная верстка *И.В. Быков*
Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 28.11.2012 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,7. Тираж 500 экз. Заказ 1563

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Для заметок
